„Вы целый год несли крест. Теперь, в память галлиполийского сидения, этот крест вы носите на своей груди. Объедините же вокруг этого креста русских людей. Держите высоко русское имя и никому не давайте русского знамени в обиду".

Цена этого номера в С. А. Ш. 30 центов.
Monthly Russian Magazine of the Veterans Association of the Armies of Gen. Denikin and Gen. Wrangel.

NASHA PEREKLICHKA

НАША ПЕРЕКЛИЧКА

1920 БИЗЕРТА 1921 — 1920 ГАЛЛИПОЛИ 1921 — 1920 ЛЕМНОСЪ 1921

ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
ИНФОРМАЦИИ И СВЯЗИ БЕЛОГО ЛАГЕРЯ РОССИЙСКОЙ ЭМИГРАЦИИ

1-ый год издания. **№ 1 (101)** **Февраль 1960 г.**

НАША ПЛАНЕТА

(Политический обзор)

Существует старый анекдот о сыре. Когда сыр описывает оптимист, он видит только сыр, а дырочок в нем не замечает, а когда о том же сыре пишет пессимист, его внимание поглощают дырочки — сыра он не замечает.

Мировая политика — это тот же сыр: есть в нем явления положительные, с нашей точки зрения, конечно, а есть и явления отрицательные — сыр и дырочки.

Чтобы определить, чего же больше, надо отрешиться от того „официального оптимизма", которым, как правило, страдают обозреватели, „танцуя каждый от своей печки" и пропуская события и факты через призму личных, партийных, расовых, национальных настроений, установок и вожделений. Стать выше всего этого не легко, но всемерно стремиться к этому совершенно необходимо для каждого обозревателя, желающего дать правдивую картину обозреваемого, описуемого.

С этими мыслями я приступаю к нелегкой задаче дать краткое обозрение, происходящего на нашей планете в настоящее время.

Вся она кипит, бурлит, горит. То тут, то там происходят вспышки, взрывы, то временно затихая, то разгораясь с новой силой. А над ней, как встревоженные птицы, летают „вожди" обоих лагерей или блоков, на которые поделен весь мир. Каждый из них имеет свои цели: одни хотят что то схватить и урвать чужое, другие — сохранить и сберечь то, что считают своим. И все понимают, что мы живем в годы, в которые на многие поколения решаются судьбы человечества. Каковы они будут и по каким путям пойдут, решит та сторона, которая окажется победителем в этом соревновании за водительство всей нашей планеты.

Внешне, формально, все как будто, ясно, отчетливо и опеределенно: весь мир поделен на два блока — красный — коммунистический и так называемый „Свободный Мир" — блок демократический. Между ними глубокий ров или железный занавес — свобода. За ним, как за щитом, отсиживается „Свободный Мир". Сквозь и через него — прямо и косвенно — пытается проникнуть противник, который не отсиживается, а весьма активно наступает, гибко приспособляясь к обстановке и учитывая все возможности для проникновения в глубочайшие тылы противника для их разложения. А почва для разложения этих тылов богатейшая. Подготовила ее система колониализма, не сумевшего или не захотевшего понять необходимость самого радикального и при том незамедлительного своего изменения, точнее, самоупразднения. И при том искреннего и последовательного, а не только на словах и бумаге.

Сто лет тому назад Император Александр II сказал дворянам-помещикам исторические слова: „лучше освободить сверху, чем дождаться освобождения снизу". И одним росчерком пера упразднил крепостное право, а затем земской, судебной реформами и всеобщей воинской повинностью создал предпосылки для превращения вчерашних рабов в полноправных граждан.

Насколько своевременно были сказаны эти слова становится ясно только теперь, после опубликования большевиками донесений губернаторов о многочисленных крестьянских волнениях, беспорядках и бунтах в последние десятилетия перед освобождением крестьян. Газеты тогда об этом не писали и в парламенте вопрос этот не поднимали, потому что никакого парламента тогда не было.

И более чем вероятно, что не проведи Александр II освобождения „сверху", оно бы начало осуществляться „снизу".

Демократия и ее детище — колониализм не нашли в себе мудрости и политической дальнозоркости взять пример с Александра II, а потому и дождалась „освобождения снизу", которое после II мировой войны, непрерывно нарастая, продолжается и в наши дни.

В результате, на наших глазах происходит распадение крупнейших колониальных государств и совершенно определенный процесс сведения метрополий к их этнографическим границам.

Заплаты и пластыри в виде английского „Коммонвелта" или французского „Содружества", которыми пытаются слепить и заклеить разваливающееся единство мощных когда то колониальных империй, никого не обманут. Не удержат единство и разные договоры и экономические соглашения, несмотря на всю их юридическую безупречность.

Получается нечто вроде католического развода, когда формально брак остается в силе, но супруги разводятся-разлучаются „от стола и постели". Чего стоит такой, формально существующий, брак и чем он обычно кончается — говорить не надо. Всем известно, что обычно каждая сторона устраивает жизнь по своему.

Надеяться, что с „католическим разводом" метрополий и колоний будет по другому и что наступит дружба, любовь, доверие и сотрудничество между освобождающимися народами и их бывшими метрополиями может только очень большой оптимист или человек неосведомленный о характере взаимоотношений между колониальными (или полуколониальными) народами и народами метрополий.

Смотря на вещи реально, есть все основания предполагать, что эти народы пойдут какими то своими собственными путями. От того, каковы будут эти пути, зависит будущее нашей планеты, точнее, ее социально-политический строй, а также и судьба „Свободного Мира".

Это отлично понимают „вожди" двух, конкурирующих за мировое господство идеологий. А потому они и летают... Летают и обещают мир, дружбу, благоденствие и, главное, помощь... И, конечно, не упускают случая усилить свои позиции и ослабить позиции противника.

В основном, полеты эти направлены в страны колониальные или полуколониальные или же только что от колониализма освободившиеся и намечающие „свои собственные" пути политики. Таких стран, государств и народов не мало и в Азии, и в Африке. Колеблются в выборе своей политики и многие страны Южной Америки.

Полеты „европейско-северо-американские" (обмены визитами) играют роль второстепенную, ибо „последнее слово" за тем, за кем пойдут Азия, Африка и Южная Америка.

Попробуем теперь (после несколько затянувшегося вступления) бегло взглянуть, что происходит везде там, куда летают „вожди".

Огромная Азия, неисчислимо богатая людскими резервами и природными богатствами. Летит над ней хрущ. Огромная ее северная часть уже больше 40 лет под властью коммунистов. Это сыр; не дырочка. Сыром для коммунистов и дыркой для себя сделала премудрая политика американских попутчиков и огромный Китай. Только маленькая дырочка осталась, в которой сидит Чан Кай Чек. Надеятся на то, что он захватит весь Китай и свергнет коммунизм, могут только мечтатели и при том очень наивные. Еще меньше оснований надеяться, что Москва и Пекин передерутся на радость свободного мира. Их руководители не дураки и понимают, чем это может кончиться. Огромный совето-китайский массив если и не монолитен, то единомышлен в своем стремлении „угробить" свободный мир.

На крайнем востоке — Япония, на которую возлагают так много надежд, как на „бастион антикоммунизма". В Японии американцы. Хотя формально и независимая Япония вынуждена согласовать свою не только внешнюю, но внутреннюю политику с желанием США. Черная туча переналеления и перепроизводства висит над ней. Естественные рынки сбыта и территории для отлива населения — в руках красных. Коммунисты и попутчики там сильны. Все то ставит под вопрос надежность этого „антикоммунистического бастиона" в будущем. Пока же что, за влияние там состязаются и СССР, и США.

Южная Корея, пока там американцы, ведет ту же и внешнюю и внутреннюю политику, как и, ненавидимая корейцами, Япония. В случае ухода американцев, судьба этого определенно анти-коммунистического правительства, кусочка северно-восточной Азии, неизвестна.

Вся огромная и богатейшая южная и юго-восточная Азия с такими государствами как Индия, Индонезия и с рядом более мелких, в споре между СССР и США (лидерами двух блоков) занимает позицию „непредрешенческую", с сильным уклоном в сторону СССР. Кое где там вкраплены территории с открыто коммунистическим режимом, как например, один из „штатов" Индии с 35-ти миллионами населением (Каралла) или северный Лаос.

Москва и Вашингтон ведут борьбу за симпатии

в этой части Азии. И Хрущеву с Булганиным, прилетевшим туда два года тому назад, и Айзенгауэру, взявшему пример с Хрущева, в декабре 59 года, оказывается восторженный прием. Оно и не удивительно: все обещают и дают. США — больше, но Индия знает об этом меньше; СССР — меньше дает, больше обещает, но рекламой коммунистов и попутчиков это даваемое, возрастает до астрономических цифр.

Но стоило Айзенгауэру сказать в индийском парламенте, что для свободы нужна сила, а следовательно, вооружение и жертвы для него — восторженные овации сменились гробовым молчанием... Хрущев и Булганин о жертвах не говорили, а потому на их триумфальном пути не было ни одного пятнышка.

Не надо забывать, что их триумф был результатом той традиционной политики России в национальном вопросе, которая не знала дискриминации, чего нельзя сказать о культурных англо-саксах, французах и голландцах. Престиж России, престиж „Белого Царя", всегда стоял очень высоко среди народов Азии ибо они знали, как русские относятся к их единомышленникам или единоверцам, находящимся в границах Российского Государства. Не разбираясь в переменах режимов, Азия перенесла эти симпатии на большевиков и индусские массы при проезде Хрущева и Булганина кричали: „да здравствуют Русские Императоры". Многочисленные же коммунисты и попутчики приветствовали их как возглавителей коммунизма. Здесь уместно будет упомянуть, что они горячо приветствовали и Айзенгауэра, несомненно по сигналу Москвы. Причину же этого сигнала угадать не трудно: ведь Айзенгауэр повторял призыв к „миру всего мира", на чем сейчас играет коммунизм для размагничевания свободного мира.

„Чей" сейчас юг и юго-восток Азии — сказать сейчас трудно. С Западом его связывает многочисленные экономические интересы, капиталовложения, сделанные Западом во времена колониализма и отталкивание от коммунизма (не особенно энергичное) значительных слоев населения.

К Москве его толкают тяжелые воспоминания, отсталость и нищета масс и, созданная умелой пропагандой, что коммунизм даст лучшее будущее.

Только США имеют там известные шансы на симпатии (в значительной степени не бескорыстные). Позиции же Англии, Франции и Голландии, некогда владевших этими территориями, на долгий отрезок времени там безнадежны.

Все эти факторы приводят к выводу, что Западу рассчитывать на помощь многосотмиллионной южной и юго-восточной Азии в случае конфликта с СССР не приходится. В лучшем случае он будет нейтрален. А не исключена возможность, что нейтралитет этот будет просоветский.

Более отчетливо положение в юго-западной Азии — на Ближнем Востоке. Кроме Турции и Ирана она вся антизападна. Это не значит еще, что и прокоммунистична. Причина неприязни государств этой части Азии к Западу не секрет. Это создание государства Израиль и его поддержка Западом.

В своем отрицательном отношении к Израилю все арабские страны единодушны. С арабами солидаризуются и мусульмане — не арабы, начиная от формально прозападного Пакистана на востоке и кончая Марокко на Атлантическом океане. Кроме поддержки Западом Израиля, симпатиям к нему в этих странах препятствуют и еще не изжитые воспоминания о власти в этих странах англичан и французов. А потому рассчитывать на их симпатии тому блоку, в котором состоят Англия и Франция и который покровительствует Израилю — не приходится.

Вера же в Объединенные Нации и надежда через них добиться справедливого, по их мнению, решения Палестинского вопроса у арабов и мусульман убита после того, как Объединенные Нации не только не смогли заставить Израиль подчиниться своему решению о его границах, но и охраняют теперь своими силами те границы Израиля, которые он установил вопреки решению ОН.

Не укрепило веру в отказ Запада от методов колониализма и нападение на Египет в 1956 году Англии, Франции и Израиля. Если Запад сейчас старается это нападение предать забвению, а заслугу его приостановки приписать ОН, то арабы, вероятно, не забыли, что нападение было прекращено только после ультиматума Москвы.

Все это надо учитывать тому, кто хочет видеть правдивую картину положения на Ближнем Востоке.

Демонстративно прозападные настроения правительств Турции и Ирана вряд ли могут уравновесить антизападные настроения большинства государств этой части нашей планеты. При оценке положения не надо забывать и пример Ирака, который в 24 часа из прозападного превратился в антизападный. Какая гарантия, что нечто подобное не может случиться с Турцией, особенно, с Ираном. Настроения правительств в государствах без подлинно демократических традиций не всегда соответствует настроениям их граждан. К тому же надо учитывать и то, что у турок и персов кроме традиционной вражды к России, толкающей их к Западу, существуют и воспоминания, как этот самый Запад в 1918 г. расчленил Турцию и превратил Иран в фактический сателлит Англии, что от Запада отталкивает. Какие настроения перетянут — гадательно, особенно, если бы была прекращена щедрая помощь США, оказываемая Турции и Ирану.

Резюмируя же все сказанное об Азии, мы приходим к выводу не особенно радужному для „Сво-

бодного Мира". Одна ее часть (с огромным Китаем) уже в красном блоке; остальная — сомнительно нейтральна. И лишь кое где есть более или менее надежные клочки, которые теряются в необъятной Азии. Словом, для Запада больше ,,дырочек" чем ,,сыра".

Единственным твердым союзником Запада во всей Азии является Израиль, несмотря на наличие в нем сильных прокоммунистических течений. Эта твердость Израиля объясняется тем, что США и евреи Запада его содержат и политически охраняют от неизбежного без этой охраны поглощения арабами. Рассчитывать же на помощь СССР в своем конфликте с арабами Израиль не может, потому что Москва, учитывая невозможность примирения Израиля с арабами и всем, симпатизирующим им мусульманским миром, сделала ставку не на полуторамиллионный Израиль, а на многосотмиллионный арабско мусульманский мир. Этим она укрепила свои позиции на Ближнем Востоке. Запад и США сделали ставку противоположную — на Израиль, и тем вызвали к себе отрицательное отношение. Года два тому назад в американских газетах было напечатано мнение Пентагона (военн. министерства) по этому вопросу, в котором говорилось, что без симпатий арабов и мусульманского мира, военно-политическое положение Запада и США на Ближнем Востоке в случае конфликта будет очень тяжелое. ,,Как приобрести эти симпатии — это дело не военных, а политиков" — говорилось в этом мнении Пентагона.

***

Переходя к Африке, если расценивать чисто формально, можно сказать, что ни одного не только коммунистического, но даже и открыто прокоммунистического государства там нет. Но при более внимательном рассмотрении положения мы приходим к выводу, что дело там обстоит далеко не благополучно для Запада и, в значительной мере, благоприятно для коммунизма.

Сейчас там колониализм стремительно разрушается, и на его развалинах создаются новые государства. На севере Африки уже освободились Египет, Ливия, Судан, Тунис, Марокко. Пять лет ведет борьбу за свою независимость Алжир. Одна за другой или провозглашают самостоятельность или требуют таковой английские, французские и бельгийские колонии в разных частях Африки.

Правительства колониальных государств делают усилия как то канализировать это стихийное движение к освобождению от колониализма и направить его по пути создания новых форм сосуществования со своими бывшими колониями. Англия облекает это сосуществование в форму так называемого ,,Комменвелта", Франция называет его ,,Содружеством". Насколько будут прочны и долговечны эти формы сосуществования бывших метрополей с бывшими колониями предсказать трудно. Хотя их и связывают многочисленные экономические нити и капиталовложения, сделанные в свое время метрополиями, и хотя экономическое сотрудничество в известной степени может быть обоюдно выгодно, тем не менее действие сил центробежных, питаемых часто не рассчетом, а неприязнью к бывшим метрополиям, настолько сильно, что перевешивает все рассчеты и пренебрегает объективными выгодами сосуществования.

Особенно усилилось действие этих центробежных сил в Африке после порочного по замыслу и позорной по окончанию ,,Суэцкой экспедиции".

Предприятие это продемонстрировало перед всем миром то, что бывшие колониальные государства не отказались от своих старых методов насилия, что они оказались импотентными при попытке применить силу и что они капитулировали перед ультиматумом Москвы.

Нет надобности объяснять, насколько все это уронило престиж европейцев в Африке и подняло престиж Москвы и окрылило центробежные силы в Африке, стремящиеся к окончательной ликвидации колониализма в любой его форме.

С тех пор во всей Африке почва уходит из под ног бывших метрополий. Ни полеты туда коронованных особ, премьеров, президентов, ни щедрые обещания всяких благ в будущем равноправном сосуществовании на африканцев мало действуют. Процесс вытеснения из Африки европейцев и белых идет неуклонно. А, параллельно с ним растут симпатии к Москве, которая сумела прекратить ,,Суэцкую экспедицию", дала деньги на постройку Ассуанской плотины и всегда демонстративно поддерживает ,,африканское освободительное движение", как африканцы называют свою борьбу с колониализмом или его пережитками.

Поражение Англии в ее попытке продиктовать свою волю Нассеру, неуспех Франции в Алжире только разжигает аппетиты черных и вселяют в них веру в свои силы и конечный успех.

С другой стороны, бесчеловечно-издевательская расовая политика, которая проводится по отношению к неграм в английской (член Коммонволта) Юж. Африке подогревает враждебные всем белым настроения и приводит к чисто террористическим движениям вроде ,,Мау-Мау" в Кении. А более умеренные негритянские политические течения постепенно теряют свои позиции.

И, резюмируя положение в Африке, трудно сделать это резюме оптимистическим, если придерживаться объективности. Африка быстро рвет все связи (или стремится это сделать) с метрополиями и панацею от всех зол видит в полной независимости всех африканских народов и даже племен.

Сумеют ли они организовать свою государственную жизнь при почти полном отсутствии культурных сил и полудиком населении или они ска-

тятся к коммунизму с его заманчивыми лозунгами и грозной действительностью — предсказать трудно. Но что они не успокоются пока окончательно не вытеснят белых из Африки — это несомненно. Вряд ли можно сомневаться и в том, что в случае столкновения Запада с коммунизмом, Африка Запад не поддержит. Для Запада вся Африка уже не „сыр", а скорее „дырочка", кроме, может быть, Южно-африканского английского доминиона.

Вся Южная Америка с ее двумя десятками республик представляет собою очень пеструю картину, весьма склонную к переменам и изменениям: от диктатуры отдельных президентов до республик с просоветскими, хотя формально и не коммунистическими правительствами. Вопрос расовый не стоит там так остро, как в Африке, ибо коренное население в значительной степени уже смешалось с пришлыми из Европы эмигрантами, а кроме того, оно составляет не большинство населения как в Африке, а меньшинство.

Но зато в области социальных взаимоотношений там не все благополучно. Наряду с миллионерами и представителями иностранного капитала, широкие народные массы влачат жалкое существование и находятся на весьма низком культурном уровне. А это является благодарной почвой для коммунистической пропаганды или попыток изменения социальных взаимоотношений, как это в свое время сделал Перон в Аргентине.

Независимо от симпатии или антипатии к социальным мероприятиям Перона, нельзя не признать, что в Аргентине они нашли широкий отклик и в значительной степени парализовали коммунистическую пропаганду. Но в результате конфликта с католической церковью и мощными капиталистическими странами Свободного Мира, Перон был свергнут. И сейчас „перонизм" или нечто ему подобное мало вероятен в республиках Южной Америки. За симпатии народных масс там борется коммунизм, хотя во многих республиках он и находится под запретом. Ему противоставляются идеи классической либеральной демократии, которая в Южной Америке как то уживается с постоянными революциями, государственными переворотами и захватами власти разными „хунтами".

Пока что коммунизм там нигде не переходит в открытое наступление и действует в рамках этих „демократий", оказывая только косвенное влияние на их политику и умело играя на враждебном отношении к американцам из США, имеющим в Южной Америке много капиталовложений. Поездка вице-президента США Никсона по государствам Южной Америки и демонстрации против него показали, насколько сильны там эти настроения, которые с отдельных капиталистов переносятся на США вообще.

А в результате этих настроений и тяжелого экономического положения большинства республик Южной Америки создаются предпосылки для разных переворотов и приходу к власти сил, враждебных США и Западу, как например, в Мексике, Венецуэле, Кубе. Никакой уверенности нет в том, что нечто подобное тому, что случилось на Кубе, не случится еще в какой-нибудь из Южно-Американских республик. А меры к устранению предпосылок для подобных переворотов не предпринимаются. В то время когда Тито и Гомулка получают миллиарды, для упорядочивания экономики и поднятия стандарта жизни широких масс Южной Америки почти ничего не делается.

Все выше сказанное о Южной Америке не выглядит особенно оптимистически, но нельзя вдаваться и в другую крайность и считать позиции Западного мира безнадежно потерянными. При разумной политике Запада и своевременно принятыми мерами всю Южную Америку, вероятно, еще можно удержать в лагере демократий, а многие из республик и сделать надежными союзниками. Но терять времени нельзя и надо начинать действовать незамедлительно. Пойдет ли по этому пути Свободный Мир — покажет будущее.

Пока же что на Южную Америку надвигается новая опасность. Об этой опасности пишет „Дэйли Ньюс". Куба с ее прокоммунистическим правительством сделалась центром деятельности тех сил, которые стремятся коммунизировать Южную Америку. Совершенно особую, и при том весьма значительную роль играют китайцы. На Кубе их 40.000 и постоянно прибывают новые. Они хорошо организованы в ячейки, а кроме того, недавно открыли информационное агентство „Новый Китай" — центр их пропаганды.

В сотрудничестве с этими китайцами на Кубе производится земельная реформа и созданы „фермерские кооперативы" (389), „народные лавки" (405), котоые, как пишет „Дэйли Ньюс", организованы образцово и могут послужить заразительным примером для стран Южной Америки. Газета подчеркивает, что эта деятельность китайцев носит самостоятельный характер и ведется независимо от Москвы.

В самой же Южной Америке растут и усиливаются прокоммунистические настроения, которые и без того были сильны и повели к демонстрациям во время посещения ее Никсоном.

Эти настроения создаются и подогреваются коммунистическими партиями и попутчиками, которые в некоторых республиках очень сильны и активны. Только организованых членов компартии (не считая попутчиков) в Аргентине 70 тысяч, в Бразилии — 50, в Чили 25, в Уругвае — 5. В Уругвае же находится и центр московской пропаганды. Об этом свидетельствует тот факт, что в посольстве СССР в Уругвае 80 служащих, тогда как в посольстве в Вашингтоне их всего 60. А в Мексике, как писали американские газеты 'чи-

ПИСЬМО

Глубокоуважаемый Александр Константинович!

Жалею, что не богач, что не в силах оказать такому солидному журналу — соответственно солидную поддержку. А „Перекличка" — действительно солидный журнал, как по форме, так и по содержанию. Приходится лишь удивляться, как умудряются русские люди, будучи на чужбине, с ничтожными средствами и возможностями, (материальными, конечно), создавать высокие, культурные ценности, к которым, в первую очередь, надо отнести и издаваемый Вами журнал. А чтобы Вы не сказали, по этому поводу, словами А. С. Пушкина: „Я лишние хвалы считаю за отраву", или не сочли это за ненужную лесть, позволяю себе сделать кратенькое изъяснение, тем более, что Вы неоднократно обращались к гг. подписчикам сообщить Вам их отзывы о журнале. Так вот. Я очень внимательно и вдумчиво прочитывал „Перекличку" и сделал вывод, что если не все, то большинство помещенных в журнале статей, посвящены воспоминаниям недавнего прошлого, главным образом вооруженной борьбе Белых Российских Воинов с красными врагами 1917-1920 гг. на всех просторах своей Родины. Потом трагическая эпопея Великого Исхода оставшихся в живых, доблестных русских воинов за пределы Родины и бытие их вне пределов Родины, долгие и тяжелые годы. Что это за материал по существу? Это, как я понимаю, показания живых свидетелей Великих событий, (исторических событий), свершавшихся на русской земле, в русском народе, а следовательно, являются ценнейшим материалом для будущих историков, это живые, еще теплые следы дел, людей и событий свершавших судьбы России. И с этой точки зрения, журнал выполняет, главным образом, миссию историческую, выходящую далеко за пределы России как таковой и в этом его высокая, культурная ценность. Разве это не так? Ну, а остальное само собой прилагается.

Честь Вам и слава, самоотверженные русские труженники, сумевшие в столь трудных условиях создать столь ценный, орган истории, культуры и быта русских людей в изгнании и спасибо!

Искренне, сердечно желаю Вам, дорогой Александр Константинович и Вашим сотрудникам и соратникам по журналу — здравия, бодрости и энергии для продолжения и совершенствования такого нужного и такого полезного дела!

Глубокоуважающий Вас

Иршенко Иван Алексеевич

О БОЯХ В КУРСКОЙ ДУГЕ

(Продолжение)

Что касается броневых частей, то война в Испании, в особенности в ее последней фазе в Кастилии и в Арагоне показала немцам и, повидимому лишь им одним, так как иные державы не сделали из этого надлежащих выводов, чего могут достигнуть моторизованные колонны, в особенности если они созданы для самостоятельных действий.

Чтобы воспрепятствовать проникновению танков, нужно располагать разновидным противотанковым оружием, эшелонированным на большую глубину. В этом отношении и хорошая советская артиллерия не смогла сослужить необходимой службы, ибо она все же предоставила широкое поле деятельности для немецких танков и далеко не всегда оказывалась в распоряжении пехоты, вооружение которой легкими пушками калибра 45 мм. было для отражения броневых частей недостаточным. Сов. танки в составе пехоты, или придаваемые ей для ее усиления и поддержки, что являлось в сов. армиях их основным применением, не соответствовали обстановке, в связи с чем они и принуждены были избегать сближения с танками. Сведенные же в бригады и специальные полки, они органически не были способны, как это имеет место в танковых дивизиях, к отдельным самостоятельным действиям на протяжении ряда дней. Этим и объяснялась незначительная глубина советских контр-атак. Также и быстрое продвижение немцев не оставляло у советского высшего командования надлежащего времени для перегруппировок их разбросанных частей с тем, чтобы придать контр-атакам требуемую эффективность.

Кроме того высшее советское командование до выдвижения более способных военачальников было совершенно не на высоте предъявлявшихся в то время им военных требований. Но тем не менее путем неисчислимых и неслыханных в военной истории потерь сов. войска все же выиграли необ-

---

сло лиц занятых работой в посольстве СССР — 500 Какой работой занимаются — догадаться не трудно.

***

Обзор самого Свеободного Мира и Красного Блока в следующем номере.

А. Дикий

ходимое время для того, ,чтобы англо-американцы могли бы интенсивировать их поставки сов. армиям и сами закончить собственную свою к войне подготовку.

Лиддел Гарт считает, что силы немцев в момент решающих боев оказались распыленными по многим направлениям, отчасти из-за отсутствия единства взглядов среди высшего командования, а также по причине, которая может звучать парадоксально, из-за ослепляющего первоначального успеха на всех направлениях. Если бы они придерживались одного оперативного направления, то это создавало бы угрозу для противника одновременно по отношению к нескольким объектам, которые обороняющемуся было бы труднее прикрыть, а так каждое из проводившихся наступлений было слишком явно нацелено на вполне определенный объект, что и облегчало способ действий сов. армий. Кроме того, когда направления движения наступавших устанавливалось уже обороняющимися, для последних определялись яснее пути воздействия на коммуникации, становившиеся к тому все более и более растянутыми.

Начальник штаба оперативного руководства вооруженными германскими силами ген.-полковник Иодль считал, что перелом в Германо-Советской войне нужно отнести к неудаче, постигшей немцев в сражении зимою 1941-1942 г. г. под Москвой. Ряд иных военных исследователей за переломный момент на Восточном фронте принимает катастрофу 6-ой немецкой армии в Сталинградской операции. Иные же авторы относят этот перелом к более позднему периоду, именно к боям в Курской дуге, после которых немцы утратили окончательно оперативную свободу, о чем речь будет впереди.

**
*

Итак, немецкий план „Барбаросса" потерпел под Москвой крушение. Германские войска были не только остановлены, но принуждены были советским контр-ударом перейти к обороне в тяжелых зимних условиях и отходить.

Большинство высшего командного состава германской армии считало, что те опасения, которые оно предвидело и высказывало в течение последних недель и которые могли бы быть устранены в свое время лишь отходом армии на сокращенный и достаточно далеко оттянутый на запад фронт, теперь стали реальностью. С точки зрения оперативной такого рода решение не вызывало, казалось бы, при сложившихся условиях каких-либо сомнений.

Но этому воспротивился Гитлер всей силой своей воли и всеми средствами своего положения, как Главнокомандующий армией — отход и потеря значительной части занятой территории при возникшей под Москвой неудаче являлись для него вопросом потери престижа и потому неприемлемыми. Он опасался также и моральных последствий, с которыми мог бы быть связан столь глубокий отход армии; к тому же, естественно, никто не мог бы поручиться за то, что руководство таким отступлением в сложной обстановке удастся удержать прочно в руках и своевременно остановить войска на намеченной линии фронта — ведь советское командование не оставалось бы при таких условиях бездеятельным.

Сразу же после прекращения немецкого наступления и вступления Гитлера в командование действующей армией вместо устраненного с этой должности фельдмаршала Фон Браухича, с которым он утратил в этот период времени какой бы то ни было личный и деловой контакт, он категорически воспретил отступательные передвижения на фронте вне зависимости от условий и причин их вызывающих. В отданной им директиве ОКВ от 16 декабря 1941 года указывалось, что группа армий „Север" должна оборонять фронт „до последнего солдата, не отступать больше ни на шаг и тем самым продолжать блокаду Ленинграда". Группе армий „Центр" приказывалось „не допускать никакого отступления, так как оно приведет к полной потере тяжелого оружия и материальной части". Далее говорилось, что „командующие армиями и командиры соединений, а также все офицеры должны своим личным примером заставить войска оборонять занимаемые ими позиции с фанатическим упорством, не обращая внимания на противника, прорвавшегося на флангах и в тыл немецких войск, ибо только такой метод ведения боевых действий позволит выиграть время, необходимое для того, чтобы перебросить из Германии и с Запада подкрепления"... Группе армий „Юг" было также приказано „удерживать весь ее фронт".

Тактика эта сама по себе была в ее основе примитивной. Жесткое и безоговорочное ее применение было связано с отказом от каких бы то ни было маневров на занимаемом войсками пространстве и повлекло за собой непрерывавшийся ряд тактических и оперативных кризисов, а также и весьма сложных „переплетов" на фронте.

Обстановка в боевых рядах немецкой армии сложилась весьма тяжело. Наступившие сильные холода и глубокий снежный покров затруднили снабжение; войска терпели большие лишения из-за отсутствия зимней одежды, количество обмороженных после каждого боя неимоверно росло; употреблявшиеся немцами для смазки масла не были приспособлены для наступивших холодов, орудия в связи с этим не накатывались, затворы у винтовок замерзали, пустить в ход моторы без предварительного и продолжительного их согревания не представлялось возможным; снежные метели препятствовали действиям авиации и пр. и пр. Все это в связи с военной неудачей и вынужденным отходом от Москвы привело к кризису на германском фронте. Гитлер полагал, что только

он и непосредственным своим вмешательством будет в состоянии этот кризис преодолеть, в связи с чем и стал сам во главе армии. Последствия этого его решения оказались, как считает ген. К. фон Типпельскирх, для руководства военными действиями и для внутренней структуры немецкого войска более чем пагубными, сказавшись в дальнейшем самым определенном образом на наступившей позже катастрофе и не только на Восточном фронте.

Немецкое командование, по мнению исследователей минувшей войны германских же генералов, вступило при этом на опасный путь, когда оно из практики „оставаться на месте" по приказу, или „удерживаться любою ценой" — что только в известной мере зимою 1941-42 г. г. получило при наступившем на фронте кризисе некоторое оправдание и то только в связи с неискусностью в то время советского командования и при недостаточном вооружении из-за затруднений в снабжении войск противника — сделало обобщающий вывод для будущего и начало применять его как спасительное средство вместо использования, маневренного и проводимого с сознанием ответственности, руководства на месте и вместо искусных операций, использования условий местности и обстановки и чередования обороны и наступления. Военное командование подпадало при этом все более и более влиянию Гитлера под непрестанным давлением с его стороны, а он в основе продолжал не допускать никакого сокращения фронта даже как оперативную цель, с тем, чтобы получить снова свободу действий, или съэкономить силы.

Что касается советского командования, то оно считало в создавшихся условиях важным не давать немцам передышки, захватить инициативу, противником утраченную, в свои руки, и не допустить стабилизации фронта, или осуществления немцами какого-либо контр-маневра, а потому и стремилось сохранить непрерывность наступления. С целью заставить немцев израсходовать в тяжелых условиях зимней кампании их резервы еще до наступления весны, сов. войска перешли в наступление на протяжении до 1.100 км., продолжавшееся до конца марта, а на отдельных направлениях и до конца апреля, в котором приняли участие войска, входившие в девять различных советских фронтов. Главный удар наносился на центральном участке силами Западного и Калининского сов. фронтов во взаимодействии с войсками левого крыла Сев.-Зап. фронта с целью завершить разгром немецкой группы армий „Центр", и таким образом отвратить опасность от Москвы, отбросив возможно дальше войска противника на этом направлении. На северо-западном направлении сов. войскам поставлена задача деблокировать Ленинград, а на юго-западном очистить от немцев Донецкий бассейн и освободить от противника Крым.

В связи с этим предприняты были в январе наступления на Торопец между оз. Ильмень и Ржевом, в стыке немецких групп армий „Север" и „Центр"; на Рославль между Ельней и Орлом и на Лозовую между Харьковым и Краматорской.

Фронт по так называвшейся немцами „зимней линии" проходил в указанное время примерно в районе таких географических пунктов с севера на юг; Шлиссельбург — река Волхов — озеро Ильмень — Валдайская возвышенность — восточнее Ржева-Вязьмы-Орла-Харькова — по реке Сев. Донец и западному берегу реки Миус.

Но и советские возможности и инициатива была ограничена как всеми предыдущими потерями с начала войны, так и понесенным уроном в последних зимних боях в декабре, которые сильно ослабили сов. дивизии и измотали их личный состав; в войсках же ощущался недостаток во всем и гл. образом в регулярном снабжении, каковое в связи с морозами и снежными заносами, затруднившими транспорт, особенно автомобильный, было крайне осложнено.

Правда, у наступающего в сурово сложившихся климатических условиях оставалось преимущество в смысле выбора места и времени для атаки, но, как это подчеркивается рядом авторов с обеих враждовавших сторон, возможности и боевые средства были в тех условиях и у сов. войск весьма ограничены. На лыжах, на санях, с орудиями, поставленными на полозья, используя зачастую лишь конницу и то без танков, артиллерии и тяжелого вооружения, трудно было думать о проведении операций большого масштаба и значения, а потому продолжавшиеся зимой и в начале весны бои, хотя и причинили немцам много беспокойства и не мало потерь, все же, несмотря на затруднительность положения их армий, не могли иметь сколько-нибудь решающего значения; в особенности из-за невозможности наладить снабжение при осуществлении более крупных операций и наступления.

В результате этих боев сов. командованию удалось отвратить непосредственную опасность от Москвы, причем с обеих сторон немецкого клина с выступом по примерной линии Ржев-Сычевка, Гжатск-Вязьма, угрожавшего Москве, сов. войска выдвинулись в районы Великих Лук, Велижа, Демидова, Духовщины и Рославля. 1-го января имп была уже занята Калуга, 20 января они овладели штурмом Можайском и в туже ночь продвинулись до Бородино... На сев.-зап. фронте был расширен несколько корридор у Ленинграда, причем его тяжелое осадное положение было немного смягчено 9 февраля тем, что удалось наладить эвакуацию населения и в известной относительной мере снабжение по проложенным по льду Ладожского озера нескольким железно- дорожным колеям. На южном участке фронта танковые войска ген. фон Кляйста вели бои 5 декабря в районе Дебальцево

и к 14 декабря заняли позиции по реке Миус, за которой они и намеревались перезимовать. На участке фронта от Брянска через Орел, Курск, Харьков, Сталино и Миус сов. войскам удалось вбить широкий клин в районе Лозовой, который давал им возможность угрожать как тылу 17-ой немецкой армии, так и их 1-ой танковой.

На северном крыле группы армий „Центр" при отходе 2-ой танковой и 4-ой немецких армий образовался в конце декабря разрыв, через который в начале января 1942 г. советские войска проникли к линии Калуга-Белев и углубились дальше на запад, в результате чего возник глубокий прорыв, достигший линии Юхнов-Сухиничи; в него были брошены значительные советские силы, которые и распространились до жел.-дороги Брянск-Вязьма и далее вплоть до района Дорогобужа, восточнее Смоленска. Лишь с усилием в течение января месяца удалось 4-ой немецкой армии возстановить связь со 2-ой танковой армией западнее Сухинич и совместно с оперировавшей севернее 4-ой танковой армией создать новый фронт на линии Юхнов-Гжатск, причем 9-ая и 4-ая танковая нем. армии были оттеснены на линию Гжатск-Ржев и почти полностью окружены — им пришлось в течение продолжительного времени вести бои в направлениях на север, юг, восток и даже запад. Их снабжение могло осуществляться кружным путем по жел. дороге Смоленск-Вязьма-Сычевка-Ржев-Оленино, проходившей местами по узкой полосе, находившейся под угрозой сов. войск. Если бы эта жел.-дорожная линия была прервана, то судьба обеих немецких армий была бы решена, ибо в связи с недостатком фуража, падением лошадей и истощением горючего для механической тяги, они не были в состоянии прорваться и выйти из обороняемого ими четырехугольника даже в том случае, если бы на это они получили бы разрешение Гитлера. Но и у советских войск не оказалось также сил для того, чтобы использовть до конца тяжелое положение этих двух армий, которые принуждены были бы из-за указанной малой подвижности оставить почти всю материальную часть, если бы им пришлось очистить занимаемый ими район и спасать лишь личный состав их дивизий.

В январе сов. войска прорвали позиции немцев на реках Лома и Руза и продвинулись на запад местами на 40-100 км. В период времени между 9 января и 6 февраля 1942 сов. войска нанесли немцам удар из района Осташкова в направлении на Витебск и продвинулись на нем свыше 200 км., вклинившись таким образом между группами немецких армий „Север" и „Центр", затруднив их взаимодействие и овладев участком жел.-дороги от Вел. Лук до Нелидова, чем и было нарушено снабжение 9-ой нем. армии. Прорвавшиеся в тыл немцев сов. части вошли в соприкосновение в районах Дорогобужа и Ельни с образовавшимися там группами партизан; также и при отступлении 2-ой и 2-ой танковой нем. армии в их тылу развилось в январе севернее и южнее лесов Брянского района сильное партизанское движение, захватившее область в 170 км. по направлению с севера на юг и до 70 км. в глубину, в которое влились остатки окруженных в октябре 1941 и ликвидированных немцами сов. армий в районе Брянска; это были первые появившиеся в тылу нем. группы армий „Центр" партизаны, которых так и не удалось немцам окончательно ликвидировать до середины 1944 г., т. е. до того времени, когда к этим местам продвинулся фронт наступавших сов. войск. Все указанное выше осложняло значительно положение центрального участка немецкого фронта в течение времени конец января-апрель 1942, что и вызвало переброску на этот только участок пяти пеших нем. дивизий из Германии и Франции.

Ряд сложных, а порой и критических положений создался и на фронте группы нем. армий „Север". Сов. войска прорвались в районе севернее Ильменского озера через р. Волхов и удерживались в занятом ими пространстве до 50 км. в диаметре до весны. Войска Волховского и Ленинградского фронтов наступавшие в направлении на Любань, окружили 8 февраля шесть дивизий 2-го и 10 нем. корпусов в районе Демянска, в связи с чем эту группу, численностью до 100.000, немцам пришлось снабжать только по воздуху вплоть до 20 апреля, когда кольцо окружения с помощью немецких войск извне в районе Рамушево было разорвано и Демянская группа была освобождена — она входила в состав 16-ой нем. армии. Также и в районе Холма группа нем. войск попала в полное окружение и принуждена была довольствоваться в течение ряда месяцев снабжением лишь по воздуху. Прорвавшиеся в связи с окружением 9-ой и 4-ой танковой нем. армии, сов. войска, о чем уже говорилось несколько выше, проникли дальше на запад и задерживались в районах у Ст. Руссы, Великих Лук, Велижа, Демидова, Духовщины, Белого, что и создавало весьма сложную линию фронта со многими „переплетами". Немцы принуждены были перебросить согласно сов. данным, на фронт их группы армий „Север" из Германии, Франции, Дании и Югославии также и на этот участок шесть пеших дивизий и одну бригаду. Советские военные авторы указывают, что хотя войскам и не удалось выполнить поставленную им задачу — деблокировать Ленинград — все же бои на Ленинградском, Волховском и Северо-Западном фронтах сыграли не маловажную роль в ходе общего наступления зимой 1941-42 г. г.

Также как и Гитлер недооценил силы СССР во время вторжения нем. войск в его пределы, так и советское командование переоценило свои возможности, пытаясь осуществить смелый план разгрома двух немецких групп армий, что повело к

распылению сил и ослаблению наступательных возможностей. Кроме того упрямое и неэластичное преследование сов. командованием раз намеченной цели при повторных и неменявшихся как по направлению, так и по месту атаках позволило немецкому командованию в крупных и особенно более мелких операциях и боях противопоставить советскому нажиму более искушенное в ведении военных действий руководство. Но, наученные горьким опытом, советские военачальники извлекли из хода боевых действий зимою 1941-42 г. г. определенную пользу, в связи с чем их прорывы зимою следующих 1942-1943 годов оказались для немцев много опаснее.

На юго-западном направлении против нем. группы армий „Юг", которой командовал фельдмаршал фон Бок, получивший снова назначение в действующую армию, разгорелись также бои. В вышедшем в 1958-ом году в СССР обширном по размерам сборнике „Вторая мировая война 1939-1945" сказано, что на Юго-западном направлении сов. войсками в описываемое время был осуществлен ряд наступательных операций на Белгородском Харьковском направлении, в Донбассе и в Крыму, которые однако существенных территориальных результатов не дали. Операция в Донецком Бассейне в районе Барвенково-Лозовой проводилась в течение 18-31 января 1942 г. войсками Южного сов. фронта, которым командовал ген.-лейтенант Р. Я. Малиновский — теперешний министр обороны СССР. План этой операции состоял в том, чтобы ударом левого крыла Юго-западного и правого крыла Южного сов. фронтов прорвать оборону немцев между Балаклеей и Артемовском и развивать дальше наступление в общем направлении на Запорожье (гор. Александровск) с тем, чтобы выйти в тыл группе немцев, занимающих район Донбасс-Таганрог, отрезать им пути отхода на запад и прижать в дальнейшем основные силы этой группы к побережью Азовского моря, где совместно с войсками левого крыла Южного фронта и уничтожить. Одновременно с этим часть сил левого крыла Юго-западного сов. фронта наносила удар в общем направлении на Красноград (Константиноград) с целью обеспечения операции с севера и овладения Харьковым.

Г. Орлов

(Продолжение следует)

ТУХАЧЕВСКИЙ

(Продолжение)

Некоторые подписчики считают, что „Перекличке не следует уделять столько внимания и места личности Тухачевского, что эта грандиозная и кровавая провокация — заговора может интересовать только людей по ту сторону рубежа, но не нас. Наше же отношение к этому делу совершенно определенное — был гвардейский офицер, отдался коммунизму и погиб, туда ему и дорога. С таким взглядом согласится трудно и такой взгляд сам по себе не верен. Ведь русская литература в лице своих выдающихся представителей занималась же и Пугачевым, и Мазепой, и Стенькой Разиным. Это одно. А затем все таки надо считать, что наша обязанность перед русским народом этот „заговор' осветить правдиво в назидание потомству и для будущих исследователей. А такие, конечно, будут. Как уже указывалось в одном из предыдущих очерков, в Сов. России о Тухачевском писать и произносить его имя было запрещено, официально он объявлен предателем, шпионом, врагом народа и пр. Но память о нем не вытравлена, особенно у военных и может быть у молодежи, которая наслышалась легенд о юном и гениальном маршале. Здесь в подтверждение этому надо сказать, что после знаменитой антисталинской речи некоторые представители сов. армии были заинтересованы реабилитацией маршала В. К. Блюхера — командующего Дальне-Восточным воен. округом, казненного Сталиным в 1939 г. Этот маршал, которому также приписывались вожделения стать российским Наполеоном, был официально реабилитирован в апреле 1957 г. и сейчас почитается героем Сов. Союза. После этой реабилитации Блюхера газета „Комсомольская Правда" прославила М. Тухачевского, как великого героя Сов. Союза. Здесь надо отметить, что Блюхер был злейшим недругом Тухачевского и люто его ненавидел и именно он был вызван с Дальнего Востока и назначен членом военно-полевого суда, судившего Тухачевского, а после вынесения приговора этому кандидату в российские Наполеоны было поручено приговор — смертная казнь — привести в исполнение. Один кандидат в Бонапарты с великим наслаждением отправил на тот свет другого кандидата. Сталин был большой специалист по таким делам.

Политическая обстановка того времени в связи с восхождением Гитлера и его откровенными агрессивными планами была очень сложной и напряженной, государственные мужи заволновались, нащупывались возможные союзники и враги, началась на высоком уровне дипломатическая игра. Кроме этого, у двух диктатур, резко ворвавшихся в политическую жизнь мира — немецкой и советской — происходила и внутренняя борьба. У Сталина с энергично выявившейся военной груп-

пой, затмевавшей его славу, величие и авторитет, и неизвестно в каком политическом направлении могущей развится, у Гитлера — с группой генералитета, мешавшей ему стать во главе армии. В этой страшной игре, и большей частью краплеными картами, трагическим сплетением фактов было вовлечено имя Тухачевского. Каждый по своему и к своей выгоде использовал этот „заговор". Может быть поэтому еще до сих пор этот „заговор" многих интригует и многие стараются проникнуть, отгадать его сущность и найти правду. Возможно, что эта правда так и останется невыявленной, возможно, что вся эта кровавая трагедия сведется к голому примитву — личной борьбы за свою власть, когда злая воля одного обрекает на смерть тысячи людей по принципу — лучше казнить сотни невинных, чем проглядеть одного виновного. Но один вопрос остается невыясненным и интригующим, почему Тухачевский медлил, почему, уже видя и ощущая грозящую ему опасность и располагая такой военной силой, не отважился на решительные действия по ликвидации Сталина и его сподручных. У Тухачевского было много данных стать Российским Бонапартом — в армии его боготворили, он был, как и Наполеон, новатором и успешным в войне и в организации новой армии, в академиях разбирались его военные подвиги, творились легенды, его посылают в Лондон на похороны короля и он же должен был представлять Сов. правительство на предстоящей коронации, имя его уже известно всем военным кругам мира, у него учатся, многое заимствуют. Кого уничтожил Сталин? — будущего Наполеона, или всю военную партию, противящуюся разделить власть над армией с политическим контролем? Армия возставала, противилась и устами своего юного божка — Тухачевского — заявляла, что этот контроль бездушного политического ока, чуждого интересам армии, создает опасность и пагубное двоевластие. Армия этот бой проиграла и заплатила страшную по крови контрибуцию. Были и третьи радующиеся — среди них первым — Гитлер. В то время он еще не определил своих путей грядущей агрессии — с Европой ли против Сов. Союза или с Сов. Союзом против Европы.

Обратимся к имеющейся мемуарной литературе того времени и постараемся установить последовательность событий и отделить истину от лжи намеренной или навязанной. Перед нами воспоминания д-ра Бенеша, мин. иностр. дел и впоследствии презид. Чехословакии. 1934 г. Сов. Союз вошел членом в Лигу Наций. К этому времени надо отнести организацию Бенешом так наз. Малой Антанты, в которую входили Франция и Польша — острие этой М. Антанты было направлено против Сов. Союза. Бенеш пишет, что он очень хорошо был осведомлен о внутреннем состоянии Сов. Союза и был убежден в крепости и силе режима, что ни о какой внутренней революции или контревол. не могло быть и речи — все это была досужая фантазия и пропаганда. Говорит также о хорошо организованной и непрерывно растущей военной мощи Сов. Союза. В декабре 1935 г. Бенеш был выбран президентом республики на место ушедшаго в отставку Т. Массарика. Первым его актом было создание Верховного Совета Обороны и установление тесного сотрудничества с Сов. Союзом. Этот резкий политический вольт Бенеша был очевидно продиктован страхом перед восходящей звездой Гитлера. И, конечно, это сотрудничество началось по военной линии, генеральные штабы. В 1935 г., пишет Бенеш, я согласился послать нашу военную делегацию в Москву под командой начальника воен. авиации ген. Файфра. Это было в мае, а в сентябре туда же отправляется военная миссия во главе с начальн. ген. штаба ген. Крейчим на осенние маневры Красн. армии. По возвращении эта делегация с восторгом отзывалась о Кр. армии и особенно были восхищены ее механизацией. В августе того же года в Чехословакию прилетела комиссия офицеров Кр. армии во главе с Шапошниковым, офицеры присутствовали на маневрах чешской армии, посетили военные заводы и подготовили военные заказы для армии. Это знакомство было потом закреплено военным договором между генеральными штабами. Чехия искала сильных и надежсоюзников. В своих воспоминаниях Бенеш описывает о каких то секретных сношениях между одним и высших чинов немецкого министерства иностранных дел, бывшего австрийского аристократа графа Траутмансдорфа с послом Чехослов. республики в Берлине докт. Мастным. Этот граф однажды сообщил Мастному о каких то переговорах с немцами антисталинской группы, среди которых упоминалось имя Тухачевского, и Гитлер, яко бы, надеялся на успешное завершение этих переговоров и поэтому даже не спешил с подписанием договора о ненападении с Чехией. И, еслибы замыслы этой группы осуществились, то вся ситуация в Европе резко бы изменилась, но Сталин обо всем проведал и своей „чисткой" удержал положение. Узнав об этих переговорах, пишет Бенеш, я уведомил о них советского посла в Праге, Александровского. Как мы видим, все основывалось на каких то тайных разговорах графа Траутмансдорфа с послом Мастным. Из других источников мы узнаем, что весной 1937 г. Тухачевский в качестве первого заместителя комиссара обороны посетил Прагу с официальным визитом для каких то переговоров о военном сотрудничестве и, возвращаясь в Москву, остановился в Берлине — чехословацкая разведка донесла Бенешу подробности, может быть даже и не имевших места, переговоров Тухачевского в Берлине. Вскоре после этого мир узнал о казни Тухачевского и его единомышленников — распространялся слух о гото-

вящемся перевороте в Москве при помощи нем. Генеральн. Штаба. По этим же источникам Р. Гейдрих, генерал ЭсЭс и начальник государственной безопасности Германии бахвалился в разговоре с адмиралом Канарисом, что он, Гейдрих, предал Тухачевского и что сделано это было по приказу Гитлера, разсказал, как были подделаны документы и назвал своего помощника в этом деянии — некоего генерала Скоблина, проживающего в Париже. Большинство офицеров германского Генеральн. Штаба не верило в существование „заговора" Тухачевского и полагало, что это все изобретение Гитлера для ликвидации некоторых своих генералов, среди которых, главным образом, фон Бломберга — министра обороны и барона фон Фрича — командующего армией и других, подписавших известный „Зект — Тухачевский протокол". Все документы и протоколы по бывшему тесному сотрудничеству Германии и Сов. Союза хранились у адмирала Канариса, и когда Гайдрих, фабрикуя уличающие Тухачевского документы, запросил Канариса о выдаче этих протоколов, то последний в этом ему отказал, понимая, кому и зачем они нужны. Эти протоколы все же были выкрадены и чуть ли не с инсценировкой пожара и переданы некоему полковнику Гестапо, который собирал нужный материал для фабрикации необходимых документов. Первоначально по изготовлении этих документов предполагалось через чешский генеральный штаб передать их в Москву, но потом это решение было изменено и они были просто проданы советскому агенту в Берлине. Этим агентом, яко бы, была Ольга Чехова — известная кинематографическая артистка, подвизавшаяся в немецких киностудиях. Появилась она в Берлине в 1924 году и в русских кругах Берлина выдавала себя за дочь полковника Императорской армии, вращалась в высших кругах и иногда появлялась в концертах и в обществе Гитлера. Тухачевский во время своей командировке в Берлин для прохождения курса воен. дела при академии германск. Генеральн. Штаба был близко знаком с О. Чеховой. Та Lady in Germ., о которой в своих воспоминаниях пишет американский посол в Москве Дэйвис и которая, по его словам, погубила Тухачевского и есть О. Чехова. Если это верно, то, очевидно, она была двойным агентом очень высокой марки. Советское правительство этому агенту уплатило три миллиона рубл. в золотом исчислении. Ежов не соглашался платить такую крупную сумму за явно поддельные документы, говоря, что мы и сами можем такие изготовить в наших лабораториях, на что Сталин ему сказал: „Миша Тухачевский очень сильный противник, и я хочу, чтобы эти сведения о нем пришли бы из-за границы". Ежов призадумался, а Сталин добавил: „Да, да нам будет легче справиться с Политбюро, если сведения мы получим от разведок иностранных держав".

Среди массы всевозможных секретных документов, вынутых из сейфов адмирала Канариса, два представляют особый интерес: один — это секретный доклад о предполагаемой финансовой поддержке спичечного магната Крюгера, с согласия Пилсудского, формированию партизанских отрядов в Буковине под командой Махно, которые под руководством украинских политических групп должны были проникнуть в Подольскую губернию, эта подготовка происходила в 1926-28 гг. и второй — переданный представителю Гестапо ген. Скоблиным, говорит о том, что известный нефтяной король сэр Генри Детертинг — владелец англо-голландской компании и имеющий определенные финансовые интересы в Сов. России, принимавший активное участие в анти-сов. политике и поддерживавший НАЦИ, субсидирует формирование ген. Кутеповым на Подкарпатской Руси 100 тыс. армию — „корпус эмигрантов" — для совместного с немцами похода на Украину. Эти сведения вызвали тревогу у Сов. правительства на столько, что Ворошилов приказывает перебросить два армейских корпуса в распоряжение командующего Киевским военным округом Якира. Пакет этого документа помечен датой 1926-28 г. Конечно, ничего общего с делом Тухачевского эти документы не имеют, но интересны как илюстрация состояния умов и настроений тех годов.

Майор С. Горин

(Окончание в следующем номере)

УТОЧНЕНИЕ

В № 98 „Перекличкн" г. Ант. Рон. сделал, в статье „Еще о Царицыне", свой вывод из дискуссии между д-ром Виноградовым и мною. Вывод, не в пользу взгляда, защищавшагося мною. Это, конечно, его право и я не могу на это претендовать. Но в 16 полустроках, посвященных им этому вопросу, он сделал 5 маленьких неточностей, в общей совокупности создающих, быть может, неточное представление у читателя, в особенности, у читателя, не читавшего всех частей разбираемой дискуссии. Надеюсь, что Редакция „Переклички" мне разрешит подчеркнуть эти неточности.

1) Ант. Рон. пишет „дискуссия на тему о значении Царицына в борьбе 1918-1919 г." Дискуссия же велась только о *плане кампании лета 1918* г. О 1919-м годе не велось вовсе дискуссии, а труд ген. Головина, в который уверовал г. Ант. Рон., обрывается концом 1918 г.

2) Ант. Рон. указывает, что дискуссия велась в номерах 85, 87 и 90 „Переклички", а между тем моя статья на ту же тему (и на мой взгляд — самая существенная) напечатана еще в № 91-м. Странно, что вывод г. Ант. Рон. сделан без учета этой статьи.

3) Не думаю, что при наличии дискуссии 2-х лиц, третье лицо может говорить безаппеляционно: „аргументы критиков ...действительно неопровержимы". Раз один из дискутантов находит их „опровержимыми", то третьему лицу свой вывод следовало бы оговорить хотя бы словами „по моему мнению" или тому подобными.

4) Называя фамилии дискутантов, г. Ант. Рон. не отмечает, кто из них, какого мнения придерживался, а это ведь тоже играет роль в том, как читатель воспримет „вывод", делаемый г. Ант. Рон-ом.

5) Статья г. Ант. Рон.-а, на 5/6 своего содержания говорит о действиях в Сибири, и даже — гл. обр. — Восточной, но почему то озаглавлена: „Еще о Царицыне". Это тоже неточность, может быть, тенденциозная...

Прошу г. г. читателей, прочитавших статью г. Ант. Рон.-а и не читавших моей статьи „Еще несколько слов" в № 91-м, прочесть последнюю.

Б. Н. Сергеевский,
Ген. Штаба Полковник

ИЗ ЖИЗНИ СВЯТО - СЕРГ. ХАЙ СКУЛ

Как каждый камень строющагося фундамента все более и более укрепляет основание будущего здания, так и каждый пройденный день школьных занятий все более и более укрепляет вновь организованную в этом учебном году Св. Сергиевскую Гимназию, давая ей необходимые знания и опыт.

В настоящее время школа уже прошла и пожарную комиссию, тщательно несколько раз осмотревшую здание и подготовленность на случай пожара, и инспекцию библиотеки из Эдюкейшен Департмент. Одновременно, вскоре ожидается и инспекция учебной работы школы, которая все более и более приходит в норму.

Преподавание английского языка и т. н. ситизеншип едюкейшен ведется магистром по образованию и преподавателем с большими знаниями и опытом, Мр. Е. Шарьер; математику и биологию преподает также опытный, хотя и молодой, баккалавр наук Мр. Н. Гринбаун. Русские предметы преподаются прошедшими конкурс для поступления в гимназию преподавателями: В. Н. Азбукиным, русский язык по программе 10-го класса, и В. Л. Штеппа — 9-го класса. Географию России преподает опытный педагог, Б. А. Николаев. Закон Божий преподает сам директор гимназии, игумен Антоний, окончавший Духовную Св. Троицкую Семинарию и имеющий диплом Нью-Йоркского Университета на степень баккалавра Богословия.

За неимением своего подходящего помещения, уроки гимнастики проводятся в соседнем благоустроенном гимнастическом зале в специально построенном здании, оборудованном для обслуживания школ в этом районе. Уроки музыки, в своем школьном помещении, ведет имеющий огромный, общепризнанный авторитет и опыт Б. М. Ледковский, в свое время окочивший Московскую Консерваторию, а ныне состоящий регентом всем известного Синодального хора. В специальные часы занятий, желающие изучать французский язык проходят уроки также с опытной преподавательницей, француженкой по рождению, И. Нико, а немецкий язык с окончившей специальные Педагогические курсы Е. А. Елецкой.

Кроме того, со следующего семестра, согласно утвержденной программе, будет преподаваться курс истории искусств, который поручено вести Г. А. Подставкину.

Вся программа Св. Сергиевской Хай Скул составлена и утверждена Стейт Едюкейшен Департмент как „академик", давая возможность поступить в любую высшую школу США, и от ее администрации зависит поставить проведение программы так, чтобы окончившие Св. Сергиевскую Хай Скул (первый выпуск в особенности) — послужили бы к укреплению авторитета школы, а не дали бы ей репутации слабой и неудовлетворительной. Испортить репутацию легко, а возстановить ее бывает очень трудно.

Имея в виду все это, директором школы игуменом Антонием было договорено с Департаментом, что основные предметы как английский язык, физика, математика, химия, биология, ситизеншип эдюкейшен, знание которых понадобится в университете, будут преподаваться на английском языке, а все остальные предметы, указанные в программе, на русском языке, причем баллы по этим предметам признаются наравне с первыми. ответственность, которую несет на себе школа за поступивших в нее учеников. Как сам директор, так и его сотрудники, напрягают все силы, чтобы школа сразу же завоевала доверие Департамента и должное положение и авторитет среди других американских школ, потому что они ясно сознают, насколько это важно именно сразу же, в самом начале ее появления в учебном мире.

Участливо следит за проводимой работой и на-

ша эмиграция. Многие, даже самые малоимущие, откликнулись на призыв о помощи Св. Сергиевского Фонда и по данным обязательствам, регулярно высылают свою лепту и помощь школе. Некоторые организации оказали помощь тем, что предоставили школе стипендии для принятия учеников, не имеющих достаточных средств для уплаты полностью за правоучение. Однако, очень и очень многие только именно ,,следят" за тем, что делается, а иногда и критикуют проводимую работу.

Делается большое, общерусское дело... Создается очаг русской культуры, которым, казалось бы, должны были бы воспользоваться все, у кого есть дети в возрасте подходящем для открытых 9 и 10 классов Хай Скул... Дается возможность получить для детей хорошее образование американской учебной программы, сохранив знание своего языка и ценности своей русской культуры!

Поможем же все, как кто может, этому важнейшему делу или своим пожертвованием в Фонд школы, или тем, что отдадим наших детей, хотя бы и сейчас, со второго семестра, в эту школу, чтобы быть спокойными за их образование и воспитание, за то, что они хотя и будут американцами, но будут знать свой родной язык, свою православную веру, будут помнить и гордиться тем, что они по происхождению русские!

Все, интересующиеся вопросами связанными с поступлением в Св. Сергиевскую Хай Скул, могут их выяснить в канцелярии школы по телефону: LE 4-1725.

Адрес школы:
St. Sergius High School
1190 Park Avenue, New York 28, N. Y.

Кн. С. С. Белоссельский
Член Совета Тростистов
Св. Сергиевской Хай Скул.

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

Глубокоуважаемый Александр Константинович!

Помещенная в № 96-97 ,,Переклички" статья г. И. Ланского о необходимости борьбы с денационализацией посредством охранения ,,родного языка", хотя бы в пределах Православного Богослужения, заканчивается обращением к читателям с просьбой дать отклики на этот вопрос. Отклик Протоиерея гр. Граббе перевел этот вопрос в некую более расширенную плоскость, что вызвало повторную статью г. И. Ланского со вторичным подчеркиванием ,,ненужности" православного миссионерства среди других народов в то время, как свой собственный народ, или по крайней мере та часть его, которая находится в эмиграции, остается без этого миссионерства и, забывая ,,родной язык" денационализируется.

Нижеследующие строки являются одним из возможных таких откликов, пытающихся ответить на оба вопроса.

Солидные и вполне аргументированные справки о роли Православной Церкви в формировании Русской Государственности и направлении ее судеб, конечно, неоспоримы. Однако дальнейшие выводы г. Ланского допускают некоторое смешение понятий, от чего возникают неясности и недосказанности. Г. И. Ланской несколько раз употребляет термин ,,Родной язык", — избегая однако точно определить, какой именно язык он подразумевает. Для Церкви ее родной язык есть Церковно-славянский, т. е. славяно-болгарский, который принесло с собой просветительное миссионерство Св. Кирилла и Мефодия. В то время он был близок к обиходному русскому языку, но все же он не был русским. Однако нельзя отрицать того, что на заре русской государственности язык Церкви, помимо всех иных своих значений, явился разсадником просвещения и потому вошел культурным фактором в пополнение и облагораживание языка, на котором говорили наши предки. Но с тех пор прошли столетия. Русский язык безконечно эволюционировал и поднялся на исключительные высоты образности, эммоциональности и выразительности. Неизмерно обогнав в этих качествах язык Церковно-Славянский. Известно, что язык накладывает свой отпечаток и на категорию мышления. На языке мало разработанном нельзя выразить отвлеченных понятий и поэтому такие понятия и не возникают в мышлении. На языке, в основе своей, напр. поэтическом, количество и качество эммоций и ассоциаций будет совсем иным, чем на языке, напр. рациональном. Языковое художественное произведение всегда будет лучше выражать не только чувства, но и мысль автора, в оригинале, чем то же произведение, хотя бы и в самом лучшем переводе. На каком же языке человек может войти в более тесное и в более глубокое соприкосновение с Богом в своей молитве? На том ли, на котором он не только говорит, но и думает, или на том, который он только понимает, но не думает никогда? Именно в таком взаимоотношении находятся в настоящее время языки Русский и Церковно-Славянский.

Г. Ланской пишет: ,,В храме русские чувствуют себя дома, слушая службу на ..родном языке". Если это родство и было несколько столетий тому назад, то вряд ли можно оспаривать, что родство это ныне утрачено. И если люди старого поколения, в той или иной форме, со школьной скамьи и были еще в некотором общении с этим языком, то поколение нынешнее понимает его весьма мало, если не сказать, что не понимает совсем. Несмотря

ВНИМАНИЮ ПОДПИСЧИКОВ ПЕРЕКЛИЧКИ!

По причине моего выбытия из состава членов Галиполийского Общества и в силу этого изменившихся моих взаимоотношений с Правлением Общества, я не считаю себя в праве продолжать редактировать и руководить изданием журнала Общества „Перекличкой". Но выход из Общества, причины которого считаю неуместным здесь объяснять, никак не изменил моей сущности Галлиполийца и Белого Воина, каковым я, конечно, и останусь до конца дней своих. Посвятив пять последних лет служению Галлиполийскому Кресту — руководя, редактируя и СОЗДАВАЯ „Перекличку" и активно участвуя в работе Правления Общества — это служение я буду продолжать и впредь, издавая журнал под новым названием — „НАША ПЕРЕКЛИЧКА", — что должно указать на преемственность прежней „Переклички", т. е. во всех главных основаниях сохранить все качества и устремления бывш. органа Галипол. Общества. Я никак не предполагаю становится в какие либо враждебные отношения к Обществу и во всей своей дальнейшей деятельности по изданию нового органа интересы и идеи Галлиполийского Креста и его творцов будут моими руководителями. Главное же устремление будет направлено на то, чтобы „НАША ПЕРЕКЛИЧКА" отражала всю жизнь и деятельность Белого Лагеря Российской эмиграции, разсеянной по всему миру. Поэтому моя горячая просьба ко всем полковым Объединениям, Объединениям по роду оружия, училищным, кадетским, власовским, казачьим, институтским, церковным, профессиональным и пр., и пр. давать сведения в редакцию о жизни своих объединений, помещать свои пожелания, постановления, объявления и пр. В „НАШЕЙ ПЕРЕКЛИЧКЕ" будет отведен специальный отдел информации и связи, в котором каждое Объединение может безвозмездно занять определенное место для освещения своей внутренней жизни. С такой же просьбой обращаюсь и ко всем пансионерам старческих домов, пансионов, санаторий и пр. сообщать редакции о своей жизни, нуждах и об особенно нуждающихся в помощи — будут приложены все усилия эту помощь оказать — Российская Белая эмиграция еще не потеряла сердце и совесть и верю, знаю способна помогать своим бывшим и оказавшимся в нужде соратникам.

Понимаю, что это мое решение — продолжать свою деятельность по изданию журнала под новым названием — не всеми будет одобрено и найдется какое то количество желающихся отказаться от получения „НАШЕЙ ПЕРЕКЛИЧКИ", но также знаю, что большинство подписчиков поймут и согласятся со мной, что пять лет упорного труда по созданию и укреплению „Переклички", отдать никому нельзя. Поэтому покорная просьба к подписчикам, не желающим получать журнал под новым названием, не откладывая, сообщить мне об этом. И если у них подписная плата внесена вперед, то почитаю своим долгом таковую вернуть. Отказавшихся и имеющих задолженность, прошу таковую по мере сил ликвидировать, так как дефицит журнала, покрываемый и моими личными средствами, и есть перманентная задолженность по подпске. Во избежание недоразумений и ненужных осложнений подписную плату впредь адресовать только на мое имя.

В глубокой вере в справедливость и здравый смысл большинства подписчиков, выраженных мне в письмах и устно, этим выпуском „НАШЕЙ ПЕРЕКЛИЧКИ" я приступаю к дальнейшему и неизменному служению Белой идее и нашей России.

С искренней верой в помощь Бога и посильную помощь подписчиков остаюсь —

Капитан А. К. Павлов — редактор и издатель Нашей Переклички

на корневое родство, язык этот отстоит от понимания значительно дальше, чем напр. для великоросса язык украинский или белорусский. Наконец, если можно еще допустить, что общий смысл все таки уловим, то вряд ли можно утверждать, что из такого общего смысла можно почерпнуть какие нибудь эммоции.

Не отсюда ли происходит то, о чем выражает печаль г. Ланской: — Церковь не борется с денационализацией заграничных русских, а наоборот, идет навстречу этой денационализации, совершая свои Богослужения на Английском, Французском, Немецком, Испанском и всяких других языках тех народов, среди которых живет русское разсеяние.

Конечно, денационализация молодого поколения явление прискорбное. Но Церковь, допускающая в своем Богослужении не свой традиционный, а чужой язык, руководствуется очевидно соображением, что лучше на каком угодно языке приобщить человека к Богу, чем оставить его без Бога совсем. И это тем более верно, что наше новое поколение, находясь с колыбели в общении с чужим языком, если еще и сохраняет в домашнем обиходе русский язык, то во всем остальном общении с жизнью оно уже не только говорит, но и думает на языке окружающем. А что же будет с их детьми? Г. Ланской в исполнении Богослужений на иностранных языках видит „ненужное" миссионерство и прозелитизм. — „Какая польза будет, если она (Церковь) приобретет новых прозелитов из чужой по духу среды, а потеряет своих верных, родных по духу и крови". Против этого, конечно, возразить нельзя. Но думается, что такая оценка верна только очень отчасти. При современном трагическом положении судеб русского народа, миссионерство и прозелитизм нужны прежде всего в среде самих русских заграничных людей и еще больше оно будет нужно на нашей поруганной Родине, когда падут цепи, сковывающие всякое движение духа. И здесь неизбежно возникнет вопрос: на каком языке приобщить к Богу новых прозелитов?

В свое время Митрополит Берлинский и Германский Серафим, в своем замечательном труде „Новая Апологетика" высказал мысль: — Задача будущего проповедника на русской земле будет много труднее Апостольской. Те несли свою проповедь к людям, которым не надо было внушать идею о Боге. И Эллины и Иудеи были насквозь пронизанны Богоощущением. Им надо было дать только новые веления этого Бога, возвещенные ученьем Его Сына. Нынешний миссионер стоит перед духовной пустыней. Ему прийдется сеять не Православие и даже не Христианство вообще, а начинать с самой первичной идеи утверждения хотя бы только в сознании Божьяго бытия. Эта проповедь будет более рациональной, чем духовной, потому что ей придется сначала преодолевать внедренный рациональный скептицизм. И переход к духовности, к пробуждению вообще какого либо чувства, хотя бы первичных зачатков веры, потребует огромной и всесторонней подготовки проповедника. Ему прийдется говорить не только на формальном, фонетическом языке своих слушателей, но гораздо больше на языке их психологии, миропредставления, степени культурности, логики мышления, характера ассоциаций и т. д., и т. д. ...Ему прийдется сеять на опустошенной ниве, преодолевая отсутствие Богосозерцательной потребности, преодолевая недоверие к самому себе. Для такой проповеди методы и аргументация существующей Апологетики будут не только безплодны, но может быть даже и вредны.

Это мысли одного из образованнейших и горячих Иерархов Русской Православной Церкви. Продолжим их. И вот, когда этот проповедник, преодолев все эти неимоверные трудности, впервые введет своего неофита в храм, сможет ли храм поддержать зажженные настроения, если обратится к этому неофиту на непонятном ему языке?

Филлип II, король Испанский, говорил — французский язык годен для галантного обращения к даме, итальянский — для поэзии, английский — для точных знаний... но когда я говорю с Богом, я говорю по испански!

Русская Православная Церковь исполняет свои Богослужения на английском, французском, немецком, греческом, болгарском, украинском, арабском, японском, даже на зырянском языках. Один русский язык не удостоился чести, чтобы на нем можно было бы молиться Богу. Ни догматических, ни каннонических, никаких иных препятствий к этому нет. Есть только переросшая саму себя традиция. Не следует ли, во имя миссионерства среди русских, отказаться от нее.

Владимир Новиков

Ген. секретарь Объединения конницы и конной артиллерии при РОВС-е в Париже, ротмистр Колосовский, просит помочь ему связаться с командиром или с кем либо из гг. офицеров 130-го пех. Херсонского полка, 33-ей пех. дивизии. Лиц, могущих что либо сообщить или знающих кого либо из гг. офицеров этого полка, просят сообщить об этом в редакцию.

В последнем номере Переклички по недосмотру пропущена фамилия автора статьи „Импер. Николай II и армия". Статья принадлежит перу ген. Штаба Полковника С. Н. Ряснянского.

„ЧЕРНЫЙ КАПИТАН"

В редакцию прислана для отзыва книга „ЧЕРНЫЙ КАПИТАН", сочинение известного следопыта и охотника на тигров Манчжурии бывшего заамурца полковника Николая Аполлоновича БАЙКОВА. Это быль-роман из жизни заамурцев по охране Кит. Вост. жел. дор. 1901-10 гг. Автор умер в 1958 г. в Брисбане — Австралия. Жена и дочь (последняя пол года лежит в санатории) автора нуждаются в средствах и обременены долгом из-за болезни и смерти его. Покупкой книги им надо помочь.

Книга хорошо издана и очень интересна по содержанию.

Цена книги — 2 дол. 90 ц. с пересылкой. С заказом обращаться в редакцию Переклички.

(В прошлом номере ошибочно цена была указана в 2 д. 50 ц.).

Редакция

М. КАРАТЕЕВ

ЯРЛЫК ВЕЛИКОГО ХАНА

Исторический роман из эпохи XIV века

Цена 3 д. 85 ц. без пересылки.

А. БАЛАКЛИЦКИЙ

РУССКИЙ ГАСТРОНОМИЧЕСКИЙ МАГАЗИН.

3425 BROADWAY между 139 и 140 ул.

Tel.: AU 3-0690.

ВСЕГДА ЛУЧШЕЕ И СВЕЖЕЕ.

БЛАГОТВОРИТЕЛЬНЫЙ ВЕЧЕР

Годовой Благотворительный вечер Объединения б. Юнкеров Елисаветградского Кавалерийского Училища состоится в Субботу 13 февраля 1960 года в зале Русского Клуба, 51 Ист 121 улица в Нью Йорке.

Просьба к дружественным организациям не занимать этот день устройством др. вечеров. Чистый доход пойдет на оказание помощи престарелым, больным, нетрудоспособным и инвалидам б. наставникам, однокашникам и соратникам находящимся как в Европе, так и в С. Ш. А.

НОВАЯ КНИГА!

„НЕИЗВРАЩЕННАЯ ИСТОРИЯ УКРАИНЫ-РУСИ"

А. ДИКОГО

Закончена печатанием и с 15-го Января поступит в продажу. Книга содержит 416 стр., снабжена многими картами и рисунками. Цена — 5 дол. (пересылка 50 ц.).

Книгу можно получить или выписать по адресу редакции Переклички.

„Неизвращенная история Украины-Руси" дает правдивую картину прошлого части России — Малороссии-Украины и документально опровергает сепаратистическую пропаганду о „порабощении и угнетении" Украины великороссами.

„Л а д о н к а" ждет

Вашей подписки !

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ВОЗРОЖДЕНИЕ"

является журналом литературно-политическим. В этом журнале помещаются статьи касающияся вопросов военно-исторических и статьи технические в популярной форме. Каждый месячный выпуск посвящается лицу или событию представляющему интересъ для людей не потерявших свою „Русскость".

Стоимость „Возрождения" на год 10 долларов, на пол года 5 долларов и 50 центов, отдельные номера один доллар.

Выписывать журнал можно через П. Е. Стогова.

Адрес для заказов:

P. Stogoff, 89-30 164 St. Jamaica 32,

Long Island, N. Y.

Редакция принимает заказы на всевозможные типографские работы.

Цены вне конкуренции.

Адрес редакции:

A. PAVLOV, 423 W. 118 St., apt. 35.

New York 27, N. Y.

Tel.: MO 6-3886.

Printed in U. S. A.

Цена этого номера в С. А. Ш. 30 центов.

NASHA PEREKLICHKA

НАША ПЕРЕКЛИЧКА

1920 БИЗЕРТА 1921 — 1920 ГАЛЛИПОЛИ 1921 — 1920 ЛЕМНОСЪ 1921

ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
ИНФОРМАЦИИ И СВЯЗИ БЕЛОГО ЛАГЕРЯ РОССИЙСКОЙ ЭМИГРАЦИИ

1-ый год издания. | № 2 | Март 1960 г.

НАША ПЛАНЕТА

(Политический обзор)

Перейдем к Свободному миру. Экономически и индустриально он очень силен, неизмеримо сильнее Красного Блока и нейтралистов вместе взятых. Его слабая сторона — это необходимость ввозить сырье из Азии и Африки и постепенная потеря рынков сбыта, попадающих под влияние коммунистического блока. Но это только угроза для будущего. Сейчас же он материально преуспевает и население его, в основном, благоденствует. Это относится к США, Англии и ее доминионам (Австралия, Нов. Зеландия, Канада), Зап. Германия, Франция, Скандинавские страны и „Бенелюкс" (Бельгия, Голландия и Люксембург). Хуже обстоит дело в Италии, Испании, Португалии и Греции, но и там нет ни массовой безработицы, ни голода, и экономика медленно, но верно улучшается.

Не легкой проблемой в будущем явится для некоторых государств полной перестройки своей экономики, которая раньше базировалась на колониях, а теперь зависит от экономической гармонии „Коммонвельта" для Англии и „Содружества" для Франции. Ведь не исключена возможность, что страны и государства „Коммонвелта" и „Содружества" сделают то, что сделали когда то США: разорвут экономическое сотрудничество и поведут свою собственную экономическую политику. В этом случае Англию и Францию ждет судьба Испании. Но пока этого нет и неизвестно, когда это случится и случится ли вообще. А потому в настоящий момент и Англия и Франция экономически сильны и совместно с США и Зап. Германией составляют основное ядро демократического блока. Но не одна экономика определяет политическую значимость государства. Существует и другой фактор — психологический: воля и решимость бороться за сохранение своего политического и социального строя. Без этой воли одна экономика ничего не значит. Есть ли эта воля в Свободном мире и достаточно ли она крепка и сильна? Известный английский философ Бертран Руссел не так давно бросил облетевшую весь мир фразу: „лучше сто лет коммунизма, чем разрушение мира в результате атомной войны". В Англии же во время последних выборов главным козырем был лозунг „соглашение" с коммунизмом. Победили те, кто больше продемонстрировал свое желание „договорится" с Москвой. Во Франции 25 проц. голосуют за коммунистов, в Италии свыше 30 проц. Будут ли они самоотверженно бороться в случае конфликта с коммунизмом? Ведь не так давно, несколько лет назад, лидерами французской и итальянской компартии были сделаны в парламентах заявления, что в случае вооруженного конфликта их государств с СССР, „симпатии коммунистов будут на стороне СССР". Борьба с коммунизмом во Франции и Италии ведется не по существу, а чисто формально, запрещениями или сомнительными изменениями выборного закона, дающими уменьшение числа мандатов (но не уменьшающих проц. поданных голосов). В свое время Гитлер застал в Германии не меньший про-

цент голосовавших за коммунистов, но радикальными социальными реформами, направленными к осуществлению социальной справедливости, коммунисты искренно и добровольно отошли от коммунизма. О подобных реформах во Франции и Италии ничего не слышно. И считать эти государства монолитными в смысле антикоммунизма, несмотря на антикоммунизм их правительств, было бы неоправданным оптимизмом. В этом отношении более благополучна Западн. Германия — в массе она антикоммунистична. Но она побеждена, национально унижена и расчленена. Возсоединить ее Западн. союзники не могут иначе как ценой войны, которой никто не хочет. Москва же возсоединить может, но для антикоммунистов не менее страшной ценой чем война — вхождение объединенной Германии в коммунистический блок и разрыв с Западом. В последнем случае немецкой индустрии открываются неограниченные возможности на необъятных рынках красного блока. А за рынки уже и сейчас Зап. Германия ведет борьбу со своими западн. союзниками, особенно с Англией. И если эта борьба обострится, не толкнет ли она Зап. Германию на новое Рапалло? Могла же когда то Германия за 24 часа переменить свою прозападную политику на антизападную. Почему это невозможно теперь? А уж Хрущев на всякие обещания и „уступки" не поскупится. Отталкивание же немцев от коммунизма не помешало в свое время тесному сотрудничеству „Веймарской" демократической Германии с СССР. Возможность вполне реальная и отбрасывать ее как невероятную не приходится. Рынок — великая притягательная сила для либерально-демократическо-капиталистического строя, которая нередко направляет политику по путям далеким от здравого смысла. Ведь помогал же раньше Запад оснаститься тому коммунизму, который открыто заявляет, что его цель — уничтожение социального порядка Запада. Помогает и сейчас. Когда Хрущеву понадобились новые фабрики — их услужливо предложили построить (в кредит) американцы и англичане. Не захочет ли и немецкая индустрия последовать примеру американской и английской и начать строить в СССР фабрики и заводы.

Все приведенные выше соображения нельзя не принять во внимание при оценке антикоммунистической твердости Зап. Германии. Что в конечном результате перевесит? — Стремление к объединению и к рынкам или принципиальный антикоммунизм — неизвестно. Говоря о Зап. Германии, нельзя также упускать из виду и более чем вероятные последствия ее объединения с Вост. Германией, к чему стремится Свободн. Мир и чему противится СССР. Для всякого здравомыслящего человека не может быть сомнений, что объединение, если оно произойдет, будет началом „цепной реакции" по объединению в одном государстве всех немцев вообще, точнее — территорий, которые немцы считают „немецкими" (справедливо или нет — значения не имеет). А таких территорий не мало: Восточная Пруссия — конечно, без всяких польских „коридоров", Данциг, Силезия, Судеты, Австрия, Эльзас и Лотарингия, присоединенные после 2-ой войны северо-западными соседями немецкие области и, как последнее звено объединительной „цепной реакции" — немецкие кантоны Швейцарии. „Четвертый Райх" в центре Европы со стомиллионным чисто немецким населением, высоко развитой индустрией и острым недостатком как рынков сбыта, так и территорий для отлива неуклонно растущего населения. Грозный и мощный кулак, крепко спаянный идеей немецкого единства... Что этот кулак будет направлен на Восток, догадаться не трудно. А на востоке — Россия, которая за последние 50 лет дважды была жертвой вторжения объединенной Германии.

Эти соображения являются веским аргументом для Кремля, противящегося объединению Германии и ослабляют позиции Свободного Мира на этом объединении настаивающего, но не могущего дать реальных гарантий, что вторжение не повторится.

Подкрепляет позицию Кремля и исторический прецедент — расчленения Германии Францией по Вестфальскому миру 1648 г. Как известно, тогда Германия была поделена на множество государств, и два столетия она никому из соседей не угрожала, а эти отдельные государства процветали экономически и культурно. Остальные европейские государства антикоммунистического блока (Скандинавия, Бенелюкс, Испания, Португалия, Греция, Австрия и Швейцария) особого влияния на соотношение сил не имеют и своей „большой политики" фактически не ведут, хотя формально они независимы и суверенны. В смысле экономического потенциала одни из них (качественно) приближаются к Англии и Зап. Германии (Бенелюкс, отчасти Скандинавия), другие экономически отстали (Испания, Португалия, Греция), третьи, хотя экономически и сильны, но сознательно уклоняются от всяких союзов и коалиций (Австрия, Швейцария). По духу и настроениям все они антикоммунистичны, как Зап. Германия, и процент коммунистов в этих государствах незначителен. Но нейтралистские и соглашательские настроения в некоторых из них весьма сильны — например, в Швеции, Австрии, Швейцарии. В смысле настроений ни все вместе, ни каждое у себя внутри, эти государства монолита не представляют. В основном они верны демократическим идеям Запада и коммунисты там не имеют шансов прийти к власти без вмешательства извне (чего нельзя сказать о Франции и Италии). Для Свободного Мира все эти государства „сыр", а для коммунистов „дырочки". Так в самых общих чертах рисуется положение Свободного Мира в Европе по эту сто-

рону железного занавеса. Быть полностью удовлетворенным им нельзя, хотя нет оснований и для паники. Но недочета нельзя замалчивать и надо предпринимать серьезные меры для их устранения — в первую очередь во Франции и Италии, где коммунисты так сильны. Такими мерами, как избирательная реформа Де-Голля, в результате которой коммунисты, собравшие на выборах максимальное число голосов, получили минимальное количество мандатов, коммунизма не победить. Нужны другие меры для отвращения симпатий избирателей от коммунизма — меры социального (это не значит и социалистического) характера. Надо надеятся, что руководители внутренней политики Франции и Италии поймут это. Общее положение Свободного Мира осложняется еще и претензиями Франции на руководящую роль в Европе и положение великой державы, для чего у нее нет объективных данных. Поражение во 2-ой Мировой войне, насильственный уход из Сирии и Ливана, поражение в Индокитае, неспособность полумиллионной армии победить повстанцев в Алжире, очевидное и стремительное распадение обширных африканских владений вряд ли могут содействовать возстановлению „величия Франции", что ставит своей целью Де-Голль. Не содействует этому и экономическое положение Франции, которая позволила обогнать себя разбитой и разоренной Зап. Германией. На воспоминаниях прошлого, как бы славно оно ни было, трудно обосновывать претензии на „величие" в настоящем и водительство в будущем. К сожалению для единства Свободного Мира, Франция вопрос престижа нередко ставит выше велений разума и этим наносит тяжелые удары делу консолидации всех антикоммунистических сил, что полезно только большевикам.

Заканчивая на этом обзор той части нашей планеты, которая не находится под властью коммунистов, я не делаю никаких выводов, предоставляя их сделать читателям.

Обзор получается не особенно радостный, но и не безнадежно мрачный, хотя положение и можно назвать угрожающим.

Но ведь положение угрожающее еще не есть и положение безнадежное. Надо только трезво оценить обстановку и найти в себе силы принять ответственные решения в это ответственное время, независимо от личных симпатий, антипатий и давления избирателей или безответственных групп, ставящх свои интересы выше государственных.

К сожалению, это не всегда удается и Свободный Мир тратит больше времени на улаживание своих внутренних конфликтов (между отдельными государствами), чем на консолидацию всех сил для борьбы с коммунизмом. Будет ли эта борьба только экономической, как сейчас, или выльется в вооруженное столкновение — предсказать трудно.

Более вероятным, учитывая все обстоятельства, можно считать первое чем второе.

(Обзор красного Блока — его силы и слабости — в следующем номере).

А. Дикий

ИВАН-ДА-МАРЬЯ

Как раненный могучий лев наносит перед своей кончиной последний мощный удар своему врагу, так наша Армия, вырвавшись из Крыма, стремительным ударом выбила красных за Днепр. Но покинутая своими союзниками, с ничтожным количеством танков, аэропланов и без достаточной артиллерии, оскудевшая и людским составом, Армия должна была принять удар многочисленных дивизий, переброшенных с Польского и Сибирского фронтов. И львиное сердце, безсмертного в Русской Истории Главнокомандующего, поддерживало наш дух. Дорого стоил врагу каждый шаг последнего отступления Белых.

***

Я сидел на обрывистом берегу Днепра и наблюдал красных на противоположной стороне. В каком то из этих мест они готовились ночью навести понтонные мосты и атаковать левый фланг нашей Армии.

Ярко светило солнце. Величественная река текла спокойно, как и тысячу лет назад. Ветвистые вербы грелись на солнце. Едва слышно шелестел камыш. Природе не было дела до последнего акта одной из бесконечных человеческих трагедий.

Из ближайшей хаты вышел сгорбленный старик, ведя за руку маленькую девочку. Подойдя ко мне, он, прижмурившись, посмотрел в сторону красных и сквозь зубы процедил: — „Много их супостатов... Сколько лодок натаскали. Всех рыбаков ограбили...', и сел рядом со мной на бревно. Девочка, прижавшись к его ногам, с любопытством разсматривала мой золотой погон. — „Как тебя зовут?", обратился я к ней. Она ничего не ответила и быстро спрятала белокурую головку под руку старика. — „Марья", ответил за нее дед. „а меня Иван. Вот, значит и выходит Иван да-Марья. Как те цветочки, что под вашими ногами", закончил он улыбаясь. Я только сейчас обратил внимание, они росли вокруг меня, но их наибольше было у самого обрыва. — „Какая их мас-

са!.. Как будто желто-синий ковер", удивился я. — „Вы не из здешних, иначе вы бы знали, что им полагается здесь расти", ответил он авторитетным тоном. „Что значит полагается?", поинтересовался я. Меня заинтересовал этот симпатичный собеседник. „А вот послушайте..., и закурив предложенную мной папиросу и посадивши девочку к себе на колени, дед начал свой разсказ: — „Много лет тому назад, и так давно, что даже мой дед не застал того времени, на том месте, где моя хата, жил богатый казак. И чего только у него не было!.. Утварь серебрянная, сабли, отделанные золотом, седла — черкеские, венгерские, татарские. Лучших коней и сам турецкий паша не имел. Под тяжестью зерна ломились амбары. А вин, наливок, а старки — большое село не могло бы выпить за день! Но не столько богатством гордился казак, как своей дочерью Марьей. Что может быть стройнее тополя? Что может быть темнее ночи? Чьи волосы могут быть длиней волос русалки?.. То Мария была стройнее тополя, то ея очи были чернее ночи, то ея косы были длиннее, чем волосы русалки... Но не очень счастлив был казак. И у жены его на глазах люди часто видели слезы. Она не могла забыть безследно пропавшего своего пяти-летнего сына. Татары ли его увезли? Цыгане ли курали? Свалился ли с обрыва в Днепр? Осталось для них тайной. Случилось это в год рождения Марьи. О красоте Марии знали, как по эту, так и по ту сторону Днепра. Много сватов приезжало, и с самого Киева. Но всем женихам красавица отвечала отказом. Дивились люди: „Пора замуж Марии!" Но не дивилась этому мать. Дочь разсказала матери: с кем говорила, кого полюбила, с кем сидела над обрывом, и кому клятву дала любить до гроба. Это тогда случилось, когда около них остановились розъезжие люди, с дороги отдохнуть, волов подкормить. Ехали они в Крым за солью. Увидела Мария между ними одного молодца: стройнее тополя, с очами чернее ночи, и с кудрями, как у заморского царевича. И сильно полюбили они друг друга.

И вот, снова он приехал, распродавши крымскую соль. В каракулевой шапке, в новых сапогах, и в бархатной подевке. В те времена было выгодно торговать солью.

Как увидела его Мария, с радости не могла слова вымолвить. Очень понравился молодец и старому казаку в своей богатой одежде. А старуха мать, глаз с него не сводила и, казалось, не решалась что то сказать.

— „Но прежде чем отдать за тебя дочь свою, я должен знать, какого ты роду? кто отец твой, кто мать, как твоя фамилия и сельское прозвище?", сказал казак молодцу.

— „Я сам не знаю, кто отец мой и кто мать моя", ответил красавец, „я также не знаю, где я родился. Меня цыгане украли, когда я был совсем маленьким. Я только помню, что мать звала меня Иваном, и лицо ее я смутно припоминаю". — „Крещен ли ты"?, спросил козак дрожащим голосом. — „Я уверен, что крещен, так как всегда на мне этот крест", и он разстегнул рубашку. — „Сын мой! Несчастный сын мой! Сердце мое тебя узнало и без креста!" И она обнимала его, целовала его и обливала горючими слезами.

***

Иван и Марья сдержали клятву любить друг друга до гроба. Вечером их нашли мертвыми под обрывом. Здесь же, у обрыва их похоронили в общей могиле без креста. А на следующий день, желто-синим ковром зацвели эти цветы над обрывом. И сколько здесь ни пашите, сколько ни переворачивайте землю, что на ней ни сейте — когда придет их время, все покрывается цветами. То дух любви из родной земли выходит на поверхность!"

***

Красные при поддержке легкой и тяжелой артиллерии переправились через Днепр, атаковали левый фланг нашей Армии. Наша — сказочная пехота и доблестная кавалерия старались контратаками остановить несметные полчища врага. И эти, забытые миром герои трехлетней Гражданской войны, видевшие тыл и отдых только тогда, когда были раненными, не получавшие ни смены, ни помощи от трусливого тыла, дрались как львы, за каждый оставляемый аршин Родной Земли.

Немногие, оставшиеся в живых герои, должны были покинуть свою Родину, идеалам которой они остались верными до гроба.

***

Я сидел на обрыве над каменистой, выжженной солнцем долиной. Внизу виднелись палатки нашей Армии, а дальше, на холме — многочисленные деревянные кресты Белого Кладбища. Галлиполийские турки называли это место „Долиной роз и смерти". Я заметил под ногами полузавядший небольшой цветок, напомнивший мне другой — желто-синий и доброго мудрого старика, державшего на коленях заснувшую белокурую девочку... „Когда придет их время — все покроется цветами...", то Дух Любви из родной земли выйдет на поверхность.

Ю. Яновский.

ТУХАЧЕВСКИЙ

(Окончание)

Революция, каждая революция, неизбежно кончается кровавой борьбой за власть между гражданскими вождями ея, их фанатическими последователями и армией. Армии не охотно принимают подчинение революционным вождям и, если находят в себе достаточно сил, то меняют ход революции, иногда ее подавляют и, возглавляя и воодушевляя армию и народ, ведут ее своими, новыми, путями. В результате этой неизбежной борьбы французскую революцию, например, обуздали генералы, и мил был потрясен гением Наполеона, создавшим целую эпоху.

В русской революции армию обуздал гражданский вождь ее — Сталин и, пролив потоки крови, искромсав тысячи жизней и обезглавив армию, стал неограниченным диктатором великой страны. Народ и армия созрели и ждали своего Наполеона. Армия может быть ждала великих походов и побед, народ — избавления от крававого террора и удовлетворения своей тоски по человеческой жизни. Эти чаяния в какой то степени воплотились в личности Тухачевского. Трудно отгадать замыслы мертваго, но свидетели того времени оставили нам много данных об этой безспорно исключительной личности красного маршала. Когда уже многие из его окружения, сослуживцев, верхов армии и членов правительства видели и знали его обреченность, он один считал, что на него не посмеет поднятся рука Сталина. Он — герой гражданской войны, правоверный коммунист, он — гениальный реорганизатор армии, ея олицетворение, он не умеющий, не знавший и не искавший конспирации и он, как гвардейский офицер, не имеющий и никакого опыта для закулисной борьбы. Тухачевский был символ Красной армии. Самонадеянный, честлюбивый, надменно самоуверенный, веривший в свою звезду, проходил мимо всех закулисных интриг, плетущихся за его спиной — ему никого и ничего не надо боятся, а для таких интриганов, как Сталин, есть и управа — это Политбюро, которое рано или поздно его уберет. О Тухачевском пишут, что где бы он не появлялся, он всюду создавал вокруг себя атмосферу обаяния и преклонения. И все это лишало Сталина и Ворошилова покойнаго сна. Было много и других оснований у Сталина и Ворошилова отделаться от этого слишком вознесшагося над их головами, слишком безпокойнаго, умнаго и опасного соперника. Еще в 1936 году Тухачевский и другие высшие чины армии открыто заявляли о своем несогласии со сталинской политикой и эта критика особенно возвысила свой голос после учиненной Сталиным „чистки" старой гвардии большевиков, с которыми Тухачевский был связан еще по первым дням революции и военнаго коммунизма. Сталин это крепко запомнил и, если часто выказывал свое восхищение речами Тухачевского на собраниях о росте Красн. армии, о путях коммунизма, доверял ему секретные командировки за-границу и почетные от имени правительства в Лондон на похороны короля, то его азиатское терпение и вероломство ждало удобнаго момента, что бы набросится на свою жертву и безжалостно ее уничтожить. Глухая борьба Сталина с возглавлением армии началась еще в 1925 году. Здесь надо указать, что в это время идее Тухачевского принадлежит организация секретного международнаго Генеральн. Штаба для подготовки и руководства мировой революцией. Точно по идее Тухачевского эта организация не осуществилась, но при Коминтерне была создана военная секция для связи с коммунистическими партиями других стран. Жуков был непосредственным помощником Тухачевского и был назначен секретным офицером связи с германской воен. секцией коммунист. партии, а маршал Рокоссовский тем же офицером связи между Тухачевскими и польск. коммунист. партией. Сталин проповедовал и настаивал на „пролетарской стратегии". Всю историю этой борьбы по мнению некоторых компетентных людей можно разделить на три фазы: I-я — это борьба за первенство в армии между Тухачевским и Ворошиловым, это соревнование продолжалось до 1936 г., когда Ворошилов явно и целиком вошел в орбиту сталинской звезды. II-я фаза, когда Сталин и Ворошилов вкупе начали борьбу с Тухачевским и высшим руководством Красн. армии. Интересным фактором этой фазы является заключение секретного договора при санкции Сталина между Ворошиловым и Блюхером. По этому договору в случае открытия каких либо революционных действий, каждый из договорившихся приходит на помощь другому всей имеющейся в его распоряжении военной силой, т. е. — Ворошилов силами европейской части России, а Блюхер сибирской и дальне-восточной. Надо сказать, что про Красн. армию говорилось, что возглавление ее (Ворошилов — кузнец) пролетарское, а душа — аристократическая. Дальше мы увидим, как к аристократичекому происхождению Тухачевского при фабрикации уличающих документов была прикреплена полная реставрация национальной России и Императорской армии.

Только после этого сговора, Ворошилов—Блюхер, Сталин начал закулисную борьбу с Тухачевским и был уверен, что Блюхер по его приказу будет палачем Тухачевского. У Сталина, конечно, уже были все основания трепетать перед личностью Тухачевского и переживать большую трево-

гу за свою жизнь, рядом с ним, Отцом народов, великим Сталиным, непомерно широко разрослась личность юного маршала. В этой голове могут зародится разные мысли и вся армия к его услугам.

II-я фаза — здесь мы подходим к событиям, закончившимся исключительно кровавой развязкой. Надо сказать, что вокруг этого имени „Тухачевский" и его „заговор" был намотан такой сложный и запутаный клубок, что вряд ли когда нибудь он будет размотан и вытянут в правдивую нить последовательных событий. Некоторые исследователи находят, что истинную правду можно будет установить только тогда, когда откроется доступ к тайным архивам ГПУ и прочих учреждений этого рода. Может быть, но вероятного мало, тайна унесена смертями главных действующих лиц. А писанных документов о таких деяниях они оставлять не любят.

Некоторые из читателей упрекают журнал, что редактор уделяет столько места личности Тухачевского и его заговору, но ведь во всей истории, пожалуй, нет подобного прецедента и самой буйной фантазии не хватило бы что либо подобное сочинить. В этот клубок вплетено столько имен, событий, политических и военных событий, дипломатических обманов, подлости, продажности, предательства и потрясающих перлов человеческой низости... Постаремся все таки этот клубок хотя бы с приблизительной точностью размотать и представить читателям относительно правдивую историю этого „заговора Тухачевского". Чтобы проследить события этой 3-ей фазы, нам надо вернуться к тому моменту, когда Тухачевский вернулся из Лондона — это было во второй половине Марта месяца 1937 года. Вскоре после возвращения в Москву, Тухачевский вместе с другими высшими чинами армии присутствовали на званном обеде в американском посольстве. Этот обед описывает в своих воспоминаниях американск. посол Дэвис. Он пишет, что это было крупным событием в истории дипломатического корпуса. Приглашенных было 60 чел. командного состава во главе с Ворошиловым, Тухачевским, Егоровым и др., были представители всех родов оружия, герои-летчики. Посол не знал, будет ли принято приглашение. Явились почти все. Дэвис пишет, что они были удивлены прекрасным видом всех чинов, все были здоровы, с приятными лицами и в отличных военных формах со всеми знаками отличий. О Тухачевском пишет, что выглядел хорошо, был свеж, молод с почти детским выражением лица, для своего роста несколько тяжеловат и производил впечатление человека, который в полной мере наслаждается жизнью, ни капли тревоги или безпокойства. В Апреле же было объявлено, что Тухачевский будет представлять Сов. правительство на коронационных торжествах в Лондоне. В Апреле же Тухачевскому было объявлено, что в Лондон он не едет, вместо него командируется адмирал Орлов. Последний раз Тухачевский был виден на первомайском параде на Красной площади, свидетель говорит, что он нервничал, осунулся, ни с кем не разговаривал, бывшие друзья его сторонились и после первой части парада, ни с кем не попрощавшись, удалился. 4-го Мая официально была отменена его командировка, 11-го Мая последовало смещение с занимаемой им должности первого заместителя комис. обороны и назначение командующим военным округом Поволожья, приказ задерживался и Тухачевский оставался в Москве. 17-го Мая Ц. К. партии опубликовано декрет о полном политическом контроле партии Красн. армии, по которому при каждом командующем округом учреждаются две должности политических комиссаров — членов партии. По документам, уличающим Тухачевского, опубликование этого декрета должно было послужить сигналом к возстанию, но... возстания не последовало. Главным политическим комиссаром был назначен чекист Л. З. Мехлис, личный секретарь Сталина, и ему было приказано этот декрет незамедлительно провести в жизнь. Янкель Гамарник, главный комиссар армии, был смещен, но еще продолжал посещать свою канцелярию до 30-го Мая. В ночь с 30 на 31-е Мая Янкель Гамарник застрелился или был убит. Рассказывают, Гамарник спокойно сидел у себя в кабинете, вошли четыре агента НКВД и объявили, что он арестован, он чувствовал за собой силу и был вбзешен появлением агентов и застрелил двух из них, другие два произвели выемку документов из его стола и удалились, когда же чины штаба вошли в кабинет, чтобы убрать трупы, то застали Гамарника разоговаривающего по телефону с Ежовым и как следствие разговора Гамарник застрелился. Самоубиство Янкеля Гамарника — это был сигнальный залп по Тухачевском. Что же произошло с Гамарником? Мы знаем, что он был вторым заместителем комиссара Обороны, Был в подчинении Тухачевскому, боготворил его и , будучи политическим комиссаром, о многом его информировал, о настроениях Кремля, о закулисных интригах, о настроениях в армии. Тухачевский в свою очередь делился с Гамарником о своих планах усовершенствования армии, о задуманной широкой реорганизации армии, в которых предполагалось учреждение кадетских корпусов, чинопочитание, институт деньщиков, погоны, чины и пр., т. е. все то, к чему армия пришла после ликвидации, пожалуй, последняго матерого политического комиссара армии — Берии, не без участия армии. Сталин, конечно, все это знал и ему необходимо было иметь Гамарника своим помощником, а Гамарник, видимо, учуял надвигающуюся эту страшную чистку, командного состава и, спасая свою шкуру, переметнулся к Сталину, надеясь на прощение своих грехов, и заодно с ним

шить заговор против Тухачевского, используя известные ему замыслы Тухачевского. Он даже участвовал в тайной комиссии по расследованию деятельности Тухачевского. Тухачевский же по прежнему ему безгранично доверял. Гамарник просчитался, Сталин грехи против себя никому не прощал. И во время своего последнего разговора с Ежовым узнал, что он не прощен и всем возможным последующим пыткам, а он их знал хорошо, предпочел смерть.

Тухачевский, получив назначение командующим Военным Округом Поволожья, что расценивалось как почетное изгнание, задерживался еще некоторое время в Москве. Жил он в своей загородной даче около Москвы. Перед отъездом он принимал посетителей, в большом количестве являвшихся к нему, чтобы попрощаться со своим уважаемым и любимым начальником. Как было сказано, это было вскоре после его возвращения из Лондона, и среди своих приближенных и друзей он и некоторые другие участники поездки в Лондон высказывали свои наблюдения, мнения и сравнения с Англией. Некоторые открыто критиковали режим, и один из комкоров, который не пользовался милостью Ежова сказал: „У нас иначе — и по Ленину любой повар может править государством, сапожник — быть командующим армией, а деньщик — командармом. А наше Советское Величество имеет неограниченную власть со множеством титулов и почетных званий. Наш же офицер должен иметь две способности: бойкий язык и очень эластичную совесть". Передают, что эти разговоры также легли тяжелым грузом на судьбу Тухачевского.

Во время процесса Бухарина в Марте 1938 года Бухарин и Крестинский показывали, что в 1936 г., якобы, существовал заговор во главе с Тухачевским, совершить в стране переворот в Мае 1937 г., но, повидимому, это не было окончательным решением. Сталин это предупредил с большой быстротой и решительностью — разстрелял всю верхушку армии.

После убийства или самоубийства Гамарника, которому Тухачевский безгранично доверял и полагался на его сообщения о замыслах Сталина, Тух. потерял самообладание и, видимо, покорился судьбе.

Выше было сказано, что из стола Гамарника агенты НКВД произвели выемку документов, уличающих Тухачевского. Что это были за документы? Во первых — это были планы Тухачевского о реорганизации Красн. армии, по которым одним из главных условий этой реорганизации было уничтожение института политических комиссаров, возстановление чинов и пр., и пр. Во вторых — это были документы, относящиеся к переговорам Тухачевского с немецким генералитетом, которые велись Тухачевским по поручению Сталина. Затем, повидимому, разные документы относящиеся уже ко времени захвата власти Гитлером, документы изготовленные по его приказанию для уличения и обвинения известной части офицеров немецкого Генеральн. Штаба, которые стояли на пути Гитлера к достижению им полной власти над армией (адмирала Канариса). Эти документы съиграли требуемую от них роль как Гитлеру, так и Сталину. Серия документов, относящихся к переговорам Тухачевского с чешским правительством с одной стороны и с немецким военным министром Бломбергом с другой. Опять таки по поручению Сталина же. Бломберга и Тухачевского связывала большая дружба еще со времен двухлетняго пребывания Тухачевского на курсах немецкого Генеральн. Штаба. Здесь надо упомянуть, что этот выдающийся немецк. генерал совершенно исключительно преклонялся перед талантами Тухачевск. и очень ценил его дружбу. И когда узнал об участи Тух., то был так потрясен, что упал в обморок. Бенеш подозревал Тух. в выдаче немцам планов обороны Чехословакии (Тухачевский о них знал) и, пользуясь сомнительными донесениями своих агентов в Берлине, передал Сталину документы, якобы уличающие Тухач. в каких то тайных переговорах с нем. Генеральн. Штабом. Наконец, совершенно особо стоит серия документов, которые для окончательного уличения Тухачевского по приказанию Сталина или в угоду ему, или как очень выгодная денежная сделка были сфабрикованы в Берлине и Париже. Здесь мы столкнемся со многими знакомыми нам именами. Об этих документах разсказал в своей книге некто В. К. Кривицкий, который был начальником Западно-Европейского отдела Разведывательного Отделения Ген. Штаба Красн. армии в 1936-38 г. г. В 1938 году он, как принято сейчас говорить, „избрал свободу", а в 1939 г. в Вашингтоне покончил жизнь самоубиством. Во время казни Тухачевского он был в Москве. Надо сказать, что заключение договора о ненападении и военном союзе Гитлеру было предложено самим Сталиным. От имени Сталина переговоры вел некто Канделаки, официальное положение которого было Торговый представитель Сов. Союза. Договор был подписан, и о нем знали только 12 человек в Кремле, ни Ворошилов, ни Тухачевский о нем ничего не знали. И в Апреле 1937 г. когда Канделаки доложил Сталину, что договор с Гитлером подписан и что Сов. Союзу от гитлеровской Германии в ближайшее будущем нападения ожидать не приходится, только тогда Сталин объявил своим „чекистам", что можно начинать открытую борьбу с Тухачевским и что он хочет ликвидировать все Верховное Командование Красн. армии. После заключения этого договора между Гитлером и Сталиным была сфабрикована эта последняя серия документов для представления в Политбюро. Была установлена „мифическая" связь между Тухачевским и ген. Миллером —

Начальн. Обще-Воинск. Союза. Автор пишет, что он знал о фабрикации этих документов, что он был в прямой связи с Гестапо в Берлине. Ольга Чехова, знавшая лично Тухачевского, и имевшая связи с Гестапо, выработала соответствующее послание Гучкову, в котором сообщала, что Тухачевский намерен произвести переворот в Москве и возстановить „Трехцветный флаг" — это было сделано, как личное заявление Тухачевского. Гучков, якобы, возглавлял какое то гражданское общество по борьбе с Сов. Союзом. Гучков это послание передал ген. Миллеру. Опытный и добротный русский генерал посланию этому не поверил и объявил его фальшивкой. Генерал же Скоблин, без ведома ген. Миллера, конечно, это послание от себя передал непосредственно в Москву — ГПУ. Сам Кривицкий утверждает, что ген. Миллер никогда не имел никакой связи с Тухачевским и что все это предприятие сплошной вымысел ловких и падких на легкий заработок людей. Есть, между прочим, неясные указания, что в этом доносе кроется причина похищения ген. Миллера. Вся трагедия того мутного времени, пожалуй, продолжающегося и по сей день в том, что все почти знали, что документы фальшивы, по заказу сфабрикованы, но все главные действующие лица Сталин, Гитлер, Ежов и иже с ними, им имя легион, санкционировали их своими авторитетами, предательством и звериной жестокостью за настоящие и на основании их пролили потоки крови.

К сожалению за недостатком места пришлось упустить много интересных подробностей этого поистине чудовищного по замыслу и по проведению в жизнь „заговора Тухачевского".

С. Л. Горин.

ЕЩЕ ОДНО ПИСЬМО

10-го февраля 1960.

Глубокоуважаемый Александр Константинович,

я запоздал с моим письмом к сотому номеру „Переклички" и оно придет к Вам, когда Ваш журнал сделался, по независящим от Вас обстоятельствам, „Нашей Перекличкой".

Анализируя Вашу работу и ее результат в „Перекличке" за те пять лет, что Вы ее редактировали, я могу сказать следующее: журнал был серьезный, охватывал не только чисто военные вопросы, но и вопросы военной истории, политику, психологию и другие научные дисциплины. Такой журнал представлял большую культурную ценность и был интересен не только одним военным. Как средство связи между разбросанными воинами, Ваш журнал делал свою работу хорошо. С каждым годом, несмотря на трудности, Вы улучшали журнал. В выборе статей, в подборе сотрудников Вы проявляли „дерзание", то есть не боялись затрагивать такие вопросы, которые могли вызвать полемику, руководствуясь, вероятно, принципом: „от столкновения мнений рождается истина". Хорошей иллюстрацией Вашего „дерзания" — это статья „Тухачевский", майора С. Горина. Неприложным является тот факт, что Тухачевский сыграл большую роль в тот период времени, когда шла Гражданская война, война между Советским Союзом и Польшей, когда шло подавление крестьянских возстаний и матроских — в Кронштате. Значение Тухачевского в создании и реформировании вооруженной силы в СССР чрезвычайно-велико, как велико и значение Ежовской чистки, вызванной казнью Тухачевского и его приверженцев. В вопросе международной политики, узел интриг опутывал того же Тухачевского. Распутывания этих интриг — дело историков, как делом военных является оценка Тухачевского, как военного начальника и реформатора. Вместе с тем, нравственный облик Тухачевского может вызывать презрение и ненависть. Для журнала, серьезно занятого научно-исторической работой и не выдающего отзывов о морали крупных исторических людей, а интересующихся только их ролью и деятельностью, „Тухачевский" представляет большой интерес.

Я уверен, что о Тухачевском будет написано много и здесь в эмиграции, и в СССР. Писать будут просто потому, что, как из песни слова не выкинешь, так не выкинешь из правдивой истории ни одного деятеля.

Возвращаясь к статье „Тухачевский", я могу сказать, что она содержательна, интересна и написана так, как пишут хорошие историки, то есть — без ненужной страстности.

Журнал „Наша Перекличка" № 1 по своему качеству нисколько не уступает номерам Переклички". Этот журнал был снабжен летучкой „Вниманию подписчиков Переклички". Прочитав эту летучку, я пришел к убеждению, что подавляющее число подписчиков пожелают иметь Ваш журнал, так как они знают и Вашу работу и видели результаты этой работы. С Божьей помощью, при Вашей работоспособности, Вы справитесь с новой напастью, которая на Вас свалилась, а наше дело Вас поддержать.

Глубокоуважающий Вас *П. Е. Стогов*

БОЙ ПОД БРАСОВЫМ 5-го ОКТЯБРЯ 1919 г.

4-го октября. 7-ая Гаубичная батарея 3-ей артиллерийской бригады (эта бригада была переименована в Дроздовскую артил. бригаду 22-го Октября 1919 г.) в составе 4-х 48-ми линейных английских гаубиц при четырех зарядных ящиках (часть снарядов была погружена на обывательские подводы) стояла в поселке при станции Комаричи (Орловской губ.). Батарея находилась в распоряжении командира 2-го Дроздовск. полка полковника Руммеля. Тут же находились взвод 1-ой бат. и взвод 12-ой. 12-я батарея находилась в стадии формирования. Одна 48-ми линейная гаубица, солдаты и конский состав были выделены 7-ой Гаубичной бат. В 16 час. было получено приказание в составе колонны полка перейти в с. Жадино. Посланные от батареи квартирьеры в селе квартир не нашли, так как почти во всех домах лежали больные сыпным тифом жители. Наступила темнота, улицы села были узки, кроме того, погреба у домов, покрытые досками, выходили на улицу, так что каждую минуту можно было с лошадью провалится в погреб. В конце концов с большим трудом удалось найти несколько плохих и грязных квартир — жители села были очень бедны.

5-ое Октября. Перед разсветом было получено приказание выступить в составе колонны полка на переправу через реку Нерусу у села Загрядье. Железно-дорожный мост через реку находился вправо от нас и хорошо охранялся красными, поэтому решено было взять другой — длинный деревянный — у Загрядье. Берега реки были очень болотисты. Красные не заметили нашего приближения, царила полная тишина, начинало светать. Вперед по направлению моста безшумно прошла команда пеших разведчиков, а за ней 4-е орудие нашей батареи. 3-му орудию было приказано занять позицию на окраине села и своим огнем поддержать наступление команды пеших разведчиков. При первых ружейных выстрелах красных, наше орудие по заставе красных у моста открыло огонь. После нескольких выстрелов были замечены убегавшие по мосту люди, наши разведчики быстро двигались к мосту, надо было предупредить поджег моста. Наконец, на мосту показались наши стрелки. Послав в догонку красных несколько снарядов, 3-е орудие двинулось к мосту. За мостом начинался лес, батарея пошла по лесной дороге. Красные отступали в большом беспорядке: были брошены предметы обмундирования и снаряжения. В лесу стояла красная батарея, не успевшая сделать ни одного выстрела. Выйдя на опушку леса противоположного берега, наша пехота начала перестрелку с красными, сопротивлялись красные слабо. Здесь же в лесу было захвачено в плен много разбежавшихся красноармейцев. Вдали показались строение господского двора Брасово — имение Великого Кн. Михаила Александровича. Обойдя имение слева, двигались дальше. Встретили много разграбленных и брошенных домов. Было приказано быстро выдвинуться вперед и обстрелять стоящий на станции красный бронепоезд, огнем своим задерживающий продвижение нашей пехоты. Стали на позицию и открыли огонь по бронепоезду. За строениями он был плохо виден, наблюдали его только по дыму паровоза. Из за полотна показалась и цепь красных, несколькими выстрелами ее разогнали. Влево от нас стал и взвод 12-ой батареи, левее ее стала разворачиваться бригада нашей кавалерии (5-го кав. крп.) и двинулась к железно-дорожн. линии с целью ее перерезать. Бронепоезд это заметил и полным ходом, стреляя на ходу, проскочил. Командир батареи полк. Соловьев быстро перевел 3-е орудие вправо в направлении станции и обстрелял значительное количество пехоты красных в районе станции. Батарея стала у опушки леса и ее огонь обрушился на окраину села и станции. На орудие шли отдельные красные стрелки, держа приклады винтовок наверх — шли сдаваться. У красных были новые японские винтовки и они были хорошо по зимнему обмундированы. На поле валялись вещевые мешки и предметы снаряжения. Наконец справа показалась наша заходящая в тыл пехота и красные обратились в паническое бегство. Батарее приказано было собраться в Брасово и стать по квартирам. По дороге встретили большие группы красных, сдавшихся в плен. Оказалось, что во время боя на станцию Брасово прибыл эшелон с недавно сформированным из крестьян Тульской губ. полком. В Брасово разместились хорошо. Отношение жителей, которые сильно пострадали от красного произвола, было вполне благожелательное.

6-7-е Октября. Батарея спокойно стояла в Брасово, ожидали приказаний для дальнейшего движения на Брянск. Наш бронепоезд (кажется ген. Дроздовский) доходил до станции Навля, которая не была занята, высадил там десант пехоты. Были получены сведения, что на станциях севернее Навли высаживаются свежие латышские и другие части красной армии. Можно было ожидать перехода красных в наступление. Наша же многострадальная пехота уже выдыхалась. Кроме этого наш левый фланг висел в воздухе, с 5-м кавалерийским корпусом был большой разрыв.

8-е Октября. Днем батарея получила приказание перейти на станцию Брасово и грузится в эшелон, с батареей была погружена и часть пехоты с обозом. Поздно вечером эшелон прибыл на станцию Комаричи и стал разгружаться. Пути на станции были заняты несколькими эшелонами. Здесь же выгружалась и кавалерия (кажется

Смоленские уланы). Батарея расположилась по старым квартирам.

Так закончилось наше наступление на Брасово — самый северный пункт нашего движения на Москву. Оно было удачно, но силы наши выдохлись. Была ненастная осень, приближалась зима. Наши молодые добровольцы, в большинстве учащаяся молодежь, тяжело переносила тяготы походно-боевой жизни осеннего и зимнего времени. К тому же обмундирование далеко отстало от сезона, в противоположность красным, хорошо по зимнему обмундированным. Нашей сильной стороной было маневрирование — быстрые переходы, обходы, внезапные нападения — все это при плохих дорогах и в ненастную погоду было трудно выполнимым, и здесь начали проявляться особенно сильно преимущества красных.

Наше наступление на Москву осенью 1919 года было ошибкой — переоценили свои силы и возможности. И напрашивается сравнение, масштабы, конечно, совсем другие, с немецким наступлением поздней осенью 1941 г. и с выдвижением 6-й армии ген. Паулюса к Сталинграду в 1942 году.

Н. Н. Р.

ЗАБЫТЫЕ ГЕРОИ

(Генерал Яков Петрович Кульнев. 1763-1812)

Я. П. Кульнев происходил из небогатой дворянской семьи. Окончил Шляхетский кадетский корпус и был выпущен в Черниговский пехотный полк, откуда вскоре переведен в Санкт-Петербургский драгунский полк. Первое боевое крещение Кульнев получил в турецкой войне 1787-1791 г. г., отличившись при взятии крепости Бендер. В 1791 г. Кульнев принимает участие в войне с Польшей в отряде генерала Кнорринга и участвует в боях под Кобриным, Крупчицами и Брест-Литовском. Во время этих боев он часто находится на глазах „самого" А. В. Суворова, а генерал Кнорринг письменно свидетельствует мужество и храбрость Кульнева. За отличие при штурме Праги Кульнев произведен в капитаны. После окончания польской кампании Кульнев писал отцу: „дорого стоит мне кампания, но чем можно оценить те великие уроки, кои я имел счастие получить будучи свидетелем славы бессмертной Суворова". Следует сказать, что Суворов был другом семейства Кульневых, а мать Кульнева была в переписке с великим полководцем. Денис Давыдов, который иногда не совсем одобрительно относился к „безрассудно-храброму" Кульневу писал, что тот боготворил Суворова и всегда старался следовать его указаниям. Знавшие Кульнева высоко ставили его как человека, воина и начальника. Отмечают также, что он легко переносил все труды и лишения походной жизни и боевой обстановки наравне с подчиненными ему солдатами, был строго требователен к себе и другим, беспощаден в бою, но чутко относился к пленным и жителям. Когда он стал уже командиром отдельного отряда — приучал солдат делать „суворовские переходы" и часто ходил в атаку, не взирая на количество врагов: — „ударим с чем Бог послал", говаривал он. Завистники упрекали его в том, что он слепо подражал Суворову, но он считал себя только „робким и слабым подражателем" и учеником. В своих приказах он, не стесняясь, часто ссылался на Суворова.

По окончании польской кампании Кульнев просился о переводе в часть, предназначенную для отправки на персидскую границу, но война закончилась до того, как ему разрешили перевод.

До 1805 г. Кульнев побывал в Сумском гусарском имени ген. Иванова полку и снова вернулся в Сумский полк. Кульневу не пришлось участвовать в походе Суворова в Италию, о чем он всегда вспоминал с сожалением. В 1805 г. Кульнев с Гродненским гусарским полком принимает участие в битве под Аустерлицем, в 1806 г. под Пултуском. Только на 22 году службы 20 апреля 1807 г. Кульнев удостоился производства в подполковники. Передают, что независимый характер и привычка резать в „глаза правду матку" сильно влияла на то, что Кульнева „не замечали".

24 мая 1807 Кульнев с полком сражается в Пруссии. После удачных стычек с неприятелем при Гунштадте и Анкендорфе Кульнев, заметив на противоположном берегу р. Пасарги неприятельский обоз с огневыми припасами в количестве 40 подвод, переправился через реку со своими гусарами и несмотря на подоспевшую французскую кавалерию захватил весь транспорт. Убедившись, что ему не удержаться, он приказал обоз сжечь и благополучно с малыми потерями перебрался на свою сторону. За это дело Кульнев получил Владимира 4 ст. с мечами и бантом. В сражении под Фридландом Кульнев со своими гродненцами, будучи окруженным, врубился в неприятельские ряды и вывел полк из окружения.

Зимою 1807 г., с началом шведской войны Кульнев назначается начальником авангарда в корпусе генерала Буксгевдена. Немногочисленный отряд Кульнева состоял из 4 рот пехоты, 2-х эскадронов гусар, 1 сотни казаков и 2-х легких орудий.

В первой-же встрече с неприятелем при Куй-

ванто отряд Кульнева отбросил шведов. При стычке при сел. Лахтис, кроме солдат было захвачено 6 шведских офицеров. За 17 дней похода Кульнев со своим отрядом, не смотря на стоявшие морозы, прошел около 500 верст, отбрасывая часто втрое сильнейшего противника. Интересно привести выдержку из приказа Кульнева по поводу „суворовских переходов" отряда: „Мы делали с великим Суворовым и не такие переходы и не в такую стужу. Вчерашний марш можно уподобить малым привалам, а стужу — весенним приморозкам". За удачные бои у Сумбе и взятие гор. Якобштадта Кульнев получил золотую саблю при Высочайшем рескрипте. Отряд его увеличился до 3-х бат. пехоты, 4 экс. конницы и 6-ти орудий. После взятия Якобштадта Кульнев познакомился с капитаном купеческого корабля Рунебергом, отцом будущего знаменитого поэта Финляндии.

Обращение Кульнева и солдат его отряда с жителями было настолько необычным в те времена, что о захвате города и пребывании в нем русских, сохранились в семье Рунеберга рассказы, которые нашли отражение в поэме Рунеберга-сына, написанной через 40 лет после события. Кульнев остановился в доме отца поэта, когда мальчику было только 4 года. Вот что пишет в своей поэме „Рассказы прапорщика Столя" Рунеберг:

Ведь вечер только настает,
Так разве вспомнить кой о чем?
Пусть речь о Кульневе пойдет —
Слыхал-ли ты о нем?
Вот впрямь умел всем братом быть,
И умереть, и славно жить.
Он первый — сечь, колоть, рубить,
И первый — лихо пить!
Своим носившим смерть клинком
Он нас глубоко уязвил,
Но также любим доблесть в нем,
Как будто-б наш он был!
Хвала-же Кульневу, любовь,
Легко-ль найти бойцов как он?
Хоть часто пил он нашу кровь —
Таков войны закон."

6 апреля 1808 г. Кульнев атаковал и выбил из Сигайони шведский отряд. Командир шведского отряда, генерал Клингспор ввел в дело целую дивизию. В этом бою Кульнев был контужен ядром в ногу, но остался в строю. Разбить Клингспора не удалось, но все-же он уклонился от продолжения боя и отошел. За это дело Кульнев получил чин полковника. Шведы тем временем получили сильные подкрепления и русским войскам пришлось отступать. Кульнев командовал арьергардом. Весенняя распутица приостановила военные действия. В течение лета Кульнев со своим отрядом участвовал в многочисленных стычках, а осенью в бою при Калайски вторично контужен в ногу и снова остался в строю. За этот бой Кульнев получил чин генерала, а за бой при с. Оровайс, где он проявил выдающуюся личную храбрость и умелое руководство отрядом — орден Св. Георгия 3-й ст.

В кампанию 1809 г. Кульневу поручили руководство отрядом для захвата Аландских островов с тем, чтобы он после похода к островам по льду и взятия их, после получения приказа, должен был идти прямо на Стокгольм.

Отряд Кульнева состоял из 3 Егерского полка, 3-х эск. гусар и 6-ти сотен казаков. Интересен приказ Кульнева перед походом: „Бог с Вами, я перед Вами, князь Багратион за нами. Поход до шведских берегов венчает все труды. Иметь с собою по две чарки водки на человека, кусок мяса и хлеба и 2 гарница овса. Море не страшно тому, кто уповает на Бога". Впервые русская кавалерия шла походом через замерзшее море. Отряд занимал остров за островом при слабом сопротивлении шведов, егеря отряда едва поспевали за конницей. Шведы разбегались при появлении гусар и казаков и ловить их было трудно. Однажды Кульнев приказал построить впереди отряда захваченных пехотой пленных шведов. Гарнизон одного из островов принял своих за русскую пехоту, а от пехоты уйти было труднее благодаря крайне пересеченной местности с заснеженными рвами и оврагами, где в конном строю орудовать было невозможно, и сдался без боя.

В течение 8-ми дней были взяты Аландские острова. Взято 3 тыс. пленных, 30 орудий и 5 военных судов. Кульнев после захвата островов пошел к Гриссегальму и остановился в 2—3-х переходах от Стокгольма. Последовал приказ вернуться на острова, укрепиться в Фребенбью, где отряд Кульнева оставался до конца войны.

За эту кампанию Кульнев получил Анну 1-й ст. и назначен шефом Белгородского гус. полка, находившегося на турецком фронте. Только 5 октября 1810 г. Кульнев прибыл к полку. Вместе с полком он участвовал в переходе через Дунай, в боях при Шумле, Белой, Батине, участвовал во взятии Никополя и блокаде Рущука. Получил за Шумлу аренду на 12 лет по 1000 руб. в год и немедленно отдал ее в приданое дочери своего брата Ивана. За Батин Кульневу пожалована шпага с алмазами при Высочайшем рескрипте.

В 1811 г. Кульнев шеф Гродненского гус. полка. С началом Отечественной войны Кульнев получил назначение в корпус ген. Витгенштейна, защищавшего подступы к Петрограду от французов (корпуса Макдональда и Удино). В арьергарде, которым командовал Кульнев было 2 егерских п-ка, Гродненский гус. п-к, казачий Платова п-к и рота легкой артиллерии. 13 июля Кульнев, переправившись через Двину и Друи, разбил значительный отряд французов, разведал расположение главных сил, захватил большой обоз и, переправившись на занятый русскими берег, приказал сжечь мост.

18 июля, участвуя со своим отрядом в наступлении на корпус Удино, Кульнев взял мызу Якубово, а 19 атаковал и обратил в бегство передовую часть корпуса. Удино ушел за Дриссу. Витгенштейн резрешил Кульневу преследовать Удино, но не переходить реку. Загнав французов на другой берег р. Дриссы, Кульнев не удержался и перешел со своим отрядом реку у своего родного города Люцина (Витебск. губ.). На помощь своим Удино двинул почти весь свой корпус. Пришлось отступать. Французское ядро оторвало Кульневу обе ноги выше колена. Французские кирасиры бросились к упавшему, но Гродненские гусары отбили своего начальника и отбросили неприятеля яростной атакой. Гусары успели вынести из боя своего командира. Слабо повинующимися руками Кульнев начал срывать с себя ордена и сказал окружившим его гусарам: ,,пусть враг не торжествует при виде не генерала, а простого воина, положившего живот свой за отечество". Это были последние его слова.

Прах Кульнева был похоронен в дер. Сивошно при местной церкви. В 1831 г. по повелению Императора Николая I-го прах Кульнева перенесен в с. Ильденберг, Режицкого уез. Витебской губ. В 1833-34 возле могилы сооружен храм, а на месте гибели поставлен памятник. В память Кульнева его имя присовено Клястицкому гус. полку. Станция Межвиды СПБ — Варшавской ж. дор. переменована в Кульнево. Наполеон в своей переписке сравнил Кульнева со своим любимцем — кавалерийским генералом Лассалем и сообщал, что ,,один из лучших генералов русской кавалерии убит".

Знала Кульнева вся русская армия, знал его и народ. После Отечественной войны имя Кульнева вспоминалось рядом с именами Багратиона — ,,князя Петра", Милорадовича ,,Миши", Раевского, Дохтурова, Ермолова, Коновницына, Барклая де Толли и ,,самого" Кутузова.

Кульневу принадлежат слова: ,,Матушка Россия тем хороша, что хоть в одном углу всегда дерутся".

Окружение Кульнева знало о его бескорыстии, о нем говорили, что он роздавал все, что имел. Однажды, чтобы уплатить долги своей матери, он выпросил вместо чина генерал-майора 5.000 рублей.

Сохранились рассказы, что Кульнев часто спал просто на сене, положив в головах свою саблю, но когда было нужно — появлялся ,,весь в серебре".

Брат его — Иван был, что называется неудачником и Кульнев постоянно за него хлопотал и поддерживал. Когда его невеста, в которую он был влюблен, как сам говорил ,,до самой смерти", поставила условием выхода за него замуж — выход в отставку, Кульнев освободил ее от обещания и остался на всю жизнь холостяком.

Перед боем всегда приказывал читать краткую молитву: ,,нет попа, говорил он, управит должность фельдфебель".

В одном письме Кульнев писал: я всегда предпочитал честную смерть бесчестной жизни". Судьба исполнила его желание".

Вл. Туганов.

ДЕНЬ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ В ФИЛАДЕЛЬФИИ

В воскресенье, 7 февр., в церковном доме храма ,,Всех Скорбящих Радосте", в Филадельфии, Приходским Советом был организован День Русской Культуры, прошедший с большим подъемом. Программа праздника была не только разнообразна, не только подходила своим содержанием к этому Дню, но и ее исполнители, — в особенности дети, — предвосхитили все ожидания переполненного зала, что, с своей стороны, обезпечило материальную часть праздника, так как весь сбор с него предназначен на благотворительные цели.

Первым номером программы было исполнение церковным хором ,,Коль Славен", под управлением неутомимой Евгении Филлиповны Белошицкой, создавшей прекрасный музыкальный ансамбль.

Полились торжественные звуки непревзойденной русской мелодии и заслонили собой и хор и всю залу и перенесли нас туда, на широкие просторы неповторимого и незабываемого Отчаго Дома, далекого и одновременно близкого, дорогого измученному сердцу русского скитальца. Тишина... все слушают стоя.

Но вот, ,,Коль Славен" отзвучал и сменился хоровой из опер ,,Нижегородцы", ,,Сторона-ль сторонка", потом зазвучала народная песня ,,Ах ты, ноченька", а затем зал наполнился звуками, тоже народной песни ,,Полянушка". Вспомнилось далекое прошлое; кто вспомнил юность свою, кто прихватил к этим воспоминаниям и зрелый возраст и разорение своего Отечества и длинный, еще не оконченный, путь скитания.

Вслед за хором молодой и талантливый В. К. Литвиненко исполнил на аккордеоне поппури из русских песен и частушек. Это большой артист, что и было оценено громом аплодисментов залы, заставивших его возвратиться на сцену, и еще раз побаловать слушателей своим редким, талантли-

вым исполнением народного творчества — русской песни.

Его сменила маленькая, — 10-ти летняя артистка М. Галах, продекламировавшая стихотворение Е. Вадимова, „Русская культура". Нельзя не отдать должного этому ребенку, родившемуся на чужбине, не видевшему России, но с чувством передавшего содержание стиха; бурные аплодисменты наградили ее по заслуге. Началась, как бы, официальная часть праздника.

На трибуну поднялся старый общественный деятель, адвокат былой России Евгений Игнатьевич Камаревич.

В сжатой, но весьма содержательной речи, докладчик, начав с истоков русской культуры, — с Владимира Святого, — подошол к дням русских страстей, к дням порабощения русской культуры у нас на Родине. Он сказал, что с времен нашего изгнания, русская эмиграция является носителем и распространителем во всем мире этой богатейшей и непревзойденной ценности, созданной русским народом.

— „Мы часто не сознаем и совершенно превратно толкуем русскую культуру, смешивая ее с окружающей нас цивилизацией. Живя, после советских условий, в приличных квартирах, в домах, разъезжая в новых машинах, пользуясь другими благами западной цивилизации, — говорил докладчик, — мы становимся равнодушными к тому невесомому богатству, которое создал на протяжении веков наш великий русский народ, попавший в страшную кабалу и несущий на себе возмездие за грехи и преступления перед Родиной, своих отцов и дедов, ведущие представители которых, привели нашу страну на край гибели и сделали из нее чудище страшное, стозевное.

— „Празднуя сегодня свой национальный праздник, мы празднуем величие русского народа, который, как никто в мире, отличился радушием и сердечностью, который создал нравственные устои семьи, уютный и ласкающий быт, правый и безпристрасный суд, непревзойденную литературу, богатейшие искусство и театр, сказочный балет, дивную музыку, неподражаемые песни, а также великую и всестороннюю науку, во всех ее разветлениях.

— „Все это, в общих чертах сказанное, является порукой тому, что русский народ еще не сказал своего последнего слова... Мы знаем, что Россия возродится на путях религиозного очищения и самобытного творчества... Старшее поколение русских людей виновно перед Родиной. Оно мало ее любило, а потому и потеряло ее... Поэтому наше крушение есть прежде всего духовное крушение. Оставим глупцам и злостным нашим врагам разговоры о „завоеваниях" революции. Мы должны хорошо помнить то, что вздыхающий о ничтожном, —сам ничтожен, а поклоняющийся пустоте, — сам пуст... Будем же верны идеалам Святой Руси, — закончил докладчик, — как им был верен наш великий национальный авторитет, чтимый теперь, как святыня нашей культуры и, в заключение вспомним его строки, воспевающие его чудную веру:

Два чувства дивно близки нам,
В них обретает сердце пищу,
Любовь к родному пепелищу,
Любовь к отечества гробам.

— „Пушкин, — это знамение будущей России", — закончил Евгений Игнатьевич Комаревич свой прочувственный доклад, награжденный долгими аплодисментами присутствующих на празднике.

После перерыва продолжалась вторая часть музыкально-вокальной программы, первым номером которой прошел отрывок из „Демона", Лермонтова; Танюша Кекина (в роли Тамары) и г. В. Кирей, (в роли Демона) прекрасно провели свои роли, получив заслуженную благодарность присутствовавших.

На сцене появилась вновь 10-ти летняя М. Галах и усладила слух зрителей двумя декламациями: стих. Н. В. Гоголя, „Днепр", и стих. Е. Антоновой, „Родина". Обе декламации очень тяжелы в исполнении. Но и здесь, этот стебелек будущей России, а ныне — русского зарубежья, получил заслуженные аплодисменты. Радовались успеху девочки. Это будущая национальная Россия, родившаяся в зарубежьи.

Г. В. Кирей великолепно провел монолог из „Мцыри" Лермонтова. Юная балерина, Ирина Михайленко, с большим мастерством исполнила танец из балета „Шелкунчик". Ей всего 13 лет. Можно сказать с уверенностью, что она — будущая звезда балета. Бог ей в помощь. Диана Кузьмина, — 11-ти летний виртуоз, — в соло на пианино показала технику, завидную для взрослого и оттенила все моменты своего исполнения. Гром аплодисментов наградил вундеркинда.

Самая „взрослая" из всех артистов, 6-ти летняя Т. Галах, продекламировала стих. Курман, „Соловей" и на бис, стих. „Медведь". Нет слов, чтобы охарактеризовать декламацию этой крошки. Скажу, что после последней строчки стих. „Медведь", когда она с чувством произнесла, как медведь, проснувшись весной застегнул свой ремешок на последнюю дырку, зал буквально взорвался. Маленькая артистка, растянув свой кринолин, поклонилась и выпорхнула со сцены.

Последним номером программы был водевиль А. Чехова „Злоумышленник" с В. Кирей в роли следователя и М. Малышкиным в роли „злоумышленника". Исполнители доставили публике истинное удовольствие, в особенности „злоумышленник", явивший собой ушедшего в область предания былого русского крестьянина, как по обличку, так и по своей психологии; следователь, — не в пример СССР, — не был для него пугалом, — наоборот, он вступил с ним даже в пререкания.

Последние аплодисменты и все, наполнившие зрительный зал, разошлись „шумною толпою" по комнатам приходского дома. В дешевом буфете сестричества утоляли голод и жажду, в курилке — курили, а в танцевальном зале, куда спешила молодеж, полились звуки музыки.

Сколько еще будет таких праздников в зарубежьи? Уходит в лучший мир старая зарубежная Русь. И, кажется, что ея последние могикане остаются без смены, которая могла бы продолжать их миссию проповеди словом и делом, Русской Культуры за рубежом.

Но... это только кажется. И перестает казаться, когда видишь перед собой всех этих мальчиков и девочек и юношей — поющих, танцующих, декламирующих, вызывающих гром аплодисментов своими талантами. И видя это, верим что на смену нам, уходящим в землю, оттуда уже пробиваются молодые побеги, чтобы достойно продолжить нашу миссию и стать часовыми на подступах к национальной России. Их воспитательницы, — их матери — русские женщины, блюдут и сохраняют в них русские души для будущего русского тела, — для будущей Национальной России. Мы — Русские, с нами Бог!

Н. Сигида

Филадельфия, 8 февр. 1960 г.

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

Многоуважаемый Александр Константинович,

прошу не отказать в любезности поместить в Вашем журнале мой ответ г. Новикову на его замечания по поводу моих писем о. Георгию Граббе.

Письмо г-на Новикова помещенное в журнале „Перекличка" ном. 101, в котором он оспаривает некоторые мои мысли, высказанные в моих письмах к о. Георгию Граббе („Перекличка" 96-97 и 100), как и вообще все, что он пишет, очень интересно. Но написано оно... не на тему.

Господин Новиков проводит идею введения на богослужении в храмах русского языка вместо церковно-славянского.

Я же в обоих моих письмах о. Георгию Граббе протестовал против введения английского и всякого иного иностранного языка на богослужении в храмах Русской Зарубежной Церкви, но не русского языка; введение которого на церковных службах, конечно, „не имеет никаких, ни канонических, ни догматических препятствий".

По поводу же его разсуждений относительно моего выражения — „родной язык" можно сказать, что как не спорят о вкусах, так нельзя спорить и о чувствах. Чувства индивидуальны и их ничем нельзя измерить. Слово „родной" определяет чувство. Этим словом мы называем все, что вызывает в нас чувство любви (за исключением трафаретного обращения в письмах). Обычно эти чувства связаны с воспоминаниями детства — со всем тем, к чему мы привыкли, сроднились, что нам дорого по воспоминаниям о нашем доме наших близких, о родине и ее природе. Мы говорим — „родные березки", родные поля и леса" и т. д.

И вот, церковно-славянский язык, так же как и русский, хотя я на нем и не думаю, мне родной. Я с детства привык слышать его в церкви, которая также для меня родная и где я действительно чувствую себя дома. Я думаю, что я не исключение и так чувствуют многие. И если г. Новиков этого чувства не имеет, то с моей точки зрения он многого лишен.

И я не могу с ним согласиться, что только люди старого поколения были в общении с этим языком. Это общение и в наше время имеют все поколения на церковных службах в наших храмах.

В другом месте г. Новиков пишет: „При современном трагическом положении судеб русского народа, миссионерство и прозелитизм нужны прежде всего в среде самих русских заграничных людей и еще больше оно будет нужно на нашей поруганной Родине, когда падут цепи, сковывающие всякое движение духа. И здесь неизбежно возникнет вопрос: на каком языке приобщить к Богу новых прозелитов"?

Очень хорошо! Во втором своем письме к о. Георгию Граббе („Перекличка" № 100) я также писал, что: „отступление и отпадение своих русских- уже происходит и становится серьезной проблемой". Так что, говоря о миссионерстве среди русских заграницей, г. Новиков, как говорится, ломится в открытые двери. Относительно миссионерства среди русских людей в освобожденной России спорить не приходится. Конечно та проповедь должна вестись на русскому языке, как это было и раньше.

Но я не разделяю опасения г-на Новикова, которое звучит в его словах, когда он пишет: „И вот, когда этот проповедник преодолев все эти трудности (связанные с проповедью среди нерелигиозного населения Советской Росссии И. Л.) впервые введет своего неофита в храм, сможет ли храм поддержать зажженные настроения, если обратится к этому неофиту на непонятном ему языке".

Во-первых, я не могу согласиться, что этот язык ему будет совсем непонятен.

Во-вторых, надо сказать, что только наши интеллигенты посещают храмы и судят о них в за-

висимости от настроения, которое они в них получают. Вера в народе, когда она проявляется, основывается на более глубоких основаниях, а не только на поверхностных и колеблющихся настроениях, как это наблюдаем мы у нашей безпочвенной интеллигенции.

И эти основания, выкованные веками страданий и борьбы народа, подсознательно живут в каждом русском человеке. И можно думать, что вызванные к жизни в его сознании они на церковных службах скорей будут согласовываться (ассоциироваться) с церковно-славянским языком, нежели с русским.

И вот, поэтому можно сказать, что если испанский король Филлип II, как пишет г. Новиков, молился на испанском языке (мессу то он все же слушал на латинском языке И. Л.), то русский человек молясь дома на русском языке, в церкви предподчтет служение на церковно-славянском. В подтверждение этого имеются и примеры из жизни. Во время 2-ой Мировой войны, на захваченной немцами русской территории были открыты уцелевшие храмы. В 1943 году весной был открыт храм и в местечке Хрущин, Каменец-Подольской губернии около Волочиска. Кроме 30 семейств великороссов остальное население этого местечка было малороссийское или, как теперь говорят, украинское. Назначенный туда священник первую свою обедню в этом храме начал служить поэтому по украински. Но когда он начал читать евангелие, к нему подошел один из молящихся и тихо сказал: „читайте батюшка по славянски". Священник перешел на церковно-славянский язык, на котором и стал служить все службы. Если г-ну Новикову угодно я могу его познакомить с этим священником, который в настоящее время живет в Нью-Йорке.

Правда, с тех пор прошло около двадцати лет и г. Новиков может сказать, что теперь это не повторится, т. к. вымерли поколения, помнившие службы на церковно-славянском языке.

Но я должен сказать г-ну Новикову, что в Советском Союзе и по сию пору в церквах служат на том же церковно-славянском языке.

„Переросшая саму себя традиция", как называет г. Новиков служение на церковно-славянском языке, оказывается, еще жива не только у нас, но и в СССР.

И тут вполне уместно закончить прения по этому вопросу утверждением благотворного и воспитательного значения в народной жизни старых традиций.

Недаром говорят, что „народ без традиции — народ без будущего".

В наше же время разрушения духовных ценностей все мы должны крепко ухватиться и держаться за старые традиции (даже если оне нам кажутся лишними). Оне, как обломки разбитого бурей корабля, могут помочь нам удержаться на поверхности среди взбаломученного моря событий современности и спастись от окончательной гибели.

И. Ланской

ОТМЕЖЕВАНИЕ

Резолюция Конгресса США о „Плененных Нациях" есть закон („закон 86-90"), который определяет обязательную, как для настоящего, так и для будущих правительств США политику в „русском вопросе". Закон этот ясно говорит, что цель этой политики — освобождение от „русского" коммунизма народов им порабощенных и перечисляет эти народы: украинский, идель-уральский, белорусский, казакийский и др., не упоминая народа русского — великороссов. Как говорит Закон, народы эти после освобождения образуют независимые государства, ибо они, по словам Закона, к этому стремятся, а также стремятся к водительству США.

Назвать этот закон (резолюцию) иначе как расчленительским нельзя.

Через пол года после принятия этого закона „Представительство российских эмигрантов в Америке" в опубликованном в газетах, письме инициатору этого закона сенатору Томасу ДОДД „горячо приветствуе" этот закон от имени российской эмиграции и просит только внести в список, подлежащих освобождению от „русского" коммунизма, также и русский народ, т. е. великороссов.

Не входя в рассмотрение мотивом этого „горячего приветствия" явно расчленительского закона, мы от этого приветствия категорически отмежевываемся, оспаривая одновременно право Представительства выступать от имени всей российской эмиграции.

Как представители народов (украинского, белорусского, мусульманских і угро-финских), подлежащих освобождению от „русского" коммунизма, мы заявляем, что наши народы в подавляющем большинстве вовсе не желают отделиться от России, а только жаждут освободиться от коммунизма — не „русского" (которого не существует), а от коммунизма интернационального.

По нашему глубокому убеждению, этот закон-резолюция коммунизм не только не ослабит, а усилит, толкнувши на поддержку коммунистической власти даже антикоммунистов, когда встанет вопрос о сохранении единства общего государства. Народы многонационального СССР-России ценят единство своего государства не меньше чем

разноплеменное население США ценит единство своего государства и готово за это единство бороться.

Обойти молчанием это „горячее приветствие" мы не могли, ибо это бы было молчаливым согласием. Верим, что с нами единомышленна и вся общероссийская эмиграция.

Блок Националов — Народов России

В РЕДАКЦИЮ ПРИСЛАНА ДЛЯ ОТЗЫВА БРОШЮРА „ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТКА О ВИЛЕНСКОМ ВОЕННОМ УЧИЛИЩЕ" Ген. П. Махрова. Брошюра отпечатана на ротаторе и содержит 54 страницы. Прекрасно написана и помимо исчерпывающей истории Виленского Военного училища дает много сведений и о других военных училищах и академиях. Цена „Памятки" — 1 дол. С заказами обращатся непосредственно к автору. Адрес:

Mr. P. Makhroff,
11, rue du Commandant Andre, 11
Cannes (A. M.), France.

„ЧЕРНЫЙ КАПИТАН"

В редакцию прислана для отзыва книга „ЧЕРНЫЙ КАПИТАН", сочинение известного следопыта и охотника на тигров Манчжурии бывшего заамурца полковника Николая Аполлоновича БАЙКОВА. Это быль-роман из жизни заамурцев по охране Кит. Вост. жел. дор. 1901-10 гг. Автор умер в 1958 г. в Брисбане — Австралия. Жена и дочь (последняя пол года лежит в санатории) автора нуждаются в средствах и обременены долгом из-за болезни и смерти его. Покупкой книги им надо помочь.

Книга хорошо издана и очень интересна по содержанию.

Цена книги — 2 дол. 90 ц. с пересылкой. С заказом обращаться в редакцию Переклички.

Редакция

М. КАРАТЕЕВ

ЯРЛЫК ВЕЛИКОГО ХАНА

Исторический роман из эпохи XIV века

Цена 3 д. 85 ц. без пересылки.

А. БАЛАКЛИЦКИЙ
РУССКИЙ ГАСТРОНОМИЧЕСКИЙ МАГАЗИН.
3425 BROADWAY между 139 и 140 ул.
Tel.: AU 3-0690.
ВСЕГДА ЛУЧШЕЕ И СВЕЖЕЕ.

НОВАЯ КНИГА!

„НЕИЗВРАЩЕННАЯ ИСТОРИЯ УКРАИНЫ-РУСИ"
А. ДИКОГО

Закончена печатанием и с 15-го Января поступит в продажу. Книга содержит 416 стр., снабжена многими картами и рисунками. Цена — 5 дол. (пересылка 50 ц.).

Книгу можно получить или выписать по адресу редакции Переклички.

„Неизвращенная история Украины-Руси" дает правдивую картину прошлого части России — Малороссии-Украины и документально опровергает сепаратистическую пропаганду о „порабощении и угнетении" Украины великороссами.

„Ладонка" ждет
Вашей подписки!

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ
ВОЗРОЖДЕНИЕ"

является журналом литературно-политическим. В этом журнале помещаются статьи касающияся вопросов военно-исторических и статьи технические в популярной форме. Каждый месячный выпуск посвящается лицу или событию представляющему интересъ для людей не потерявших свою „Русскость".

Стоимость „Возрождения" на год 10 долларов, на пол года 5 долларов и 50 центов, отдельные номера один доллар.

Выписывать журнал можно через П. Е. Стогова.

Адрес для заказов:
P. Stogoff, 89-30 164 St. Jamaica 32,
Long Island, N. Y.

Редакция принимает заказы на всевозможные типографские работы.

Цены вне конкуренции.

Адрес редакции:
A. PAVLOV, 423 W. 118 St., apt. 35.
New York 27, N. Y.
Tel.: MO 6-3886.

Printed in U. S. A.

И только Ты, бездомный воин,
Причастник русского стыда,
Был мертвой Родины достоин
В те недостойные года.

И. Савин.

Цена этого номера в С. А. Ш. 30 центов.

Monthly Russian Magazine of the Veterans of the Armies of Gen. Denikin and Gen. Wrangel and of the First World War.

ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
ИНФОРМАЦИИ И СВЯЗИ БЕЛОГО ЛАГЕРЯ РОССИЙСКОЙ ЭМИГРАЦИИ

1-ый год издания. **№ 6 (106)** **Июль 1960 г.**

4 (17) Июля 1918 г. Русский народ и Российская Императорская Армия допустили совершиться тягчайшему в истории преступлению — убийству Царской Семьи интернациональными силами разрушения Российской Империи.

Храм св. Праведного Иова Многострадального в Брюсселе в Память Царя-Мученика НИКОЛАЯ II-го, Царской Семьи и всех в смуте пострадавших.

Этот храм—это свеча от всего Зарубежья за Всероссийского Царя-Мученика, за Царскую Семью и за всех пострадавших в годы нашего Лихолетия. В нем ежедневно возносится за них молитва. Храм этот духовно объединяет всех преданных памяти Царя-Мученика и верных нашему страждущему Отечеству и является символическим надгробным памятником Царской Семьи и всех с Нею и за Нее пострадавших. Таким он останется пока по милости Божией не будет от лица всего Русского Народа воздвигнут величественный храм над грозной Екатеринбургской шахтою.

Архиепископ Иоанн.

Храм нуждается в очередном ремонте и в поддержании благолепия, необходимы также средства и для ремонта церковного дома и для оказания помощи нуждающимся от имени храма — просьба к православным и чтущим память Государя прийти на помощь посильными пожертвованиями, которые можно направлять в адрес редекции.

Список жертвователей будет опубликован на страницах журнала.

Ред. А. Павлов

Лейб-Гвардии Конно-Гренадерский полк. Г. г. офицеры во главе с Государем и Государыней по случаю 200-летия полка.

Н. Потоцкий

КОМПЛЕКС СТРАХА

В нашу эпоху возник в психологии термин, который в иностранных языках выражается всего двумя словами (по французски "Complexe d"infériorité"), но который по русски приходится выразить более пространно, определяя его как такое душевное состояние человека, когда последний, находясь в обществе лиц приблизительно одного с ним социального уровня, чувствует себя в то же время в некоторых, во многих или даже во всех отношениях ,ниже их в интеллектуальном, моральном или физическом отношении, менее их культурным, хуже их воспитанным и т. д.

Нетрудно видеть, что главным составным элементом этого комплекса является чувство *страха*, опасение того, что эти окружающие его ближние в один прекрасный момент ,,раскусят" эту духовную или физическую неполноценность этого индивидума, ясно увидят его дефекты и слабости, перестанут его уважать или бояться и, в случае необходимости, сделают из своего открытия чисто практические выводы и либо поставят его на место, либо вообще выбросят из своей среды, даже если бы для этого им пришлось употребить силу.. И если это ощущение страха достигнет у этой личности высокого напряжения, то оно уже само превратится в целый комплекс и будет определять собою все поведение человека с чрезвычайно большой опасностью для него самого, ибо, руководясь гипертрофированным инстинктом самосохранения, может толкнуть его на рискованные и даже гибельные для него шаги и предприятия.

С риском, что моя мысль покажется многим парадоксальной, я скажу, что по моему твердому убеждению, в настоящее время таким комплексом страдает кремлевская правящая верхушка и в первую голову Хрущев, как становящийся все более и более непререкаемым диктатором нашей несчастной страны, осужденной еще и на это испытание за великий грех измены своему державному историческому пути. Думаю однако, что при максимально трезвом анализе событий последнего времени эта мысль покажется гораздо менее парадоксальной и гораздо более правдоподобной и объясняющей очень и очень многое, что на первый взгляд кажется либо совсем непонятным, либо совершенно несущественным..

Попробуем проделать этот анализ.

Каковы те главные, неизменные и упорно повторяемые требования, которые Хрущев, как глава мирового коммунизма, и неустанно и настойчиво высказывает правителям ведущих государств свободного мира?

Во-первых, полная ликвидация 86 американских авиационных баз, широким поясом окружающих территорию СССР и его сателлитов, баз, имеющих на вооружении последние типы стратегических бомбардировщиков дальнего действия, способных сбросить атомные и водородные бомбы на любой пункт территории Советского Союза.

Во-вторых, во всех переговорах о разоружении главнейшим требованием Хрущева или его подголосков является ликвидация прежде всего этих же атомных и водородных орудий разрушения и, следовательно, возвращение к чисто „классическим" видам вооружения.

В третьих—горячие протесты против вооружения Западной Германии вообще и против придания ее вооруженным силам термоядерных оружий в особенности, и настойчивые требования ее нейтрализации, другими словами, полного уничтожения 55 кадровых западно-германских дивизий, составляющих ныне в сущности основное и чрезвычайно грозное для большевиков ядро вооруженных сил Атлантического Пакта.

Чрезвычайно важно обратить наше внимание еще и на тот, многими недооцениваемый факт как, уже в течение нескольких лет советская дипломатия стремится *выиграть время* — от одной конференции до другой, от одной поездки Хрущева до следующей и вот теперь выиграно еще 6 или 8 месяцев от провалившейся „вершинной" конференции до следующей, если конечно, последняя состоится, что находится под большим сомнением.

Спросим же себя, ЧТО лежит в основе всех этих требований и оттяжек?

СТРАХ И ТОЛКО СТРАХ.

Страх перед тем, что в один прекрасный момент, вопреки всем миролюбивым заявлениям руководителей внешней политики свободного мира, превентивная война станет для последних единственным выходом из положения, и все советские военные и военно-промышленные центры в течение двух-трех часов будут снесены с лица земли и даже под землею не только тем оружием Пентагона, о котором Кремль знает, но и таким, о котором он подозревает. И разве не обоснован этот страх тем, что эпизод 1-го мая с американским разведывательным аппаратом У-2 ясно показал советскому командованию, что (наряду вероятно и с предыдущими, но замолчанными открытиями в этой области) американская авиация уже давно и безпрепятственно летала над всей территорией СССР и что, следовательно, вся эта территория уязвима и беззащитна от внезапного нападения? Страх перед тем, что отныне, с появлением „Мидаса", способного предупредить Пентагон о вылете советских бомбардировщиков в направлении САСШ за полчаса до достижения ими своих объектов поражения, такое же внезапное нападение на Америку для красного командования стало невозможным. Страх перед тем, что еще два-три года, и западно-германская армия достигнет такой мощи количественно и качественно, что затаенная мечта Конева о церемониальном марше на Европу по стопам Гитлера станет (если не является уже и теперь) маниловской иллюзией.

Поставим себя теперь на место Хрущева и спросим, что же должен делать он и его сотрудники в данном положении? Как отвратить эту опасность?

Атаковать самим? — но грозный призрак „Мидаса" подсказывает весь возможный риск такой атаки и следовательно полный крах всего, с потерей собственной шкуры.

Ждать нападения в надежде, что оно окажется не столь катастрофическим, а в то же время народ пойдет под знамена Третьей Отечественной Войны? — А что если вожди свободного мира поддадутся внушениям белой русской эмиграции, поймут, что в лице русского народа они получают наилучшего союзника, если дадут ему своевременные гарантии, что идут не расчленять Россию, а освобождать ее от красного спрута, и поставят на первом месте идею подлинного крестового похода, как единственного средства своего собственного спасения? Невозможное сейчас станет возможным завтра! И кто же будет защищать „нашу родную"? Разве забыт призрак Власова и РОА? Кремлевские владыки не так глупы, чтобы строить свою политику на подобных зыбких иллюзиях

Что же остается? — Ждать, ждать и ждать, чтобы выиграть время. Для чего? — Чтобы укрепиться самим и сравняться в военной мощи с НАТО. Ибо, по моему твердому убеждению, в области своих военно-технических вооружений и достижений Кремль блеффирует на очень большой процент, играя на легковерии западного мира и пользуясь в этом отношении помощью коммунистической и прогрессистской пропаганды в западных государствах, ежедневно кричащей о непревзойденной военной мощи красного блока. Именно тот страх, который лежит в основе советской политики, лучше всего доказывает, что коммунистические владыки знают, что их военная мощь во многом слабее таковой же мощи САСШ и их союзников. Значит надо догонять и перегонять, а для этого нужно время.

Его нужно выиграть и для того, чтобы как можно основательнее внедрить в сознание русских масс мысль о том, что капиталистический мир готовит нападение на нашу Родину и ее расчленение, что нужно будет снова защищать родную землю и навсегда уничтожить „захватчиков"...

Нужны оттяжки и для того, чтобы хоть сколько-нибудь улучшить материальное положение подъяремных масс, дать им немножко больше масла и сала, показать им, что партия действительно заботится о народных нуждах, а главное, стоит на страже интересов и единства страны.

Время нужно и для того, чтобы всеми возможными средствами ослабить стан врага. Подорвать его солидарность, оторвать Англию от Америки, де Голля от Аденауэра. Создать максимум ослож-

нений и трудностей и во внешней, и во внутренней политике западных государств. Не удалась Гватемала, удастся Куба, как бастион коммунизма у самых берегов САСШ ... Поддерживать алжирских повстанцев, чтобы полумиллионная французская армия была связана по рукам и ногам в Алжире ... При помощи Торресов и Тольяти создавать очаги социальной смуты во Франции и в Италии, волны забастовок,, приступы ,,классовой борьбы" ... Занять прочные позиции в новообразуемых самостоятельных африканских республиках ... Вооружить до зубов Китай и с его помощью окончательно завладеть всей Азией ... Оторвать Японию от САСШ ... И наконец, самое, быть может, главное, — напрячь все пропагандные усилия, чтобы внушить западному миру идею о безусловном миролюбии Кремля, о его искреннейшем желании мирного сосуществования и культурного обмена, мирного экономического соревнования двух систем. Не это ли было главной целью всех поездок Хрущева на Запад? Не об этом ли на все лады кричит советское радио и советская печать, а за ними и вся продавшаяся коммунизму ,,прогрессистская" пресса Запада?

Но ... бывает и на старуху проруха. И теперь уже нет сомнения, что в связи с эпизодом с У-2 и с конференцией ,,на вершине" Хрущев потерпел чрезвычайно сильное и чреватое последствиями — и даже, быть может, лично для него — поражение.

Все шло так хорошо! Во всех странах его принимали радушно, искренне жали ему руку, чистосердечно улыбались в ответ на улыбки дорогих Никиты Сергеевича и Нины Петровны. Искренне готовы были поверить в его миролюбие и в то, что наконец-таки парижская встреча мировых людей приведет к подлинному миру и отгонит навсегда кошмар новой войны.

Но на этой дорожке Хрущев поскользнулся и сорвался. Он знал, что решат дело не эти наивные массы или его платные благожелатели и лакеи. И он знал также, что в основных вопросах международной политики вожди САСШ, Франции и Великобритании остаются на прежних незыблемых позициях: разоружение при одновременном и действительном контроле, воссоединение Германии на основе свободных выборов в обеих ее частях и только тогда решение вопроса о ликвидации американских военных баз и о политической и военной ориентации воссоединенной Германии. Зная это, Хрущев отлично понял, что с вершинной конференции он уедет, потерпев на ней полное поражение и понесет огромную потерю своему престижу в глазах собственных подданных. Глупо было бы с его стороны идти на этот риск. Гораздо целесообразней было самому взорвать эту конференцию и во всем обвинить САСШ. Для этого и был использован эпизод с У-2. Конференция была сорвана, но зато и все планы Хрущева по разделению и ослаблению Западного мира провалились. Солидарность государств последнего за последние два месяца укрепилась чрезвычайно. Де Голль остается попрежнему верным другом и союзником Аденауэра. Даже податливого МакМиллана не удалось побудить занять в вопросе о Берлине и Германии позицию, идущую вразрез с позицией остальных вождей НАТО. Германия будет продолжать формировать новые дивизии. О ликвидации американских баз не может быть и речи. А самое главное, что вожди Западного Мира, одушевленные доныне искренним желанием установления мирных и даже дружественных отношений между Западом и Востоком, начинают окончательно понимать, что с Хрущевым ,,каши не сваришь", что он просто зазнавшийся хам и коммунист до мозга костей, ни на иоту не отрекшийся от своего намерения ,,похоронить капиталистический мир", что подлинно искренние и дружественные отношения с ним невозможны, что от этой иллюзии нужно окончательно отказаться... Истерические пресс-конференции Хрущева и его площадные ругательства только ухудшают его репутацию, и даже демократическая партия САСШ заявила о своей полной солидарности с Айзенхауэром и возмущена оскорбительными выпадами Хрущева по адресу своего президента. Де-Голль открыто отшлепал Хрущева, заявив в своей речи по радио, что лучше было бы ему сидеть дома до урегулирования инцидента с У-2, чем ехать в Париж, чтобы там сорвать конференцию.

В свете всего вышесказанного создаются предпосылки для нового курса политики свободного мира, которые можно расценивать с весьма обоснованным оптимизмом. А именно:

Весьма серьезные французские газеты уже пишут о том, что ,,вершинная" конференция вообще не состоится и что международные отношения пойдут по старым путям классической дипломатии. Другими словами, ни у кого из возглавителей западного блока встречаться с Хрущевым охоты больше нет. Следовательно они приходят к пониманию безплодности таких ветреч. Но из этого следует и то, что они перестают верить в миролюбные намерения Кремля. Отсюда один шаг до вывода, что пока в этом Кремле сидит Хрущев и послушная ему клика, не может быть никакой надежды на установление прочного и честного мира во всем мире, на возможность действительного разоружения и употребления освобождающихся при этом материальных рессурсов на цели мирного прогресса, на уменьшение давления налогового пресса, подходящего к пределу невыносимости для обивателя, и вообще на установление во всем мире спокойной, сытой и счастливой жизни без всякого страха за завтрашний день и за судьбу наших детей и внуков. Ясно, что все это неосуществимо, пока Россией правят фанатики коммунизма, твердой души прохвосты, мировые подонки без чести и совести, без Бога в душе. Не вырастет ли из зерна этого понимания жестокой, но со-

вершенно реальной действительности неумолимый, но диктуемый здоровым инстинктом самосохранениия вывод не лучше ли, не пора ли покончить с этим очагом мировой заразы, с этим источником ядовитых эманаций, отравляющим жизнь всего земного шара, с этой постоянной угрозой порабощения свободных народов властью зла на веки веков? Не разумнее ли покончить с этим Злом одним решительным ударом? Печально идти на новые жертвы, но разве эти жертвы не будут в миллион раз больше и ужаснее, если это Зло будет еще десятилетиями отравлять нашу жизнь, губить едва ли не каждый день тысячи несчастных людей, отравленных этим злом, и такие же тысячи честных борцов против него то в одном, то в другом пункте земного шара, и угрожать превратить в конце концов наших потомков в обезбоженное стадо скотов и рабов этой сатанинской силы? Не настал ли момент противопоставить комплексу страха комплекс доблести и чести, подняв священное знамя борьбы за светлое будущее всего человечества, за торжество подлинно христианской цивилизации, за окончательную победу над Злом?

Отсюда ясен и долг российской национальной эмиграции. Она обязана с презрением отбросить лживые и столь поразительно совпадающие с интересами одержимых комплексом страха кремлевских владык внушения некоторых эмигрантских „учителей" и „пророков", столь горячо взывающих к нам: никакой войны! — она погубит всю нашу страну; никакой революции! — она вызовет чудовищную анархию на просторах нашей Родины. В России уже настала эпоха термидора, — еще немного и все образуется там, ибо власть уже идет на неслыханные уступки и завтра пойдет на еще большие, ибо на нее давит народ. Преступно сжигать весь сарай для того, чтобы сжечь живущих в нем крыс! Будем помогать нашему народу, но помогать только *идейно!*

Все это вздор, фальсификация и дезинформация! *В самом главном* власть ни на какие уступки не идет: ни в области борьбы с религией, ни в области коллективизации, как основы коммунистической экономики, ни в стремлении к своей конечной цели, мировой революции. Нет абсолютно ни одного сколько-нибудь реального доказательства „давления" народных масс на власть. При современных достижениях военной техники в области точности поражения термоядерным оружием можно быстро и радикально выжечь крысиные гнезда без того, чтобы пострадало население страны. И жители сарая могут сами сделать это в тот момент, когда узнают, что на помощь им идут их братья, несущие им свободу и возможность построить на месте сарая и тюрьмы Новый Русский Дом и сделать их своими друзьями и союзниками навеки, чтобы в дружном сотрудничестве устроить жизнь всего мира на базе Божьей Правды, Правды-Истины, Правды-Справедливости.

УСЛЫШИ, БОЖЕ!

(По случаю сооружения Иоанно-Предтеченской церкви в Вашингтоне, Д. С.)

Все шире в мире бездорожье.
Еще суровей смотрит рок...
Но помоги нам грешным, Боже,
Святой достроить уголок.

Да будет нам всего дороже
Чертог благословенный Твой!
Пусть в нашей жизни непогожей
Его сияет крест святой!

Пусть вера действенно-живая
Путь нашей жизни озарит
И, как лампада храмовая,
Пред алтарем сердец горит.

Услыши, Боже, в райском лоне,
Моление Твоих сынов...
Да вознесется в Вашингтоне
Святого храма светлый кров!..

Порфирий Юшкин-Котлобанский.

А если в западном мире до такого сознания дошли еще не многие, то наш долг сделать все возможное, чтобы внушить его всем, указывая им на их собственные интересы, но внушая им одновременно, что Русский народ ждет от них проявлений подлинной дружбы, подлинного братства и подлинно-христианской любви.

Задача огромна? Безмерно трудна? Требует исключительного напряжения наших сил и средств? — Конечно! Но разве сознание этих трудностей должно парализовать нашу волю для ее решения? Если какие-то Вишняки, Абрамовичи,, Керенские и Добрянские могут с успехом внушать своим наивным, доверчивым и невежественным в русском вопросе патронам гнилые и ненавистнические идеи, в основе которых лежит фанатизм, клевета на русское прошлое, ложь об „ужасном царском режиме", о „тюрьме народов", о единосущии российского и советского империализма, о порабощении великороссами всех остальных народностей России, то неужели мы, русские патриоты, не найдем в себе мужества довести до максимума нашу жертвенность и мобилизовать все наши духовные и материальные рассурсы, чтобы еще с большим успехом бросить в массы народов свободного мира наш братский клич: спасите себя, своих детей и свою свободу, пока еще не поздно! Потребуйте от своих вождей немедленного и полного отграничения Добра и Зла и безпощадного уничтожения последнего! Используйте комплекс страха нахального, но трусливого врага!

ПОКА ЕЩЕ НЕ ПОЗДНО!

Г. Потоцкий

ЕЩЕ О МАРШАЛЕ М. Н. ТУХАЧЕВСКОМ

Последний раз Тухачевского видели на первомайском параде 37-го года. Перед военными наблюдателями всего мира демонстрировалось творение военно-организационного гения Тухачевского во всем своем парадном блеске — Красная Армия.

Легендарный творец ее и герой — Тухачевский, уже отсутствуя и, возможно, предчувствуя свой трагический конец, присутствовал на этом последнем в его жизни параде. По словам свидетелей, он ни с кем не разговаривал, держался обособленно и, не дождавшись конца парада, удалился. Через несколько дней была опубликована отмена приказа о его поездке в Лондон на коронационные торжества и новый приказ о назначении его командующим войсками Приволжского военного округа. До отъезда к месту нового назначения жил в Москве, никого не принимал и ни с кем не встречался. Для отъезда к месту службы он затребовал для себя отдельный вагон, что полагалось ему по положению. При нем состоял вновь назначенный ему адъютант. Вагон был прицеплен к составу скорого поезда Москва-Саратов. Часа через два пути на одной из захолустных станций поезд был остановлен и вагон со спящим Тухачевским был отцеплен от состава и окружен ротой войск НКВД.

Тухачевский был арестован и специально присланным паровозом вагон с Тухачевским был доставлен в Москву. По некоторым сведениям при аресте он оказал сопротивление и был ранен, но все же доставлен в Кремль, где при последнем разговоре со Сталиным он, якобы, выкрикнул ему, что умирает за то, что поверил коммунизму. Был отправлен в тюрьму. Немедленно же состоялся военно-полевой суд, все точно и заранее было рассчитано и подготовлено. В состав военно-полевого суда вошли следующие лица: Ульрих — председатель, Алкснис — командующий военно-воздушными силами, маршал Буденный, маршал Блюхер, Шапошников—командарм 1-го ранга, Белов — начдив „Пролетарской", Дубенко — командарм. Каширин — комкор и Горячев — казачий комкор. Заседание суда происходило в одном из верхних этажей отеля Метрополь под охраной войск НКВД. Разбор дел, очевидно, не потребовал много времени, обвиняемые при разборе не присутствовали, и в 2 часа 30 мин. утра 12-го Июня всем обвиняемым во главе с Тухачевским был вынесен смертный приговор. Член же суда маршал Блюхер получает личный приказ Ворошилова привести в исполнение приговор суда. А в 3 часа утра толстый и всегда розовый Ульрих под охраной 4-х агентов вышел из лифта и с самодовольной улыбкой сел в поджидавший автомобиль и отправился в Кремль для доклада Сталину. Смертный приговор с Тухачевским получили: Витовт-Путна — военный аташе в Токио и в Лондоне — незадолго до суда вызванный в Москву, комкор Корк — начальник военной академии Фрунзе, арестованный у себя на квартире, командарм Якир — командующий войсками Киевского военного округа, но был переведен в Ленинград, так как по документам „заговора" именно он должен был начать возстание в Киеве—это была предупредительная мера. В Ленинграде он принял парад вверенных ему частей и сейчас же после парада был арестован. Командарм Уборевич командующий войсками Белорусского военного округа — был арестован в Минске в канцелярии штаба округа, комкор Эйдеман — начальник Осоавиахима, комкор Примаков — помощник инспектора кавалерии (Буденного), комкор фельдман — начальник личного состава Красной армии — герой Японской компании. Гамарник застрелился сам. Итого 9 человек высшего командования армии. В связи с этим „заговором" был арестован и комкор Рокоссовский, отсидел 9 месяцев в тюрьме и только вмешательством тогда видного коммуниста Булганина был освобожден. Этот блестящий каваллерийский офицер вышел из тюрьмы избитый, с вышибленными зубами и почти умирающий. За участие в „заговоре" был арестован и сослан в лагерь в Сибирь и известный авиационный конструктор Туполев — полковник и военный летчик 1-й Мировой, освобожден и вернулся в Москву только в 1940 году. Кроме этих видных представителей армии, расправа Сталина обрушилась и на много тысяч средних и низших чинов, имея в основе дьявольскую мораль — лучше покарать тысячу невинных, чем упустить одного виновного, имена же их запечатлены потоками слез и проклятий режиму отцов, матерей, жен и детей убиенных.

Казнь была аранжирована Блюхером в Лефортовской тюрьме в ночь с 11-го на 12-е Июня, приговоренные были привязаны к столбам как дезертиры и бандиты. Разстрел был произведен пулеметами и непосредственным палачем был некто Занковский, командир взвода НКВД, один из верных сподручных Ежова, бывший офицер так наз. „Пролетарской дивизии", которая была на положении гвардии в Красной армии. Тухачевский умер, как герой, не проронив слова. Якир сошел съума и перед разстрелом кричал „смерть Петлюре и белобандитам". Этот Якир в 1921 году около Нового Базара разстрелял 376 челов. пленных Петлюровской армии. Тухачевскому перед смертью было объявлено, что по личному распоряжению Сталина его жене разрешено переменить фамилию. Небезинтересна судьба людей выполнивших приговор суда. Так, названный выше Занковский, был разстрелян в следующем 1938 году за изнасилование женщины. Не ушел справедливой кары и Блюхер, который мнил себя настоящим русским Наполеоном, ненавидел Тухачевского и после его казни считал, что теперь

пришел его час и что он заменит Тухачевского. Оставался в Москве и через две недели был также разстрелян, как соучастник того же заговора. Во время своего пребывания в Москве появлялся вюду в штатсском и в сопровожлении телохранителей. Арестован был на квартире одной баллерины, куда явился без телохранителей. В Москве в общественных и военных кругах не верили в существование ,,заговора", и Тухачевского считали лойяльным коммунистом. Официальное же сообщение правительства никогда не опубликовало подробных фактов и точных обвинений.

После казни все дело о ,,заговоре", так всполошившее армию и общественность, кануло в небытие. Один из авторов описывает, как трагедия с Тухачевским отразилась на его семье. Дочь Тухачевского, 12-ти летний ребенок, ничего не знавшая об аресте и казни отца, в школе была встречена оскорбительными выкриками и заявлениями школьников, что они не желают быть в одном помещении с дочерью ,,фашиста-изменника". Девочка была так потрясена и оскорблена, что, вернувшись домой, повесилась Мать ее, вторая жена Тухачевского, сошла съума и была отправлена куда то в Уральский округ. Случайно или умышленно, но провинились и другие лица, никакого отношения к делу Тухачевского не имевшие: один из управляющих кинематографом был посажен в тюрьму за то, что продемонстрировал документальный фильм, в котором фигурировал Тухачевский; другой — управляющий радио-станцией, был арестован за то, что в день казни передавался по радио похоронный марш.

Одна из версий возможного ,,заговора" Тухачевского и др. против Сталина была разсказана на страницах журнала ,,Лайф" за Апрель 56 года, в которой некто Орлов в пространной статье сообщил сведения, которым было придано особое значение и статья была озаглавлена ,,Великая тайна Сталина". Это сенсационное сведение заключалось в том, что среди массы документов старого Охранного отделения, были найдены донесения Сталина, разоблачающие деятельность некоторых революционеров. Эти документы, якобы, попали в руки командарма Якира и Станислава Косиора — политического комиссара Украины. Якир полетел в Москву и посвятил в это Тухачевского и Гамарника. На совещании этих трех было решено ,,покончить со Сталиным", как с безчестным революционером и самозванцем. Сталин об этом узнал и в свою очередь решил ликвидировать этих трех. Сталин их опередил!

Из человеческих слабостей Тухачевского один из авторов указывает на его пристрастие делать скрипки. Во время Гражданской войны в его штабном поезде был вагон — хорошо оборудованная мастерская — где он в свободное время с увлечением предавался этому занятию. Скрипки собственного изделия он дарил знакомым и друзьям. Сам также хорошо владел этим инструментом.

Женат был два раза. Первая жена его — Маруся Игнатьева, которую он знал еще будучи кадетом Московского корпуса. Обе жены его, якобы, были обитательницами особого концентрационного лагеря, где содержались жены и сестры ,,врагов народа" — это были жены видных коммунистов, советских сановников и пр. разстрелянных Сталиным. Лагерь существовал с 1937 года и только в 45 году женщины были амнистированы и освобождены. Возможно, что жены живы и до сих пор.

Насколько имя Тухачевского было популярно среди народа и чинов Красной армии, говорит тот факт, что когда во время войны некоторые части Власовской армии через громкоговорители приглашали солдат Красн. армии сдаваться в плен — сдавались многие, но когда командование Красной армии, борясь с этим явлением, выпустило специальное возвание, в котором Власова назвало вторым Тухачевским, то количество перебежчиков катастрофически увеличилось. Успешные действия этой бригады Власовцев всполошили даже немецкое командование, и оно приказало ее расформировать, не взирая на настойчивые просьбы некоторых видных Власовцев, бригаду сохранить. Этот случай имел место в армии фронта ,,Центр", которой командовал Гюнтер фон Клюге.

В заключение еще надо сказать, что по некоторым свидетельствам Тухачевский с осуществлением своего ,,заговора" опоздал, по одним сведениям на 2 часа, по другим — на 20 мин. Если был заговор, то непонятно, почему Тухачевский ,,опоздал", времени для осуществления было достаточно, у него было слишком уже много данных, указывающих на то, что его так или иначе хотят отстранить. А как вообще умел ,,отстранять" Сталин неугодных или мешавших ему, Тухачевскому было хорошо известно и наивно с его стороны было ожидать, что он будет ,,отстранен" как то иначе, чем это было сделано Сталиным.

Если каждая революция — классическая французская — должна закончится воцарением Наполеона и если русская также должна дать своего русского Наполеона, а она несомненно ДОЛЖНА ЕГО ДАТЬ, и глухие шаги его уже как будто слышатся в грозно молчащем русском народе, то первый кандидат волею Провидения не удался. Тухачевский не был так счастлив как Наполеон — у него не было своего Талейрана, но зато был свой месье Фуше — Янкель Гамарник. Фуше предал Наполеона после Ватерлло,—Гамарник значительно раньше, но и заплатил за это своей жизнью.

Майор С. Горин

От редакции. Как было объявлено в предыдущем номере Нашей Переклички, редакция предполагает все очерки о Тухачевском г. С. Горина собрать в отдельной брошюре. Просьба к подписчикам и читателям журнала, если у кого либо имеются какие либо сведения о Тухачевском — устные или письменные — сообщить их редакции, каждая мелочь может иметь значение.

„КРАСНЫЙ ГРАФ № 2"

(Из истории советской разведки в Зап. Европе)

Писателя А. Н. Толстого, автора нашумевшего романа „Петр Первый", написанного по заказу „вождя народов" Сталина, в Москве называли „советским графом № 1". Кличку „советского графа № 2" получил, после своего возвращения в Москву из Парижа, бывший военный агент русского правительства во Франции — А. А. Игнатьев, выполнявший до первой мировой войны и во время ее роль резидента для всей Европы.

Как известно А. А. Игнатьев, оставаясь в Париже, категорически отказался вступить в какие-либо переговоры и отношения как с представителями Временного правительства, так и с представителями Колчака и Деникина, заявив обращающимся к нему, что он передаст все дела и суммы, имеющиеся в его распоряжении только законному русскому правительству, каким он, очевидно, считал советское правительство.

В своей книге „Пятьдесят лет в строю" Игнатьев скромно отмечает, что он долгое время ждал позволения возвратиться на родину и только в 1927 году получил это разрешение.

Когда в 1923 г., после признания советского правительства Францией, туда прибыл полномочный представитель Л. Красин, он послал Игнатьеву письмо следующего содержания:

Бывшему военному атташе во Франции А. А. Игнатьеву.

В предвидении предстоящих переговоров с французским правительством по урегулированию финансовых вопросов, я считаю необходимым предложить Вам поставить меня в курс тех русских денежных интересов, кои Вы охраняли здесь по должности военного агента до дня признания фрацузским правительством правительства СССР.

Полномочный представитель СССР во Франции Л. Красин."

Как пишет в упомянутой книге Игнатьев, при чтении этого письма у него „дух захватило".

Ответил Игнатьев Красину следующим письмом: (Бланк русского военного агента во Франции). „Полномочному представителю Правительства СССР тов. Л. Б. Красину.

Я счел долгом принять Ваше обращение ко мне от 15 января с. г. за приказ, так как с минуты признания Францией правительства СССР, оно является для меня представителем интересов моей родины, кои я всегда защищал и готов защищать.

Игнатьев.

„Так и сдал рядовой свой пост разводящему" — представителю своей обновленной родины" заканчивает он главу, посвященную установлением связи с советским представительством.

С чувством „особого удовлетворения" он сообщает также, что сдал Красину сохраненные им свыше 200 миллионов франков. Деньги эти составились из сумм бывших в распоряжении Игнатьева, руководившего сдачей военных заказов разным фирмам, а также из возвращенных авансов, полученных фирмами в счет заказов, оставшихся невыпалненными по тем или иным причинам.

По истечении некоторого времени Игнатьев получил благодарственое письмо от Потемкина с признанием его заслуг перед „социалистическим отечеством" и с указанием, что „нам (большевикам) раскрыло глаза на Вас (Игнатьева) то обстоятельство, что он остался с большевиками и после того, как они не сразу взяли его к себе."

Игнатьев „вскользь" упомнинает, как парижские шофферы такси — бывшие офицеры Добровольческой армии, узнав с кем имеют дело; отказывались его везти и награждали нелестными эпитетами.

Уже после передачи архива и денежных сумм Игнатьев оставался по существу без дела. „Неужели-же не найдется для меня работы по моей старой специальности? (организация разведки). Каким счастьем было-бы для меня передать весь свой опыт службы во Франции первому советскому военному атташе во Франции!"

Велика была радость „советского графа", когда он наконец получил на свое обращение ответ из Москвы с резолюцией Молотова следующего содержания: „товарища Игнатьева командировать немедленно в Москву на короткий срок в распоряжение Наркомата обороны." — Молотов".

После возвращения из командировки Игнатьев сделался сотрудником организованного в Париже советского торгпредства.

Служба в торгпредстве была только маскировкой его „настоящей" работы: организации советской шпионской сети во всех государствах Западной Европы. Лучшей кандидатуры советам и не нужно было искать — Игнатьев еще до 1-ой мировой войны и во время ее сосредоточивал в своих руках всю организацию русской разведки и контрразведки в Европе и за годы службы в советском торгпредстве полностью восстановил нарушенные после войны связи и агентуру.

Только после выполнения этой задачи Игнатьев получил разрешение на возвращение в Москву.

Насколько советские правительство и сам „вождь народов" верили „красному графу" видно из того, что он не только уцелел во время страшной чистки 1937 года, когда были ликвидированы Тухачевский, Корк, Эйдеман, Якир, Фельдман, Примаков, Путна, десятки командиров корпусов и дивизий, но регулярно получал повышения (ко дню Второй мировой войны Игнатьев был уже генерал-лейтенантом).

Воспоминания Игнатьева „50 лет в строю" печатались в одном из „толстых" журналов, а затем были изданы отдельной книгой.

Свои глубокие знания постановки разведки и кантр-разведки, приобретенные за время долголетней службы в качестве военного атташе и резидента, Игнатьев уже в течение около 30-ти лет передает своим слушателям, состоя преподавателем в разных военных академиях СССР (в Москве) и на специальных курсах о существовании которых знают только те „кому сие ведать надлежит".

ПРИМЕЧАНИЕ. Цитаты взяты из книги Игнатьева „50 лет в строю".

Что касается о „работе" Игнатьева в Парижском советском торговом полпредстве и его преподавательской деятельности в военных академиях СССР и курсах — сведения получены от быв. слушателей курсов Игнатьева, с которыми автор настоящий заметки встречался в СССР до Второй мировой войны.

Вл. Туганов.

ПШЕНИЦА ИЛИ ПЛЕВЕЛЫ?

— „Ответственность же наша общая такова, что молчать перед лицом таких явленных соблазнов — нельзя".

Архим. Константин, „Слово Критики".

— „В Церкви не имеют места, ни высокомерие начальствующих, ни раболепство подчиненных".

Иоанн Златауст.

Уже в первые века христианства, параллельно с ним, возникло много различных учений, облекшихся потом в общую для них форму, — *гнозиса;* среди „пшеницы" появились первые „плевелы", все же не помешавшие христианству не только распространиться по всему миру, но и вырасти в Великую Религию Любви и всепрощения. И это было возможно только потому, что первые христиане совершенно иначе смотрели на *выдергивание* „плевел", чем это делается в наше смутное время всеобщего упадка и Отступления. Во 2-м послании к Фессалоникейцам, (3-14), Апостол Павел писал: — „Если же кто не послушает слова нашего в сем послании, того имейте на замечании и не сообщайтесь с ним, чтобы устыдить его". — И не сообщались и устыжали; иными словами, *выдергивали* „плевелы" из той „пшеницы", что готовилась к жатве Христовой. Это было возможно потому, что верующие прежде всего хранили Церковь свою, не требуя для себя Ея служения, не возвышаясь над ней своими мирскими именами. ИМЕНА обозначались заслугами перед церковью их носителями, но не *наоборот*. Поэтому и Церковь стояла ВЫСОКО, авторитет ея был ВЕЛИК и всякий нарушитель Ея учения, извергался из Нея, как ненужная и вредная для Нея „плевела".

Но наступили времена, когда родилась „широкая христианская мысль", обозначившая собой раскол и реформацию, когда *имена* самовольно возвысились над Церковью и также самовольно начали извращать Ея учение, разного рода новаторскими толкованиями, к которым „пшеница" начала прислушиваться, вопреки наставлению Апостола Павла и, незаметно для себя, начала глохнуть в „плевелах", уступая им свою плодотворную почву. Старые гностические учения, в обновленном виде, но со своей старой сущностью, пышно возросли на благоприобретенной почве и дали, наконец, пышные всходы всеобщего Отступления, грозящего миру полной катастрофой.

Я внимательно прочел и перечел три статьи: 1 — „Слово критики", Архим. Константина, 2 — „Пшеница и плевелы", Прот. Г. Г. („Православная Русь" №№ 2 и 4) и 3 — „Плачущая Богородица", И. С. Ланского, („Наша Перекличка", № 4).

Статья Архим. Константина, — это основательная и сугубо - объективная критика действительного вольнодумства, идущего вразрез с учением Церкви, изложенного П. С. Л. (почему автор не подписал этой статьи своим полным именем?), в его стате, „О православной государственности" напечатанной на страницах „Вестника православного дела" в Париже. Там же напечатаны и статьи других авторов, которых коснулся также архим. Константин.

Нет необходимости в широком обзоре этой статьи, (Архим. Константина), так как добавить к ней нечего. Там все ясно и полно до предела. Но о содержании статей г. П. С. Л. и Прот. Г. Г., следует поговорить, потому что они дополняют одна другую своими утверждениями не утвердимого.

Я не знаю, кого имел в виду г. П. С. Л., как не православную общественность; русскую, почти сплошь, нигилистическую интеллигенцию, предавшую Россию за европейскую „чечевичную похлебку", или ту православную общественность, которая на протяжении веков создавала Русское Православное Царство и Святую Русь, в нем? Я не думаю, чтобы г. П. С. Л. не знал бы, что Церковь без верующих, — невозможна и, что, следовательно, верующие в Церкви своей и есть та православная общественность, которую он отрицает

и которую хочет создать в данное время, не понимая того, что эта общественность уже существует, как миряне своей Церкви.

В своей брошюре, „Святая Русь и Русское Государство", изданной в Париже, в 1953 году, г. П. С. Л., говорит так: — „Русский народ, глубоко одаренный религиозно, назвал себя — по особой любви к святости — „Святой Русью", и далее... Не надо смешивать Святую Русь с Русским Государством; они созвучны, но эти явления разного порядка: одна — есть стихийная жизнь, определяемая верой, взглядами, вкусами, настроениями, а другое — есть плод сознательной и целеустремленной деятельности человека. И та и другое есть *общественная жизнь людей* (подчеркнуто автором, Н. С.). Следовательно, православная общественность *существовала* на Руси, что подтверждается автором названной брошюры. Теперь, говоря о православном возрождении в России, начавшемся в конце 19-го века, он, тем самым, аннулирует сказанное им семь лет тому назад и, что было бы логично, он должен был бы сказать, что этот же период является началом создания Святой Руси. Этой неувязки г. П. С. Л., к сожалению, не заметил. Это послужило ему основанием сказать, что русской православной общественности не существовало, благодаря чему погиб в 1918 году Император-Мученик, Николай Александрович.

Заявление это, и совершенно неосновательное, и слишком смелое, если не сказать большаго, потому что г. П. С. Л. совершенно забыл о существовании многовекового революционного движения в России, как забыл и о таких представителях Церкви, как Протопресвитер Шавельский, который, зная доподлинно о грядущем, не только не предупредил об этом православную общественность, не только оставил Императора Мученика без своей помощи в Его тяжкий час, но еще и не постеснялся облить грязью Его память, в угоду всем врагам, и России, и Православной Руси. А сколько было на Руси „протопресвитеров Шавельских", и сколько есть их в Зарубежьи? Но, это совершенно не означает отсутствие православной общественности, и там — в былые времена — и здесь — теперь.

И если Архим. Константин воклицает: — *„Не удалась Россия!* и говорит, — Не в том, *оказывается дело.* (подчеркнуто мною, Н. С.), что предали мы дело Исторической России, почему и покарал нас Господь, ожидая покаянного возвращения в покинутый и опозоренный нами Отчий Дом. Беда в том, что самый этот Отчий Дом не имел чем жить — с точки зрения истинного Православия. И вот мы должны ныне от нашего чистого разума — ибо традиции благой в нашем прошлом нет — вырабатывать начала православной государственности", — то по точному смыслу сказанного им, не следует искать подтверждения высказанного г. П. С. Л., но следует *понять* сго глубокую скорбь, вызванную *сверх-вольнодумством* человека, росчерком пера сделавшим существовавшее не существовавшим и не существующим ныне, про которое, даже отколовшиеся от нас говорят, как о создателе неповторимого в мире БОГОСЛОВИЯ В ЗВУКАХ И БОГОСЛОВИЯ В КРАСКАХ. Росчерком пера вдруг аннулирована тысячелетняя жизнь русского православного общества и само это общество, частица которого существует на великих просторах Зарубежья. Спрашивается: к созданию какой *Православной* общественности можно приступить, имея подобное мышление?

Нет нужды заниматься разбором содержания статьи, „Еще о соборе западных христиан"; о ней можно сказать кратко: типичная для нашего времени „широта православной мысли", идущая на пользу *только* экуменизму, — этому широкому течению *нео-гностицизма*, с приходом которого Отступление достигнет своего апофеоза и определит на катакомбное существование ненавистное ему Православие. НОВАТОРЫ религиозного мышления выдумали новую философию и сделали из нея *сомнительно*-красивое обрамление для *„все позволено"*, для этой новой этикетки, наклеенной ими на новом средстве разрушения „вековой скалы заблуждения" — Православной Христовой Церкви. Не все ли равно, кем и как разрушается эта *скала?* Важно здесь одно, — *Она разрушается.*

Хочу сказать несколько слов на тему о предсказаниях. Безконечно прав Архим. Константин утверждая *мечтательство*, основанное на предсказании „ученых русских монахов". Конечно, не мечта о том, что вопреки нашему поведению, все будет хорошо, но утверждение Архим. Константина необходимости для нас прийти к *спасительному покаянию*, есть *альфа и омега* будущего нашего возрождения и ЕДИНСТВЕННАЯ возможность возвращения нашего в утерянный и опозоренный нами Отчий Дом.

Все остальное и будет тем самым *хилиазмом*, которым оно обозначено Архим. Константином. Двух мнений по этому вопросу, — быть не может.

И так, о содержании статьи Архим. Константина, „Слово критики", можно сказать словами самого автора: — „Молчание, в условиях, когда перо вложено в руки, как монашеское послушание, далеко не всегда может быть оправдано. А бывает и так, что по долгу совести, как личной, так и церковной, должно быть нарушено, чтобы со всей решимостью было сказано правдивое слово".

Это *правдивое* слово Архим. Константином *сказано.*

Но так ли обстоит дело с оппонентом Архим. Константина, прот. Г. Г., в его статье, „Пшеница и плевелы", напечатанной в „Православной Руси", № 4, 1960 г.

Грустное впечатление оставляет по себе ее содержание, пересыпанное многими *утверждениями*, совершенно не убедительными, построенными ав-

тором не на Учениях Отцов Церкви, а на принципе ,,широкой православной мысли", необходимость которой для данного времени, им указывается.

Как и г. П. С. Л., Прот. Г. Г., также утверждает отсутствие православной общественности в былой, дореволюционной России, в силу чего Государь Мученик оказался одинок. Повторяться в доказательствах противного нет нужды. Укажу Прот. Г. Г. только на таких апологетов, как Тертулиан и Ориген, давших следующую характеристику Церкви: — ,,Церковь есть *религиозное общество*".

Следовательно, если нет религиозного (в данном случае, православного) общества, — нет и Церкви. Эти же апологеты, выступая против Цельза, Евсевия, Памфила и Ликтанция, говорили, что Церковь, как религиозное общество, ,,не может ни зиждиться, ни существовать, как без строительных материалов от религии, так и без политической цементовки". Эти то два первостепенных элемента в жизни Церкви Православной, с момента Крещения Руси, и создали Русское Православное Царство, а в нем и Святую Русь. И отрицая православную общественность, следует начать с отрицания — Тертулиана, Оригена и всего того, что с ними связано.

Упрекая Архим. Константина в хилиазме, утверждающем ,,Царство Божие на земле, в государственной форме", Прот. Г. Г. вводит в заблуждение православного читателя, так как, во 1-х, нигде на протяжении всей статьи ,,Слово критики" такого утверждения нет; а во 2-х, никаким постановлением и *никогда* не было отменено Учение нашей Церкви о Третьем Риме. Следовательно, мы — русские православные люди, — каясь в грехах своих, (а не уповая только на предсказания), можем просить Бога и верить, что Он, простит нам, возвратит нам наше Православное Царство, утерянный нами Отчий Дом. И мечты здесь нет никакой. Здесь *только* желание каждого любящего свой Отчий Дом, который называли мы все Домом Пресвятой Богородицы. И, если Прот. Г. Г. иначе мыслит, — это его личное дело, которое он может оставить при себе. Не следовало бы Прот. Г. Г., приписывать Архим. Константину и фразы: — ,,Не удалась Россия, не удалось Православие — не удалось, значит, и само христианство..." — потому что все это *,,не удалось"* у г. П. С. Л., вместо которого нельзя привлекать к ответственности Архим. Константина.

Далее, Прот. Г. Г. говорит о неправильном понимании Архим. Константином пророчания Спасителя, ,,Едино стадо и Един Пастырь" и таким образом ограничивает временем возможность единства людей во Христе, относя его только к сынам Авраама и язычникам того времени. Но, в таком случае, пришлось бы пересмотреть евангельские тексты и разделить их на две группы: на временную, к нам не относящуюся, и на группу постоянную, — для всех времен до скончания века. Такое толкование ничего хорошего не предвещает и ведет нас в ,,философские" дебри, откуда нет возврата. Текст Евангелия от Иоанна (10,16) гласит: — Есть у Меня и другие овцы, которые не сего двора, и тех надлежит Мне привесть; и они услышат голос Мой и будет одно стадо и один Пастырь. — Вся же 10-ая глава заключает в себе Притчу о Пастыре и овцах, имеющую значение для всех времен. Ссылка же Прот. Г. Г. на то, что католики любят применять этот текст к Папе, совершенно не основательна, так как это не может быть причиной толкования этого текста нами, на католический манер.

В общем статья Прот. Г. Г. носит характер обвинительного акта преступившему Архим. Константину, и как автору статьи ,,Слово критики", ,,нарочито" отыскивающему заблуждения, особенно не существующие и, как редактору ,,Православной Руси", пропустившему некоторые заметки, без замечания редакции.

И не смотря даже на то, что Прот. Г. Г. закончил свою стаью тем, ...,что ему отрадно видеть, что при видимом как будто иногда противоречии, один и тот же дух верности заветам Отцов наблюдается у всех авторов, о ком выше шла речь: у Архиепископа Серафима, Епископа Виталия, Архимандоита Константина и П. С. Л., Архимандрит Константин все же был *осужден*, что явствует из содержания статьи гр. И. С. Ланского, напечатанной на страницах ,,Нашей Переклички", № 4.

Нет нужды повторять все то, на чем остановил внимание читателей автор статьи ,,Плачущая Богоматерь". Обратим сугубое внимание на ее заключительную часть.

— ,,Поэтому, — пишет гр. И. С. Ланской, — остается только пожалеть, что журнал (,,Православная Русь", № 2, 1960 г.), был изъят из продажи в Синодальной церкви и автор, повидимому, был вынужден прекратить писать передовицы в руководимом им журнале (!?), т. к. он их больше не пишет и даже не ответил на возведенное на него обвинение".

Только ли пожалеть и оставить все так, как оно есть, будто ничего не произошло?

Нет, одного сожаления мало, слишком мало, если мы хотим сохранить Церковь нашу и в ней всех тех, кто живет для нея и ради нея подвизается. И, если мы не считаем себя *аннулированными* членами *аннулированной* церковной общественности, мы обязаны возвысить свой голос, чтобы избавить от будущих голословных обвинений и незаконных запретов, (я не говорю уже о нас малых), авторитетов Церкви нашей, известных всему православному Зарубежью.

На страницах ,,Знамени России' меня упрекали в том, что ,,находясь во власти навязчивых идей", я обнаружил в Церкви нашей признаки папизма.

Но разве в данном случае так трудно обнаружить, — *„Эго сум Папа"?*

Разве возможен был подобный случай в Киево-печерской или Троицо-Сергиевской Лаврах, или в другом каком либо монастыре, где летописцы — иноки, — как подвиг послушания, — вписывали на листы пергамента и бумаг свои летописи и обличения „плевел"? Нет! История Православной Церкви подобных случааев — „Эго сум Папа", не знает.

Свято-Троицкий монастырь, в Жорданвилле, — это наша зарубежная ЛАВРА, а Архим. Константин — ее ЛЕТОПИСЕЦ-ПИСАТЕЛЬ и запрещать его, — значит творить дело — чреватое большими и нехорошими последствиями, не только для Зарубежной Соборной Православной Церкви, но и для всего Православного Зарубежья, для которого, по неизвестным причинам, Прот. Г. Г. выдвигает необходимость „богатой и разнообразной православной мысли", которая уже привела однажды Зарубежную Церковь к страшной катастрофе раскола, а покойного Митрополита Евлогия отдала под власть „знаменитого" о. Сергея Булгакова, на основании § 2-го Устава братьев софиянцев.

Когда в свое время Архим. Константин, в одной из своих статей писал о возможной в будущем необходимости для Зарубежной Соборной Церкви ухода в катакомбы, я не понял его и позволил себе послать ему упрек, о чем теперь *глубоко сожалею,* потому что он был прав.

— „И если глаз твой соблазняет тебя, вырви его; лучше тебе с одним глазом войти в Царствие Божие, нежели с двумя глазами быть ввержену в геену огненную (от Марка, 9, 47), — сказал Христос в Капернауме, куда Он пришел после Своего Преображения.

И, если мы хотим следовать за Ним, как подабает то, следующему за Ним духом и серцем, мы должны *отсечь* от себя руку и ногу и *вырвать* соблазняющий нас глаз, ибо в этом наше спасение. Но не в том, если нога, рука и глаз будут нам дороже самой Церкви Православной, с поселившейся в Ней „богатой и широкой православной мыслью", заменившей собой Правду Божию. В этом случае мы добровольно превратим себя в *„плевелы,* подлежащие сожжению, когда прийдет время ЖАТВЫ.

***

В № 9 (698) „Православной Руси" появилась статья Протопресвитера О. Георгия Граббе, „Наш Путь", в которой есть только два *замечательных* абзаца, на которые мне хотелось бы ответить.

1 — „Церковь ускрасилась сонмом мучеников, которые могут послужить семенем возрождения. Но над русским народом еще тяготеет то, что он не возстал как один на их защиту и на защиту Святой Руси".

Церковь на нашей Родине существует в каторжных условиях. Ее государственная политика, — как официального учреждения, — навязанная ей каторжным управлением Политбюро ВКП(б), аннулировала политику церковного общества и упразднила и самое общество, определив ему катакомбное существование. Поэтому говорить о возстании русского народа, живущего в условиях каторги, в данное время не приходится, несмотря на рост его религиозного движения.

В это же самое время в Зарубежьи можно наблюдать совершенно обратное. Храмы православные пустеют с каждым днем. Православная Церковь, расколотая Ея Кормчими на отдельные юрисдикции, медленно но верно опустошается, потому что, навязанная церковной общественности политика аполитичности, аннулировала эту общественность и низвела мирянина на положение своеобразного грешника, обязанного каяться только в грехах против десяти заповедей и забыть себя, как сына Великого Православного Царства — Дома Пресвятой Богородицы и не помышлять. Случай с Архим. Константином говорит о том, что и авторитеты Церкви не свободны итти путем церковным.

2 — „Не плод ли этого греха замечаемая во многих приходах, обществах и органах печати наша разлагающая, всеобъемлющая критика, не признающая никаких авторитетов и часто как бы бравирующая тем, что она раздается по адресу людей высокого положения, хотя теперь это не связано ни для кого ни с какой опасностью. Не отсюда ли ставшая притчей во языцах наша неуступчивость друг другу, наше нежелание подчиняться даже церковной власти, если за нею на стоит внешнее орудие принуждения?"

Не вина мирян в том, что церковная Иерархия потеряла у них тот авторитет, который создавался для нея веками. Это ни мирянин и ни критик от него, кто расколол Зарубежную Православную Церковь и вина мирянина здесь только в том, что он не изгнал митр. Евлогия, несмотря на весь его „авторитет и высокое положение". Таких примеров можно найти множество.

Это не критики, что проповедуют и говорят о „широкой и богатой православной мысли", способной вызвать вновь к сосуществованию не только Ариев, Несториев, Диоскоров и Сергиев, но и нечто гораздо худшее. И странно, что даже церковные авторитеты, (о критиках и говорить нечего), позволющие себе критику вольнодумства, — как то, и в чем то, — становятся виноватыми до такой степени, что заставили Протопресвитера о. Георгия Граббе неосторожно обмолвиться фразой о „внешнем орудии принуждения". Кстати, эта фраза требует пояснения: Надо обладать только небольшой фантазией, чтобы представить себе положение критика при наличии этого „внешняго орудия принуждения", если и без него человеку, жаждущему Церкви в Церкви, приходится иногда довольно туго.

В заключение хочу сказать: если в свое время св. Григорий мог обличить Варлаама и надолго сохранить восток от проникновения этой ереси; если, позднее, св. Ефесский спас его от Латинской Унии, то в наши времена ни спасать, ни обличать, ни безопано, несмотря на отсутствие Юлианов Отступников и прочих гонителей Церкви. В этом повидиму и заключается новое (научное) толкование соборности в Церкви.

Выход из этого положения, как я уже писал, — *только один*. Это созыв Собора с участием белого духовенства и мирян. Только этот Собор сможет упорядочить жизнь Церкви нашей и поставить точки над всеми „i"; без него, без его постановлений, обязательных и для мирян и для церковной Иерархии, *„Эго сум Папа"* будет ощущаться во всех уголках церковной жизни, изыскивая возможности к созданию „внешняго орудия принуждения".

Н. Сигида.

МОИ БЕРЛИНСКИЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ

АПРЕЛЬ 1945 — ИЮЛЬ 1946.

(Продолжение)

Капитан этот был единственным из встретившихся мне советских офицеров, кто, казалось, действительно искренне восхищался Сталиным. И вот: я углубляюсь в чтение приказов Вождя Народов, сплошной фальсификаци истории. Если бы я смел возразить что-нибудь энтузиасту-капитану... Но надо отдать справедливость Джугашвили; он великий мастер лжи и саморекламы.

4

Весь день во двор въезжали один за другим грузовики с новыми арестованими и отвозили потом куда-то старых. Перед обедом молодой сержант по фамилии Белинский, позвал меня в свою комнату и потребовал предъявить ему все, что было при мне. Отобрал у меня перочинный нож. это было все, чем мне лично напомнили мои „тюремщики" о моем положении за весь этот день.

Следующее утро тот капитан, который устраивал нас на ночлег, предложил мне, даже в несколько просительном тоне, поехать с ним осматривать Берлин. Прежде всего мы направляемся, разумеется, к Рейхстагу, ставшему обязательным местом паломничества для всех советских при посещении города. От Рейхстага осталиеь лишь голые стены среди груд камней и бетона. Вспомнил рассказы о том, что при его постройке Вильгельм 1-ый приказал купол здания над залом заседаний ни в коем случае не делать выше крыши его дворца, чтобы подчеркнуть, что в Германии корона и ее прерогативы стоят выше народного представительства. Сейчас повержены во прах — и Рейхстаг с его куполом, и доминирующий над ним императорский дворец. Разрушен до основания и сам Третий Райх. Невольно в моей памяти проходят чередой оба Вильгельма, Веймарская Республика и Нацистская Империя . . . Мелькают имена и образы Бисмарка, Евгения Рихтера, Лассаля, Шарнгорста, Бебеля, Арнима, Каприви, Бюллова, Бетман-Гольвега, Макса Баденского, Эрцбергера, Эберта, Штреземана, Ратенау, Тельмана, Брюннинга, Гинденбурга и, наконец, триумвират германских Геростратов — Гитлер, Геббельс и Геринг . . .

На ступеньках перед Рейхстагом вижу почему-то до сих пор не убранный труп громадного немца с каской на голове в сидячем положении Точно символ жестокой борьбы и поражения . . .

Любопытствующих посмотреть Рейхстаг собралось не мало. Все больше — советские офицеры. Редко — солдаты. Почти у каждого офицера в руках фотографический аппарат, которым он беспрерывно щелкает. Осмотр развалин закончен и мы мчимся по Шарлоттенбургскому шоссе к Колонне Победы — Зигессауле. Взбираемся по темной винтообразной лестнице на самую верхушку. Над фигурой женщины, олицетворяющей Победу в ознаменование разгрома франции в 1871 году, сейчас развывается французское знамя . . . Все, что открывается отсюда нашему взору, представляет собой до самого горизонта картину хаоса и разрушения. На месте знаменитого Тиргартена, гордости Берлина, чернеет громадная площадь взрытой воронками земли с редкими пнями, оставшимися от клоссальных деревьев. По аллее вперемежку с остатками танков, автомобилей, орудий и повозок белеют обломки статуй немецких королей, курфюрстов и штатгальтеров. И здесь множество „туристов" — офицеров победоносной советской армии с фотоаппаратами.

Сходим вниз и проезжаем по прежним главным улицам города, превращенным англо-американскими воздушными бомбардировками в сплошные руины, и возвращаемся на „пункт". Расставаясь с капитаном, я попытался спросить его о своей дальнейшей судьбе и о том, когда же, наконец, я буду допрошен. Он досадливо отмахнулся рукой:

— „Успеете! Куда спешите? Время еще есть . . .

Но меня очень нервировала неопределенность положения и, пользуясь тем, что между нами ус-

тановились ,,хорошие отношения" и он постоянно искал разговора со мной по всевозможным поводам, я снова и снова задавал ему тот же вопрос. После третьего раза он сказал:

— ,,Ну, напишите что-нибудь о себе"!

На следующий день я вручил ему свою краткую автобиографию, в которой не скрыл, что три года сражался против красных в рядах Добровольческой Армии. Указал также каким образом попал на работы в Германию из Югославии и описал свое пребывание в берлинской тюрьме на Нордмаркплац, 15, куда попал прямо с вокзала с целой партией депортированных из Белграда рабочих.

— ,,Скажите, капитан, я буду расстрелян?"

Он снова замахал на меня руками:

— ,,Какая чепуха!? Что вы выдумываете?"

На четвертый день, за обедом, я вдруг почувствовал себя плохо. Злоупотребление гостеприимством на ,,пункте НКВД", после двух с половиной лет систематического недоедания, не могло пройти даром: я потерял всякий аппетит . . . Заметив это и узнав в чем дело, майор обеспокоился и сам принес мне большой графин с коньяком и предложил хорошенько подлечиться его содержимым::

— Это вам поможет лучше всякого лекарства! Пейте, не стесняйтесь"!

Вечером он поинтересовался состоянием моего здоровья. Это дало мне случай ему сказать:

— ,,Я здесь уже почти неделю. Меня задержали на улице. У меня нет с собой ни смены белья, ни бритвы. Может быть, вы найдете возможным мне разрешить съездить домой и взять все необходимое"? Спросив о районе, где я жил, он любезно предложил:

— ,,Завтра утром я сам свезу вас домой на вашу квартиру. Вы останетесь там сутки, отдохнете, поправитесь. А послезавтра за вами заедет наш капитан".

И вот, на следующее утро я оказался на своей квартире. Наверное, коньяк помог мне и я чувствовал себя несравненно лучше, чем накануне. Жильцы нашего дома встретили меня с искренней радостью. И немцы,и, особенно, русские. Я сразу же оказался объектом всеобщего внимания. Русские дамы, плача, распрашивали меня о всем случившемся со мною. Я успокоил их, но скрыл, что нахожусь сейчас дома, так сказать, в порядке ,,отпуска из НКВД".

Когда посещения закончились и я остался один в комнате, я принялся обдумывать свое положение. Удрать мне сейчас же из Берлина или вернуться в НКВД и пассивно ждать решения своей участи? физически я чувствовал себя все еще неважно. Денег никаких у меня не было. Узнав, что красные уже за Эльбой, решил бросить всякую мысль о побеге. Соседи успели сообщить мне, что все мужчины-русские в нашем районе поголовно арестованы. Кое-кого уже освободили, но большинство еще не вернулось и судьба их неизвестна. Никаких эксцессов со стороны красных в нашем районе не было. Надо сказать, что вблизи не была размещена ни одна воинская часть. Из остальных районов Берлина доходили зловещие слухи о массовых грабежах и изнасилованиях. Вообще наш район начинает возвращаться к нормальной жизни. Открылись лавочки с жалкими остатками предметов продовольствия. На улицах спешно приводят в порядок трамвайную сеть. Все трупы подобраны и все площадки превращены в кладбища. Кресты с касками на немецких могилах, красные ,,тумбочки" на советских. Редко где сделана надпись с именем убитого...

На следующий день, часа четыре пополудни, за мной приехал капитан, и я снова на ,пункте" Никого из арестованных, кроме меня, уже здесь больше нет. Увезен неизвестно куда и армянин-полковник. Я предоставлен самому себе и провожу день частью на пункте, частью у себя на отведенной мне ранее, через несколько домов оттуда, квартире. Свободно разгуливаю по соседним улицам, не замечая за собой никакого надзора.

9 мая победители празднуют окончание войны. Весь день не умолкает канонада торжественных салютов.. Опасно оставаться вне дома. Какая-то дробь беспрерывно барабанит по крышам и бесшумно падает на землю.

Но вот ночью, на седьмой день после моего ареста, часов в 12 меня вызывают, наконец, на допрос к тому самому толстому капитану с бабьим лицом, с которым мы ездили осматривать Берлин и потом так часто дружески беседовали. Он сидит полусонный за столом. Предлагает сесть с другой стороны стола. Подперев левой рукой щеку, с обоими локтями на столе он глядит на меня мутным взором закрывающихся от непреодолимого желания спать глаз. Допрос этот, видно ему так же нужен, как и мне. Но вдруг на его физиономии появляется свирепое, прямо-таки зловещее выражение и он вдруг . . . разражается громким раскатистым храпом.

Вот тебе и с таким волнением ожидавшийся долгожданный допрос, — думаю я. Не знаю, что же предпринять мне в таком глупом положении. Уйти невозможно . . . А сидеть так до утра — нелепо. Проходит четверть часа. Капитан погружен в глубокий сон. Я не выдерживаю и, чтобы прекратить идиотскую сцену, нарочно громко кашляю. Он открывает мутные глаза и лениво тянет:

— ,,Ну, а что же было дальше"?

—,,Да я еще ничего вам не сказал" . . .

Большим усилием воли с видимой неохотой, капитан преодолевает сон, задает обычные вопросы о моей ,,самоличности", потом спрашивает как и когда я попал в Германию, что делал в ней. Записав мои ответы совершенно правильно и прочтя мне их вслух, дает подписать. Еще не было и двух часов ночи, как я уже в кровати на своей временной квартире.

Рано утром, когда я только начал одеваться, чтобы идти завтракать, вбегает солдат и торопит

явиться на пункт. Посреди двора стоит грузовик, на котором уже находятся человек тридцать новых арестованых. Мне приказано присоединиться к ним. У всех сумрачные лица. Большинство из них немцы. Грузовик мчится в юго-восточном направлении и привозит нас в берлинское предместье Бух к группе небольших двухэтажных домиков, обнесенных колючей проволокой. Всюду усиленная охрана из энкаведистов. Справа по дороге движется пешком партия человек в двести под большим конвоем куда-то на восток. Наш грузовик останавливается и сопровождавише нас десять конвойных спрыгивают первыми и входят в штаб. Нас вводят туда поодиночно, весьма тщательно обыскивают и отбирают галстухи, пояса, подтяжки, даже шнурки от ботинок, одним словом, все, что хоть как-нибудь годится, чтобы послужить средством к самоубийству. Атмосфера совсем другая, чем на берлинском „пункте". Здесь уже пахнет настоящим НКВД-ЧЕКА.

После обыска меня выводят снова на улицу. Мимо проходит как раз один из офицеров, с которым я много и часто разговаривал в Берлине, который, между прочим, с большим энтузиазмом рассказывал мне, что Красная Армия питаясь жирами и мясом, поставляемым Америкой, что Америка снабжала ее не только продовольствием, но и танками, самолетами, орудиями, сталью и т.. п. Об Америке говорил он с большим уважением . . . Теперь он явно меня узнал, но молча отвернулся.

Меня запирают одного в маленьком кирпичном здании, где помещается кухня. Большую часть единственной комнаты в десять квадратных метров занимает громадная плита с огромным котлом. Плита еще горячая. К котлу невозможно прикоснуться. На дне и по краям остатки малоаппетитной пищи. Видимо только что перед этим ее вынули отсюда. Стража не только запирает дверь на замок, но и плотно приколачивает окно. Духота невыносимая. Перед уходом конвоиров я попросил у них воды.

„Здесь воды не полагается"! — последовал холодный и грубый ответ.

Мебели никакой. На цементном полу деревянный настил. Ложусь. Ни матраса, ни одеяла, ни подобия подушки. Изнываю от жары и жажды. Через часа три приводят еще одного арестованного. Оказывается — поляк, портной, коммунист с 1917 года. Начинает горько жаловаться:

— „Я же партиец! Столько лет работал на партию, на коммунизм и, вдруг, меня арестовывают! И когда? Когда коммунизм руками советской власти добился таких успехов, такого торжества . . . Разве не оскорбительно это, не обидно, не досадно??? — Узнав, что я — старый белый эмигрант, он горько добавляет: — „Вам-то ничего не грозит . . . Вас скоро отпустят . . . А мне"!

О причине ареста он однако не говорит ни слова.

Часов в пять-шесть вечера к нам присоединяется третий — довольно красивый белорус лет под тридцать. Он тоже в очень возбужденном состоянии и вслух высказывает опасение, что ему „пришьют" не менее 15 лет принудительных работ. Он тоже — коммунист. И тоже не говорит за что попал сюда.

Вскоре открывается дверь и солдат вносит ведро с нашим „ужином". Это какая-то мутная жидкость, горячая, как кипяток. Ни одной картофелины, ни малейшего намека на какую-нибудь зелень. Как будто нам принесли воду после мытья посуды. На другой день утром то же ведро с такой же горячей мутью. Каждый получил еще по куску черствого, заплесневелого хлеба граммов в 200. После такого завтрака' часов в восемь утра, нас выводят во двор. К нам присоединяются другие, которых выводят из окружающих строений под конвоем. Образуется группа в 36 человек. Сзади три женщины. Нас окружают пятнадцать конвойных — пешие, конные, на велосипедах. У всех в руках автоматы, а в кобурах револьверы. Старший обращается к нам со словами:

При первой же попытке бежать будем стрелять без всякого предупреждения!

После этого мы трогаемся в путь на восток. Сзади идет пустая повозка. По дороге к охране присоединяются три офицера НКВД на велосипедах. Идем весь день, голодные, воды не дают; каждые два часа привал на 10-15 минут. Жара — в Германии небывалая . . .. Идти трудно: брюки, неподдерживаемые ничем, опускаются вниз; незашнурованные ботинки не держатся на ногах. Идем по большому шоссе, и в обе стороны проносятся с бешенной скоростью грузовики и легковые машины с советскими офицерами и солдатами. Вдруг навстречу попадается скрипучая и дребезжащая повозка с сеном. Лошадьми правит офицер. Через несколько минут после этого обогнавший было нас автомобиль вдруг замедляет ход и, когда мы равняемся с ним, сидящий за воланом молоденький, краснощекий офицер принимается нас ругать во весь голос:

— „А, власовская сволочь! Попались! Так вам и надо. Не жалейте их, товарищи"! . . — и исчезает.

Жара донимает. Не меньше мучит голод, а хуже всего — жажда. После полудня люди начинают падать, не имея сил идти дальше. После не слишком настойчивых, но грубых понуканий и пинков, упавшого укладывают на повозку. Более выносливые из нас поддерживают под руки ослабевших. Только в восьмом часу вечера добираемся мы до небольшого городка километрах в шестидесяти от Берлина. На улице, проходящая мимо нас с ведром старуха-немка, сжалившись над нашим измученным видом, ободряюще шепчет:

— „Уже близко! Потерпите"! . .

Эраст Чевдарь

(Продолжение следует)

РАСПРОСТРАНЯЙТЕ
„НАШУ ПЕРЕКЛИЧКУ"!

Виходит ежемесячно. Подписная плата 3 дол. 60 ц. в год. Можно подписываться и на любое количество номеров, исходя из расчета — 30 ц. за номер.

**
*

В следующем номере начнется печатанием обширная статья Н. П. УКРАИНЦЕВА — „СТАЛИНГРАД — НЕМЕЦКАЯ ТРАГЕДИЯ".

**
*

При этом номере большинству подписчиков приложены заметки о состоянии их подписной платы.

НОВАЯ КНИГА

ПОЛК. Ф. В. РУСАНОВА
„ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТКА ЛЕЙБ-ГВАРДИИ ГРЕНАДЕРСКОГО ПОЛКА"
(1-ая МИРОВАЯ ВОЙНА)

В книге 12 исторических фотографий.

Цена книги 2 дол. 25 цент. с пересылкой.

Заказы и деньги направлять по адресу:
George Postnikoff, 545 East 148 Street, Apt. 3-E, Bronx 55, New York, N. Y. Tel.: LU 5-8349.

Обращаю внимание читателей и подписчиков Нашей Переклички на вновь изданную книгу ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТКА ЛЕЙБ-ГВАРДИИ ГРЕНАДЕРСКОГО ПОЛКА. Книга издана стараниями двух больших патриотов своего полка: полк. Ф. В. Русановым и Г. Ф. Постниковым. Затрачено много труда и терпения и цель, конечно, оставить будущей России и в назидание потомству историю одного из блестящих полков Российской Императорской Армии. Надо оценить должным образом эту благородную и безкорыстную цель издания Памятки и всемерно поддержать издателей покупкой этой книги.

РОЗЫСКИ

ЯЦЕНКО Григорий просит читателей „Нашей Переклички", знающих о судьбе Петра Владимировича КРЫЛОВА, поручика Самурского полка Добровольческой Армии, жившего до 1930-33 г. г. в Париже сообщить в редакцию журнала.

А. БАЛАКЛИЦКИЙ
РУССКИЙ ГАСТРОНОМИЧЕСКИЙ МАГАЗИН.
3425 BROADWAY между 139 и 140 ул.
Tel.: AU 3-0690.
ВСЕГДА ЛУЧШЕЕ И СВЕЖЕЕ.

Подготовлен к печати второй историч. роман М. Д. Каратеева
„КАРАЧ МУРЗА".
Оба его романы — это то глубоко-национальное и исторически ценное, что эмиграция оставляет будущей России. Мы уходим — наша обязанность всемерно поддержать этот неоценимый труд автора и приложить все усилия к возможно широкому распространению его романов. Пришлите предварительную подписку на книгу или помогите посильным взносом в фонд издания — это будет истинно нужным национальным делом.

Редакция.

„ЧЕРНЫЙ КАПИТАН"

В редакцию прислана для отзыва книга „ЧЕРНЫЙ КАПИТАН", сочинение известного следопыта и охотника на тигров Манчжурии бывшего заамурца полковника Николая Аполлоновича БАЙКОВА. Это быль-роман из жизни заамурцев по охране Кит. Вост. жел. дор. 1901-10 гг. Автор умер в 1958 г. в Брисбане — Австралия. Жена и дочь (последняя пол года лежит в санатории) автора нуждаются в средствах и обременены долгом из-за болезни и смерти его. Покупкой книги им надо помочь.

Книга хорошо издана и очень интересна по содержанию.

Цена книги — 2 дол. 90 ц. с пересылкой. С заказом обращаться в редакцию Нашей Переклички.

Редакция

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ
ВОЗРОЖДЕНИЕ"

является журналом литературно-политическим. В этом журнале помещаются статьи касающияся вопросов воеино-исторических и статьи технические в популяриой форме. Каждый месячный выпуск посвящается лицу или событию представляющему интересъ для людей не потерявших свою „Русскость".

Стоимость „Возрождеиия" на год 10 долларов, на пол года 5 долларов и 50 центов, отдельные иомера один доллар.

Выписывать журнал можно через П. Е. Стогова. Адрес для заказов:
P. Stogoff, 89-30 164 St. Jamaica 32,
Long Island. N. Y.

Адрес редакции:
A. PAVLOV, 423 W. 118 St., apt. 35.
New York 27, N. Y.
Tel.: MO 6-3886.

Printed in U. S. A.

Цена этого номера в С. А. Ш. 30 центов

Даны две доли Провидением
На выбор мудрости людской:
Надежда и волнение
Иль безнадежность и покой.

Monthly Russian Magazine of the Veterans of the Armies of Gen. Denikin and Gen. Wrangel and of the First World War.

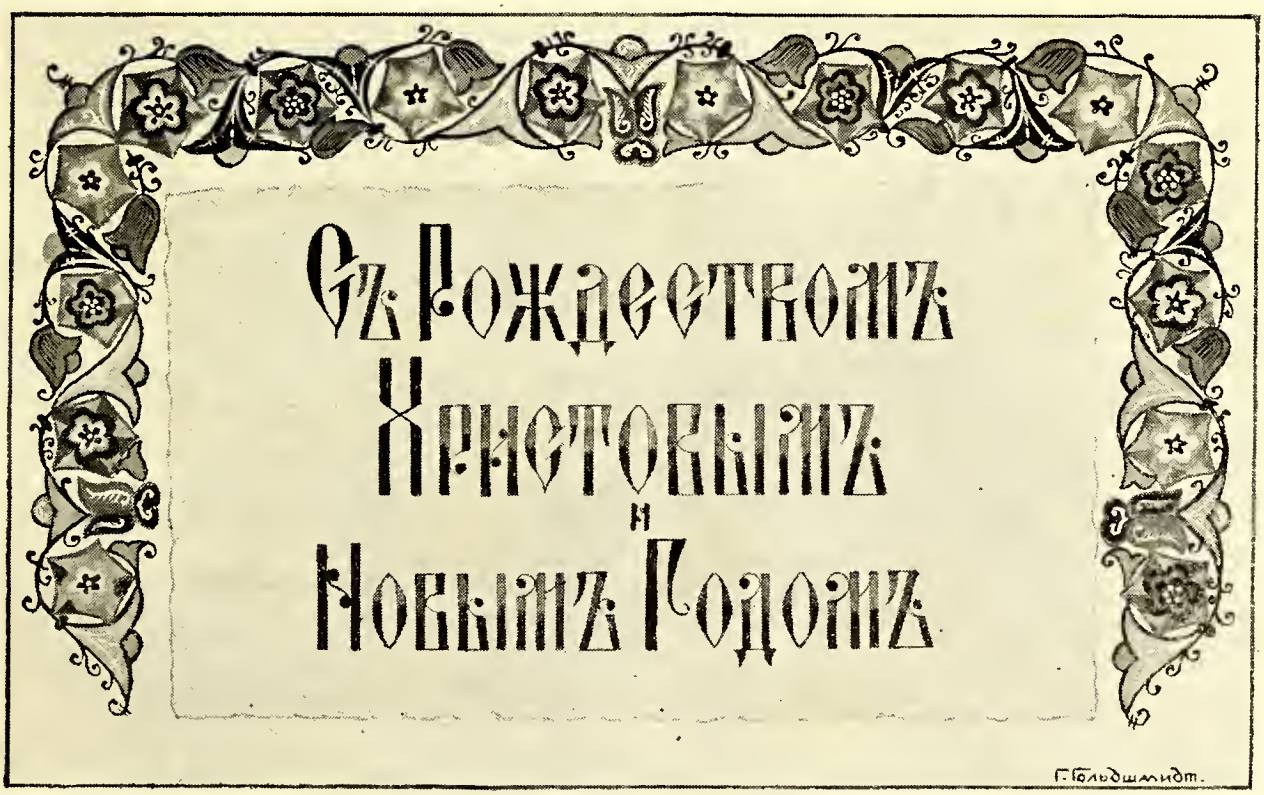
NASHA PEREKLICHKA

НАША ПЕРЕКЛИЧКА

БИЗЕРТА 1920 1921 — ГАЛЛИПОЛИ 1920 1921 — ЛЕМНОСЪ 1920 1921

ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
ИНФОРМАЦИИ И СВЯЗИ БЕЛОГО ЛАГЕРЯ РОССИЙСКОЙ ЭМИГРАЦИИ

2-ой год издания. № 12 (112) Январь 1961 г.



ВСЕХ ПОДПИСЧИКОВ, ЧИТАТЕЛЕЙ, СОТРУДНИКОВ И ДРУЗЕЙ ЖУРНАЛА ПРОШУ ПРИНЯТЬ МОИ ИСКРЕННИЕ ПОЗДРАВЛЕНИЯ С ПРАЗДНИКОМ РОЖДЕСТВА ХРИСТОВА И НАСТУПАЮЩИМ НОВЫМ ГОДОМ. ВСЕМ ШЛЮ СЕРДЕЧНЫЕ ПОЖЕЛАНИЯ ВСЕГО, ВСЕГО ДОБРОГО!

А. ПАВЛОВ

НЕОБЫКНОВЕННОЕ РОЖДЕСТВО

Как это приятно, хорошо! От раскаленной до красна печки, распространялось по всему вагону, теплушке, идет волнами согревающее тепло, навевая сладкую дрему. И тогда, сразу, возникают видения — сны.

Павлик растянулся на нарах, в уголку. Рядом с ним еще кто-то, чей голос — полушепот он слышит. Журчит, как весенний ручеек голос и тогда кажется, что вокруг больше никого нет — только они двое. Один о чем-то разсказывает и это что-то замечательное, чудесное, а он, Павлик, слушает.

О чем это журчит голос и почему он такой знакомый, напоминающий кого-то?..

Лида... Сестра... Откуда ей тут взяться? И о чем это она разсказывает? Хочется поверить, что это, действительно, Лида, и что он, Павлик, дома, у себя и слышит сейчас разсказ про что-то удивительное, чудесное. Ну совсем не похоже на настоящее такое неприятное. Нет, нет, низачто он не откроет глаз. Пусть так и дальше продолжает звучать знакомый милый голос, разсказывая о чем-то, действительно чудесном, необыкновенном.

Растаял вагон-теплушка с раскаленной печкой, поплыли куда-то нары, расплылись лица, смолкли голоса...

Возникла после этого одинокая степная станция, с растилающейся далеко, далеко пеленой снега, сверкающего алмазами и все это вдруг куда-то ушло, растаяло. Все исчезло и только, как будто из другого мира, звучат голоса, звучат совсем неземным.

Ангелы с пастырями славословят,
Волхвы же со звездою путешествуют.

И не понять откуда, где звучит знакомое и как-будто неземное. То-ли это звучит на земле, или доносится с неба, усыпанного бесчисленными яркими звездами...

Какое их сегодня множество — думает Павлик. — Все небо усыпано ими. И между ними одна особенно большая, яркая. Она ниже всех. Ну прямо рукой ее можно достать.

Ну, конечно, можно рукой достать. И почему это яркая звезда все ближе становится к Павлику? И почему у него словно при каком-то необычайном полете дух захватывает?

Это он, Павлик, оторвавшись от земли, несется в звездном пространстве... И ему совсем в этот момент не страшно — он как бы частичка звездного мира.

Мерцание звезд и плывущий куда-то большой месяц... И наступившая, вдруг, тишина, необыкновенное беззвучие... Только полет все выше и ближе к звездам.

А это совсем уже чудесно... Дивная песня, неземная... Мелодия — гимн. Теперь она неслась от далеких звезд, наполняла все звездное пространство, падала туда вниз, где должна быть земля, откуда оторвался Павлик.

Слава в вышних Богу,
И на земли мир...

Сначала замерло маленькое сердце. А потом, грудь стала наполняться дивным, неземным. Все существо Павлика в чудном мире рождественского праздничного: поют звезды, плывущий месяц. Кажется, что теперь уже эта дивно-прекрасная мелодия несется от земли к небу, к звездам...

Но это не было так...

В то время, как небесная, ангельская песнь постепенно стихала, замирала, Павлик чувствовал, что он теперь уже летит вниз какой-то падающей звездой. Так казалось ему. А тут еще ощущение: не достигнув еще земли, разсыпавшись искрами, он сгорит как метеор...

Как-бы предчувствуя такое падение на землю, бедный Павлик вдруг ощутил во всем теле необыкновенный жар, он весь горел, пылал...

Сейчас, сейчас падение на землю, а если и не падение, то от него только сноп разсыпающихся искр... Только и всего. Все равно и в одном, и в другом случае — смерть...

Но, что это?

Падения нет... Страшного тоже нет. И жар в теле ощущается как будто меньше. Совсем, совсем легкий и плавный спуск вниз. Махая плавно руками, как крыльями, все ниже и ниже, туда, где в лунном сиянии какой-то город.

Что за город? Нет, сейчас, в этот момент, еще не разсмотреть: дома, строения, церкви — все сливается в одну сплошную громаду.

Все ниже и ниже Павлик над каким-то городом. Вот уже можно разсмотреть отдельные высокие здания, колокольни церквей... Но странное дело: во всем городе ни одного огонька и он весь в только лунном волшебном сиянии.

А это полет уже совсем низко, над крышами домов. И до чего все знакомо: улицы, дома, большой городской сад, занесенный снегом. Родной город под белым покровом. Красив и чудесен в волшебном свете луны.

Сейчас, сейчас Павлик опустился над знакомой крышей родного дома, он тут близко. И ему надо в этот момент что-что вспомнить... А что? И это должно быть что-то важное, особенное, необыкновенное...

И пока он старается что-то припомнить, как с ним опять какая-то метаморфоза. Полет его прекратился, он над крышей родного дома. Слышны голоса. Больше всех выделяется голос сестры Лиды. А вот и она сама показалась в раскрытых дверях, как будто ждала его, что он может тут появиться в этот момент.

— Мама, папа! Скорей сюда! Папа, мама! Чудо... Наш пропавший Павлик... Милый Павлик!

Его и не узнаешь... Вырос... И в солдатской шинели... Павлик, Павлик... Какая это радость и завтра — Рождество...

— Павлик проснись! Проснись же, Павлик! Вот разоспался кадетик! Никак не добудишся...

Чья то рука усердно тормошила Павлика, но ему так не хотелось оторваться от каких-то чудных сновидений, казавшихся такой милой и желанной действительностью.

Что это? Где это он? И куда исчезла словно растаяла сестра Лида, только что стоявшая в дверях, встречавшая его радостно звеневшим голосом... И звала она кого то еще?..

Так это был всего лишь сон... Боже, какой прекрасный, дивный сон! И зачем, кому это понадобилось оторвать его от приятных сновидений?

Как жарко! Неужели же это так жарко ему только от раскаленой печки? Но почему у него как бы горит все тело и внутри жар, пылает голова. Словом он весь в огне?

И почему это так шумят вскруг голоса, какие-то куда-то сборы, стучат приклады винтовок, звенят штыки? Действительность это или сон? Никак не понять: голова кружится, пылает и опять кто-то сильно трясет его, что-то говорит. О чем это? Надо куда-то собираться? Куда, зачем?

С трудом Павлик поднялся, с еще большим трудом спустился с нар. Тут его сильно качнуло в сторону. Если-бы кто-то не поддержал его, наверно грохнулся бы на пол.

Кто это его поддержал, не дал свалиться на пол?

А... Это добровлец Наташа... Впрочем, в роте для всех, начиная с командира, девушка — только доброволец Московиченко, а для Павлика, разве в редких случаях, когда они только вдвоем, наедине — она Наташа.

У них свои „тайны" и они поверяют друг другу многое. Конечно, больше разсказывает о себе и о своих родных: папе, маме, сестре Лиде, Павлик, и о том, как его в семье все любят и как он, вскоре, убежал из дому, пристал к добровольцам. Наташа для Павлика как старшая сестра. Пожалуй они с Лидой одногодки. Наверно Наташе, как и сестре, не больше восемнадцати. А какая она серьезная и строгая... А в бою? Суровая, храбрая.

Куда-же это мы?

Павлик обвел всех каким-то смутным, ничего не понимающим взором. На него никто не обратил внимания, лишь добровлец Наташа, сама уже совсем готовая, в шинели, с винтовкой в руках, поторапливала его: — Павлик, скорей, сейчас выступаем, а ты еще не готов. — И тут-же, поставив свою винтовку, начала помогать ему собраться, видя, что он как не свой, а ему самому стыдно признаться в том, что с ним что-то неладное, что его знобит, ломит, что в голове у него какая-то муть.

Какой лютый мороз! Это заметно по тому, как пар валит у каждого изо рта. Но Павлик совсем не ощущает никакого холода. Наоборот, его обдает жаром. Он бредет как в каком-то бреду. Куда, зачем? Если это действительность, то какая она довольно странная...

Впереди и куда ни посмотрешь — только белая пелена сверкающего, переливающегося алмазами, снега. И ничего больше. И только, вот, они, чей скрип звучно разносится в морозном воздухе, пошли куда-то, оставив благодетельное тепло вагонов-теплушек. Впрочем, Павлику и без раскаленной до бела печки сейчас жарко, но он с охотой бы вернулся назад, чтобы снова забиться в угол и слышать голос-полушопот, разсказывающий о чем-то необыкновенном, чудесном. О чем это?

Как это мутит его, кружит голову, застилает туманом. И никак не вспомнить, что же было до этого. Что-то замечательное. Как будто он летал, видел звезды, яркие, яркие и звучало что-то. Дивная мелодия...

Тр-та-та... Тах, тах, тах!!! Что это? И почему это вокруг мутное, кружащее? И ничего не видно, но только справа, то слева, то сзади это: тах, тах, тах!..

Мятель, пурга. Слепит глаза, а в мутном — неприятное, пугающее трах, трах, трах!..

Ах, как больно! Прямо в ногу, как иглой, чем то острым в пятку. Сначала, как будто, ничего, а потом дальше — больно ступать. Адские боли. И все куда-то поспешно уходят. Его, Павлика, оставили. Он мешает идти.

Конечно оставили... Он один. Среди мутного, воющего, слепящего. Смерть... Уже не слышно этого пугающего — тах, тах, тах!..

Страшно... Жутко... Гибель среди мутного...

А как-же то, здвездное, рождественское?

Ангелы с пастырями славословят...

— Павлик, Павлик, не бойся, я с тобой. Тебя не оставлю. Вместе — с тобой... Как нибудь добредем. Это не так далеко. А мутное — это даже хорошо: оно нас укрывает от тех, для кого сегодня не праздник, не Рождество...

Вот так хорошо, Павлик, маленький кадетик. Обопрись на мое плечо и за мной на одной ноге, как нибудь. Недолго так, а там — снова в вагон-теплушку и я снова продолжу прерванное: о Рождестве, о елке, о том, как это чудно в такой вечер быть среди своих, милых, близких, родных и когда во всем мире у всех людей в их сердцах звучит только одно дивное ангельское:

Слава в вышних Богу...

Что это? Куда это исчезло, растаяло мутно-серое мятели, воющей пурги? Не крутится больше пылающая голова, нет, как будто, жара во всем теле. Какое-то, чуть, чуть проясняющее новое, другое сознание, просвет куда-то. Сейчас, как будто, уже не сны-видения... Слышны голоса. Да

это уже из какой-то другой приятной действительности. Что-то знакомое в радостных голосах. Нужно открывать глаза? А вдруг, только сон и в миг все исчезнет, а предстанет неприятное настоящее: степная одинокая станция, на далекое расстояние белый покров снега и то мутное, где-то в поле, в степи и острая боль в пятке... И грозное пугающее воющей пурги...

Переговариваются голоса. Лида, папа, мама...

Откуда они здесь? А и он то где?

Чуть чуть дрогнули веки, стали приподниматься, а свет электричества словно сквозь щель...

Боже, до чего все знакомое... Просто не верится. Он дома, в своей спальне. Его комната. Как уютно. На кровати чистое белье. Какая метаморфоза... А не потрогать ли пятку? Была, ведь, боль?

Пошевелил ногой. Нет, все в порядке. Никакой боли, а тут уже Лида радостно:

— Вот хорошо, Павлик, вот чудесно! Проснулся, пришел в себя и головка не болит. — Потрогала рукой голову. — Ну, конечно, никакого жара. Совсем хорошо, а завтра Рождество и Павлик наш с нами!..

Завтра Рождество... Он дома, со своими родными...

А что же было с ним до этого?

Действительность или сон? И в самом деле, когда же у него начался бред, начало тифа? И как с кем он попал к своим? Наташа, суровая и храбрая девушка — доброволец, она тоже тут, близко. Она многое может о маленьком кадете Павлике рассказать. Но лучше пока так. Ничего не рассказывать. Пусть живет сейчас только одно рождественское, праздничное.

Ф. Дудецкий.

25. XII. 1960 г.
Бельгия.

9-го Драгунского Казанского ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОГО ВЫСОЧЕСТВА ВЕЛИКОЙ КНЯЖНЫ МАРИИ НИКОЛАЕВНЫ полка

поручик Г. М. Маринич
и корнет А. А. Ступников

поздравляют однополчан и однодивизников с наступающими праздниками *РОЖДЕСТВА ХРИСТОВА и НОВЫМ ГОДОМ* с пожеланием всякого благополучия.

БОРЬБА АФРИКАНСКИХ НАРОДОВ С КОММУНИЗМОМ

Африка, с появившимися теперь молодыми государствами, превратилась в большую арену борьбы между Свободным Миром и наступающим на этот Мир (под ложными лозунгами: „мирного сосуществования", „невмешательства", „культурный обмен" и т. п.), интернациональным коммунизмом. В ущерб своей, расползающейся по всем швам „социалистической экономики", построенной на терроре, обмане и выжимании последних соков из народа, коммунистические „вожди" и особенно Хрущев вкладывают огромные средства для инфильтрации, подрывной деятельности, подкупа организаций и лиц (типа Лумумбы, Ф. Кастро и др.), проведения провокационных возстаний и путчей — посылая массу оружия и военного снаряжения, забирая тысячи африканцев (под маркой студентов для обучения их за счет российского народа) в целях создания из них основных кадров подрывной деятельности и будущих „правителей и министров" Африки. В африканском предприятии Хрущев одним выстрелом нацелился убить сразу пять зайцев: 1 — Включить еще одну часть света в число коммунистических, получив несколько сот миллионов покорных и безсловесных рабов для завоевания мира. 2 — Окончательно выжать из Африки страны Западной Демократии, захватить в свое пользование миллиарды, вложенные странами Запада в этих странах, получить огромные количества сырья, залежи минералов и др. жизненно необходимых богатств для выправления своей экономики и в тоже время создать экономический хаос и кризис в странах эксплуатирующих Африку. 3. — Организовать военные базы для запугивания западных демократий и заставить их капитулировать без сопротивления. 4 — Отвлечь внимание так наз. Свободного мира от основной цели — захвата всех стран Латинской Америки при помощи Ф. Кастро и многих других агентов коминтерна, работающих теперь совершенно свободно в этих странах, как то: Венецуела, Аргентина, Гватемала, Никарагуа, Мексика, Уругвай, Панама, Боливия, Коста-Рика и др., а также содействовать своему восточному собрату — Красному Китаю в захвате ряда азиатских стран и главным образом Национального Китая. 5 — Запугать и заставит ярого нейтралиста — Неру — переключить Индию в лагерь коммунистический, вписав в свой текущий счет еще 360 миллионов населения.

Хрущев перед затуманенными глазами Свобод-

ного Мира начал по настоящему „хозяйничать" в Африке и ему удалось включить в свой лагерь правителей: Ганы, Гвинеи, Мароко, Мали и будущего Алжира (правительство в изгнании), но... на Бельгийском Конго (которое он уже почти прибрал к рукам) он потерпел первое и тяжелое поражение, но не от Свободного Мира, а от африканцев. Молодой африканец — полковник Мобуту, не испугавшись превосходящих сил, угроз ракетами и даже башмаком, не только устранил навязанное Хрущевым коммунистическое правительство Лумумбы, но не без треска вышвырнул в течении нескольких часов весь хрущевский аппарат, вместе с их самолетами, пропагандным материалом, инструкторами и техниками.

Второе, не менее чувствительное, поражение от африканцев же Хрущев получил в ООН, где ни одно из его предложений и особенно по развалу ООН не были поддержаны и провалены. Третье поражение Хрущеву нанесли африканцы же признав делегацию в ООН законного президента Касавубу, а не протежируемого им Лумумбу. И четвертое, пожалуй самое выразительное, поражение от африканцев Хрущев сейчас испытывает от завезенных им в Москву африканских студентов, которые были навербованы для организации из них верных коммунистических кадров.

Второе и не менее катастрофическое поражение Хрущева от африканцев было продемонстрировано в ООН, когда ни одно из его предложений и особенно по дискредитированию этой международной организации не были поддержаны.

Затем в ООН же была признана официальная делегация законного президента Конго — Касавубу, вместо протежируемого Хрущевым Лумумбы. Помощники Хрущева — представители Ганы, Гвинеи и др. цели не добились. И, пожалуй, самое чувствительное поражение Хрущев сейчас переносит от завезенных им в Москву африканских студентов, которые по идее должны были быть правоверными коммунистами. Эти студенты не только в открытой форме в самом СССР разоблачают коммунизм и протестуют против произвола, насилия и дискриминации, но организовали свои союзы и исполнительный комитет, объединяющий эти союзы. К. П. С. С. вынуждена применять суровые меры вплоть до высылки „бунтовщиков" за пределы страны. Студенты и сами бегут, осаждая американские и другие посольства для получения средств и виз на выезд. Ста человекам американцы оказали помощь в выезде, и студенты заявили о своем желании образование продолжать в Америке. Эти выехавшие студенты, выполняя волю исполнительного комитета, опубликовали в западной печати открытое письмо, адресованное на имя правителей африканских государств и народам мира. Здесь приводятся выдержки из этого очень пространного письма, выдержки не требующие комментариев: „Исполнительный комитет африканских студенческих организаций в Москве позволяет себе от имени всех лояльно мыслящих африканцев обратить внимание всех правительств Африки на обман, угрозы, гнет, грубость и дискриминацию, которые проявляются в обращении органов советского руководства и управления по отношению к африканским и другим иностранным студентам. Мы хотели бы особенно подчеркнуть ту огромную опасность, которую представляет коммунизм для подлинного африканизма. Мы ненавидим колониализм и расовую дискриминацию в любой форме. Однако, коммунистическая система и ее стратеги выдвигают новые опасные формы колониализма и расовой дискриминации. Эти формы представляют серьезную угрозу для будущего Африки. Наше решение выступить с обвинениями против коммунизма перед народами Африки, так и перед мировым общественным мнением, было вынесено на тайном собрании исполнительного комитета в Москве, в котором были представлены студенты из Алжира, Камеруна, Конго, Ганы, Гвинеи, Кении, Мали, Марокко, Нигерии, Судана, Того, Туниса, О. А. Р. и Уганды. Наши обвинения направлены только против коммунистических администраторов, *но отнюдь не против дружественного нам русского населения, которое идет нам навстречу и выражает свои симпатии.* При нашем прибытии в Сов. Союз нас встречали исключительно дружественно и даже отпраздновали наш приезд. Мы были такой встречей чрезвычайно тронуты и обязаны были опубликовать по радио различные заявления, благоприятные и полезные коммунистическому режиму. Вскоре в этом мы стали раскаиваться, когда познакомились поближе и на собственном опыте. С наших глаз постепенно спадала пелена и мы испытывали как менялось к нам отношение коммунистических властей, когда мы осмеливались говорить „нет" или просто намекали, что не все в стране марксизма-ленинизма является совершенным. И что особенно нас оскорбило и поразило, что мы здесь, в условиях советского строя, встретили многообразные и глубоко укоренившиеся формы дискриминации. Иностранные студенты и особенно афро-азиаты натолкнулись здесь на трудно переносимые унижения со стороны коммунистического руководства. Сотни честных и серьезных советских студентов были наказаны за свою близость и общение с нами, иностранцами. Коммунистическое руководство энергично экспортирует свои пропагандные изделия во все страны мира, но запрещает свободный ввоз иностранной литературы в страну. Поистине „сосуществование"! Наиболее показательным актом дискриминации было создание „Университета дружбы народов". Такой отдельный университет для африканцев, азиатов и латино-американцев является, конечно, оскорблением. Этот университет нарушает традиционные понятия, что всякий университет есть открытый храм науки для всех, не-

зависимо от расы, религии и происхождения. Мы рассматриваем это мероприятие не только как попытку поставить иностранных студентов на высшую ступень в деле воспитания и обучения, но и *как стремление изолировать советский народ, советскую молодежь от контакта с иностранцами*. Ни в одной стране коммунизм не пришел к власти путем свободных выборов. Новая коммунистическая форма колониализма ясно обозначена. И то, что коммунизм в Конго создает хаос с его последствиями, также ясно. Но для нас категорически ясно и то — *мы не хотим коммунизма в Африке*. Мы не желаем ничего, чтобы нас разлагало. Будем ли мы свободны, если свободу продадим коммунизму? Да сохранит нас Бог от этого! По поручению исполнительного комитета объединения африканских студенческих организаций — Э. Р. Омар из Уганды".

Как же реагирует Свободный Мир на эту борьбу африканских народов с коммунизмом? Если раньше Своб. Мир решил не вмешиваться в подавление Хрущевым танками возстаний в Берлине и Венгрии и не реагировать на массовые разстрелы и ссылки, то в Конго решил вмешаться и... ощутительно. Вместо поддержки действий законного президента — Касавубу и его помощника полк. Мобуту, смело сорвавшего перед всем миром маску с Хрущева, Своб. Мир продолжает финансировать крупные воинские соединения коммунистических и прокоммунистических правительств: Югославии, Ганы, Гвинеи, Мали и др., войска которых не только вмешиваются во внутренние дела и связывают действия признаного ООН президента и его правительства, но, безчинствуя и создавая хаос, провоцируют на военные действия, в результате которых уже погибло много африканцев. Кроме того, поддерживают требование Хрущева об освобождении его ставленника Лумубы, требуя деликатного с ним обращения, который предается суду за измену, предательство и подстрекательство к мятежу. На практике получается то, что было и с русским народом, брошенному на милость Бога и на произвол судьбы, к нему сейчас присоединены афро-азиатские народы, которые вынуждены защищаться и обороняться не только от коммунизма, но и от Свободного Мира. Эти народы еще не испытали на себе всех „достижений", и основной сущности тоталитарного интернационального коммунизма, но своим нутром предвидящих для себя смертельную опасность. Они практически доказывают, что коммунизм силен только там, где его боятся. Там же, где ему дают хотя бы минимальный отпор — он отступает, потому, что антинароден и малейший взрыв развяжет руки народу за Железным занавесом и этого „вожди" боятся больше чем атомных бомб, ракет и самолетов. *Главным союзником в борьбе против коммунизма всегда есть, была и будет Россия и ее народ* — в противном случае борьба безсмысленна и обречена на провал. Да поможет ему Господь Бог в этой великой исторической борьбе за освобождение себя и всех покоренных народов и нам, эмигрантам, всех рангов и положений и американскому народу! Не в силе Бог, а в правде!

П. Быков

ТО, О ЧЕМ НЕ ПИШУТ

Ни для кого не секрет, что среди эмиграции существуют настроения резко отрицательные к установкам и деятельности Свободного Мира в так называемом „русском вопросе". Не секрет также и наличие среди эмиграции мнений, одобряющих некоторые действия и мероприятия Советской Власти в области внешней и внутренней политики. Конечно, далеко не все и далеко не всегда.

Замалчивать эти мнения и настроения, как это делает эмигрантская печать, вряд ли полезно для дела подлинной борьбы с коммунизмом.

И совсем уже неразумно называть эти мнения „просоветскими" только потому, что они идут в разрез с политикой Свободного Мира, который в последние годы открыто заявляет, что его цель — ликвидация России, как единого государства, и отождествляет коммунизм с русским народом.

Как же могло случиться, что среди эмиграции появились эти мнения и настроения, которые некоторые, не задумываясь над их сущностью и причинами, называют „просоветскими" или „совпатриотизмом"?

Не заслуживают ли они того, чтобы над ними задуматься и попытаться найти их объяснение, которое укажет и способы лечения?

***

С тяжелым сердцем, но твердой верой в Запад и его желание помочь делу антикоммунизма, оставила когда то эмиграция Россию.

Борьба за единство, свободу, величие и честь своей Родины кончилась поражением под напором интернационального сброда, съехавшегося со всего мира и выползшего из всех щелей подполья необъятной России.

И целые полки — латышские, китайские, венгерские, — и целый легион „углубителей революции", не признающих ни национальности, ни отечества, сумели демагогическими лозунгами обма-

нуть население России и захватить над ним власть.

Запад, в парламентах которого тогда не было ни одного коммуниста, говорил красивые слова о сочувствии Национальной России — и эмиграция верила. А за кулисами тот же Запад всячески поддерживал и оснащал коммунистическую власть, прикрываясь тем, что все сделки и концессии — это дело частных лиц и что никакого влияния на антикоммунизм Запада они не имеют. — Верила эмиграция и в это. Ведь трудно же было допустить, чтобы Свободный Мир поддерживал тех, на знаменах которых было написано „смерть свободе", чтобы он содействовал „марксистскому эксперименту", который в случае успеха по нескрываемому плану должен быть распространен на весь мир.

Верила эмиграция и во внутренние силы России, надеясь, что при содействии и поддержке (хотя бы только моральной и финансовой) со стороны Запада сам народ добьется свободы и свергнет коммунистическую власть.

Верило и население России, что Запад и весь Свободный Мир не враг ему, а друг, и надеялось на его помощь в деле своего освобождения.

Вопрос целости и единства, захваченной коммунистами, России тогда вообще не поднимался и в коммунизме русский народ в целом никем не обвинялся.

Деятельность же разных самозванных сепаратистических „Правительств в изгнании" и их тайная поддержка некоторыми государствами Запада были настолько ничтожны, что эмиграция не обращала на них внимания, считая все это „мышиной возней", а представители государств Запада сами стыдливо скрывали всякий контакт с ними.

Даже Гитлер, хотя и имел планы расчленения России, явно и декларативно об этом не заявлял, как это делается в наши дни. Свои расчленительские планы он прикрывал фразами о создании „Новой Европы", не обвинял поголовно русский народ в коммунизме и провозглашал беспощадное истребление всех коммунистов, не только русских, но и своих — немецких.

**
*

Вторая мировая война и последующие за ней годы внесли ясность и отчетливость в отношение всего некоммунистического мира к России, русскому народу и его стремление освободиться от коммунизма.

Сначала политика Гитлера на Востоке, спасение, уже падавшего, коммунизма некоммунистическим миром, выдача им антикоммунистов на расправу — все это раскрыло глаза и эмиграции и населению России и убили все их надежды на помощь Свободного Мира в деле борьбы с коммунизмом.

Целым рядом высказываний ответственных политиков Свободного Мира, резолюций его представителей и даже единогласно принятого в США закона с предельной очевидностью продемонстрировано, что так называемая „борьба с коммунизмом" на самом деле есть борьба против России и русского народа.

„Народом — убийцей" назвал наш народ один из возглавителей католической церкви кардинал Спэлман еще в 1952 году на Евхаристическом Конгрессе в Барселоне.

„Продолжателем царского империализма" назвал коммунистов министр Чан Кай Чека г. Цан в Объединенных Нациях.

А Де Голь заявил, что „будет спать спокойно, когда русские будут за Уралом".

„Пожирателем народов" названа Россия в резолюции, вынесенной представителями всех государств Америки в Антигве.

Единогласно был принят в Конгрессе США закон о „Плененных Нациях", предопределяющий расчленительскую по отношению к России политику США.

Из года в год представители Свободного Мира регулярно приветствуют всякие самозванные сепаратистические „Правительства в изгнании", когда они устраивают торжества по случаю годовщины тех дней, когда кучка социалистов отдельных народов России, не будучи никем уполномочены, провозгласили отделение своих народов от России.

А газеты и журналы всего мира печатают соответствующие статьи и помещают карты, на которых высчитано, во сколько минут сколько можно уничтожить „русских" путем запуска ракет с многочисленных баз, окружающих СССР.

Многочисленные же учреждения Свободного Мира, созданные „для борьбы с коммунизмом" ведут эту „борьбу" в духе резолюции в Антигве и закона о „Плененных Нациях".

Не видеть все это и не понимать, что такая „борьба" полезна только коммунистам (ибо дает им основание выступать в роли защитников единства государства), могут только те, кто не хочет видеть или не способен понимать.

Эмиграция это видит, понимает и трагически переживает, хотя и молчит. Отсюда ее резко отрицательное отношение, как к учреждениям Свободного Мира, подменившим борьбу с коммунизмом борьбой с Россией и русским народом, так и к их многочисленным служащим, нанятым из рядов эмиграции.

Отсюда ее „политическая апатия", потеря пафоса борьбы, ее молчание.

Но это вовсе не „просоветские настроения", не „совпатриотизм", даже не „примирение с советской властью", хотя бы и частичное. Это просто логический вывод изо всего происходящего, горькое сознание невозможности в данный момент

принять хоть какое либо участие в подлинной борьбе с коммунизмом.

Будучи не только антикоммунистической, но и антимарксистской, глубоко национальной, эмиграция органически не может принять участие в деятельности учреждений, преследующих антирусские цели и инспирируемых или руководимых представителями или последователями той самой социалистическо-марксистской так называемой „революционной демократии", которая уже один раз погубила Россию в 1917 году.

Как тяжкий молот, все упомянутое выше, бьет по антикоммунистическим и российско-патриотическим чувствам эмиграции. Кое кого дробит и бросает по путям самым различным: одних — по путям прислужничества и участии в антирусской деятельности Свободного Мира; других — по путям полного отхода „в быт"; третьих — по путям внутреннего примирения с Советской Властью. Нечего скрывать — есть и такие, к счастью их не много.

Но основное ядро, главная масса эмиграции, несмотря на все, в глубинах своих, приглушенных обстоятельствами, чувств, остается непоколебимо и подлинно антикоммунистичной и подлинно и глубоко патриотичной.

И если она сейчас вынужденно молчит, то это не значит, что она мертва, что, как носитель и выразитель национально-патриотической идеи, она перестала существовать.

И по пути примирения с коммунизмом она не идет, несмотря даже на то, что в последние годы в своей политике Советская Власть делает не мало такого, что бы сделала и эмиграция, если бы пришла к власти. Нужно иметь смелость в этом признаться.

Отобрание от Польши исконных русских земель; поднятие обороноспособности страны на такую высоту, что вся Европа вместе взятая о каком нибудь нападении (как это она не раз делала в прошлом) не смеет и мечтать; уравнение в правах русских с теми инородцами, которые четверть века были на привилегированном положении...

Разве к этому не стремилось бы и правительство Национальной России, если бы была свергнута Советская Власть?..

Конечно, эмиграция понимает, что все это делают коммунисты не из любви к России, а или из желания укрепить и расширить свою власть, или под влиянием настроений народа, в котором растет и крепнет национальное чувство, вопреки всем интернациональным идеям и лозунгам коммунизма.

Но понимает она также и то, что, в конечном результате, после замены власти коммунистической властью национальной, не будут уже поляки хозяйничать на исконно русских землях, Европа делать „походы на Восток", а интернациональный сброд управлять Россией.

Назвать это понимание „совпатриотизмом", конечно, нельзя. Но нельзя и не признать, что понимание это может создать у людей недостаточно стойких, оскорбленных в своих лучших чувствах политикой Свободного Мира, предпосылки для внутреннего примирения с Советской Властью.

Всемерно бороться с этим — первейшая задача подлинно антикоммунистической эмиграции.

Не путем замалчивания или отрицания наличия опасных настроений, а путем гласного их обсуждения и поисков возможностей изменить политику Свободного Мира в „русском вопросе", порождающую и укрепляющую эти настроения.

К глубочайшему сожалению, в этом направлении или не делается ничего или делается в таких просительно-унизительно-подобострастных тонах, что все „резолюции", „письма", „декларации", делаемые от имени эмиграции лицами, называющими себя ее „лидерами", не производят никакого впечатления.

Мелодекламацией же о своем антикоммунизме и, набившими за 40 лет оскомину, статейками о „началах конца" большевизма, его „тупиках" (а он все прет вперед!) и о недостатке селедок) или ситца в СССР, мы ни большевизма не свергнем, ни дух эмиграции не укрепим.

А замалчиванием или „смягчением" действий Свободного Мира оскорбляющих национальное достоинство российских патриотов — антикоммунистов мы косвенно берем на себя долю вины за его гибельную для Свободного Мира и полезную большевикам политику в „русском вопросе".

А. Дикий

В следующем номере предположено поместить возникшую полемику между г. г. А. И. Диким, Г. В. Месняевым и Б. К. Ганусовским — по поводу весьма интересного и актуального вопроса — мы — эмиграция, русский народ, коммунизм и Свободный мир. Основанием полемики послужила статья г. Дикого о Вечной России, помещенная в Нашей Перекличке, на нее был дан ответ г. Месняевым в газете „Россия" и несколько статей г. Ганусовского и г. Дикого в „Русской Жизни". Вышеприведенная статья г. Дикого говорит о том, что замалчивать возникшие настроения больше нельзя и что мы — эмиграция — в создавшейся весьма напряженной политической обстановке должны дать себе полный отчет и занять определенное место. Полемика по этому вопросу может продолжится.

Редакция.

ФОТО-СТУДИЯ Н. ТЕЛЯТНИКОВ

561 W. 141 St., NEW YORK 31, N. Y.

поздравляет друзей, знакомых и клиентов
с праздником
Рождества Христова и Нового Года.
и желает всем доброго здравия и всякого благополучия.

Н. Потоцкий

РУССКИЙ СОЛДАТ БУДУЩЕГО

Без всякого шовинизма и бахвальства можно смело утверждать, что русский солдат (как и русский матрос) испокон века и до последней войны включительно показал себя одним из первых бойцов в мире. От дружинников первых киевских князей, через ратников Поля Куликова, суворовских чудо-богатырей, защитников Севастополя, Шипки и Порт-Артура и до стрелков, автоматчиков и танкистов Сталинграда и Берлина им было вписано в страницы военной истории столько личных и коллективных подвигов, что на полное описание их понадобилось бы несколько толстых томов, — которые, даст Бог, и будут когда-нибудь составлены, да ведают потомки православных честь русского воина и славу русского оружия.

И далеко не одни русские военные историки и бытописатели засвидетельствовали эту славнейшую репутацию российского воина — удостоверили это многократно и те противники его, которые мерялись с ним на ратных полях, великие мировые полководцы, а в последних войнах — иностранные журналисты и наблюдатели, военные атташэ нейтральных держав, прикомандированные к нашей действующей армии и к войскам наших врагов. Если всем известно знаменитое изречение Фридриха Великого о том, что „русского солдата мало убить, его надо еще и повалить", то мало кто знает гораздо более глубокий по содержанию отзыв такого знатока воинских качеств, как Наполеон, который сказал, что „русский солдат дерется так же хорошо на другой день после поражения, как и на другой день после победы", чем в двух словах определил самую сущность его воинской психологии—непоколебимую духовную стойкость, делавшую русского воина несравненным фактором победы в руках достойных вождей. И не его вина, что на протяжении русской военной истории ему пришлось быть участником не только блистательных побед, но и горьких поражений: если еще в Московской Руси начальниками его нередко оказывались те дворянские сынки, о малодушии и шкурничестве которых приходится с горечью читать весьма нелестные строчки у Ключевского, если во время войн крымской, русско-турецкой и японской его противники оказывались систематически вооруженными и снабженными лучше, чем он, в 1915 году наши роты принуждены были иногда отбиваться камнями от фаланги Макензена и если в 1941/42 г. г. самые основы его воинского и просто русского духа были подорваны, извращены и загажены четвертью века духовного и физического насилия безбожной, бездушной и бессовестной власти, а его природные воинские достоинства позорно преданы той „готовностью к войне", о которой хвастливо кричали его бездарные красные вожди, — то кто же может бросить камень в русского солдата за то, что, вопреки наличию в нем всех данных для того, чтобы всегда быть победителем, ему приходилось иногда отступать и даже бежать, или сдаваться на милость „расы господ", в которых он готов был видеть освободителей своей Родины от проклятого гнета коммунизма?

Из всех этих горьких уроков прошлого, подкрепленных тщательным изучением жизни нашей армии и в царское время, и в СССР и личным опытом еще уцелевшего зарубежом русского и советского офицерства, мы обязаны передать новым поколениям нашего народа и будущим строителям Российской Национальной Армии наши мысли о русском солдате будущего, о том его духовном, физическом и боевом облике и внутреннем содержании, которые сделают его несокрушимым оплотом своего Отечества и полноценным гражданином своей страны.

Само собою разумеется, что главной предпосылкой создания *такого* российского бойца является прежде всего его духовное и физическое воспитание в годы, предшествующие его призыву на военную службу. Уже с самых детских лет, сначала в семье, а затем в школе каждый русский гражданин должен будет воспитываться в духе религиозно-нравственных основ христианской и других религий и на путях глубоко продуманного и искусно осуществляемого постепенно развиваемого национального самосознания: познания своей великой Родины, любви к ней и гордости ею, самоотверженной привязанности к верховной власти, как воплощению Идеи Божьей Правды на земле и как гарантии практического осуществления этой Правды в ее социальной, политической и экономической структуре, и глубокого осознания своего долга — служить благу своей страны вплоть до полного самопожертвования. Не менее важно, чтобы, вступая в ряды армии, каждый русский юноша был полноценен и в физическом отношении, будучи воспитан в семье и в школе на основе принципа „здоровый дух в здоровом теле", т. е. в знании основных принципов гигиены, с участием в различных видах здорового спорта и с элементарной подготовкой к наиболее простым воинским упражнениям.

Только при этих условиях молодой воин будет благодарным материалом в руках своих новых учителей и воспитателей, младшего, среднего и высшего командного состава вооруженных сил.

Дальнейшая обработка этого прекрасного по своим первичным данным материала должна будет состоять прежде всего в усовершенствовании его духовных рессурсов. На первом плане здесь

должно будет стоять религиозное воспитание бойца. Не говоря уже о красной армии, где это воспитание отсутствуют начисто, нужно признать, что и в старой армии это воспитание оставляло желать много лучшего. Было оно чисто формально: хождение в церковь, где простой солдат почти ничего не понимал в богослужении и молитвах и не часто слышал вдохновенные проповеди своих духовных пастырей, исповедь и причастие, молебны на парадах в „царские дни" и пение молитвы утром и вечером. В будущей Российской Армии на это религиозное воспитание должно быть обращено самое серьезное внимание. В программу так называемой „словесности" необходимо ввести по крайней мере два часа в неделю бесед на религиозные темы: объяснение текста богослужения и молитв, обрядов, символов и т. п., краткий курс Священной Истории и т. п. Ясно, что одному полковому священнику с такой задачей справиться невозможно. В помощь ему в этой области должны быть мобилизованы особенно религиозные и развитые солдаты и унтер-офицеры, а также отбывающие воинскую повинность воспитанники духовно-учебных заведений, которые, в свою очередь, должны подготовляться к такой вспомогательной деятельности не только полковыми священниками, но и на специальных краткосрочных курсах при военных округах.

Столь же важно будет и продолжение в армии и флоте развития национального самосознания молодых бойцов. Этому делу должны быть посвящены достаточные часы в общем цикле „словесных" занятий. Не говоря уже об обучении грамоте для неграмотных, если таковые еще будут, рядовые бойцы должны будут проходить краткий курс отечественной истории и географии, элементарные сведения о политической, социальной и экономической структуре своей страны, при чем главной целью этих занятий должно быть не только повышение общего культурного уровня бойцов, но и внедрение в их души здорового патриотизма, т. е. сознательной любви к Родине и к ее Верховной Власти. Какую громадную пользу своему народу принесли бы те зарубежные писатели и журналисты, бывшие офицеры (а таковых не мало), которые составили бы уже теперь для будущей Российской Армии краткие учебники для таких занятий и инструкторские пособия для младшего и среднего командного состава. Эти учебники принесли б громадную пользу, если бы, после падения красной власти, могли бы сразу быть использованы тем Культурно-Просвитительным Управлением, которое должно непременно быть создано при Военном Министерстве и через специальные курсы которого проходили бы периодически все младшие и средние командиры. Таким образом будет достигнуто то, что никаких „политруков" существовать не будет, но каждый командир будет надлежащим образом подготовлен для своей культурно-воспитательной миссии в великом деле превращения всех российских бойцов в духовно монолитную и в здоровом духе национального самосознания воспитанную массу полноценных российских граждан. Отметим мимоходом, что громадную роль в этой области сможет играть кинематограф, снабженный высокопатриотическими фильмами, в особенности из отечественной истории, так же, как и соответствующие радио-передачи. Организация полковых театров с пьесами такого же патриотического содержания, концертов, докладов на самые живые и интересные темы, все это точно также будет служить делу укрепления морально-патриотических устоев наших бойцов, которые, в результате всего этого, уходя из армии к своим обычным занятиям, будут надежными и энергичными проводниками здорового национализма и патриотизма в своих деревнях, на заводах, фабриках и всевозможных учреждениях. В итоге всего вышесказанного скучнейшая марксистская „политграмота" будет заменена интересными и привлекательными для солдата занятиями, которые будут способствовать прививке ему не только образования, но и основных устоев человеческого и воинского достоинства, тяготения к Правде, Добру и Красоте. Такая армия, при наличии столь же достойных командиров, будет действительно непобедимой при наличии, разумеется, всех прочих технических и материальных условий.

В этом последнем отношении народная экономика должна будет сделать максимальное напряжение, чтобы обеспечить людскому составу своих вооруженных сил обеспеченное, сытное, комфортабельное и во всех отношениях достойное существование. Всец должен иметь удобную и щеголеватую форму, сытный здоровый и разнообразный стол (чего в красной армии нет даже для многих офицеров), жалованье достаточное для покупки предметов первой необходимости и для скромных развлечений. Кроме того, он должен иметь годичный отпуск на две или три недели, в период которого он, в свою очередь, в результате получаемого им здорового национально-патриотического воспитания, будет оказывать такое же благодетельное влияние на членов своей семьи, на своих односельчан или бывших товарищей по фабрично-заводской работе.

Особенное внимание должно быть обращено на учебные команды, эти питомники младшего командного состава, являющегося духовным, техническим и боевым костяком национальных вооруженных сил. Эти рассадники ценнейших кадровых элементов армии и флота должны поставлять им не только отличных строевиков и специалистов в той или иной отрасли военного дела, но и блестяще подготовленных воспитателей рядовых бойцов в духе сознательной любви к Родине и Верховной Власти, высококвалифицированных помощников среднего командного состава в деле формирования духовного монолита воинской массы. А,

исходя из величайшей ценности этих младших командиров в области создания „души армии", необходимо придать этой категории командного состава достаточный престиж и поставить ее в отличные условия материального благосостояния. Нужно признать, что в старой армии этот вопрос был решен далеко неудовлетворительно. Только подпрапорщики были поставлены на должную высоту и в приличные условия жизни: офицеры к ним обращались на „вы"; в глазах своих подчиненных они пользовались очень большим авторитетом, жили на отдельных квартирах, а не в казарме, получали, если не ошибаюсь, около 50 рублей жалованья в месяц. Что же касается унтер-офицеров, то и в смысле отношения к ним начальства, и в отношении их материального положения они не очень высоко возвышались над массой рядовых бойцов. Начальство обращалось с ними на „ты", по внешнему виду они мало отличались от рядовой массы, а жалованья получали меньше, чем в тогдашней японской и даже китайской армии. При таких условиях мало кто из них оставался на сверхсрочную службу, в результате чего для вооруженных сил терялся весьма значительный процент этого первоклассного воинского материала, способного в боевой обстановке легко заменять даже командиров рот.

Прожив десять лет в Болгарии (после галлипольийского сидения), я с большим интересом констатировал, что в болгарской армии этот вопрос был решен блестяще: унтер-офицерский состав был там поставлен на очень большую высоту авторитета, престижа и материальной обеспеченности и был чрезвычайно сплочен между собою. Этот факт вызвал к жизни создание особых союзов запасных под-офицеров (а также и офицеров), которые пользовались большим влиянием в общественной и политической жизни страны и в частности блестяще подавили коммунистическое восстание в начале 20-х годов, будучи таким образом надежной и солидной опорой национальной власти. Невольно рождалась в голове мысль о том, что если бы нечто подобное было создано в России еще за несколько десятков лет до революции 1917 года, то и последняя едва ли имела бы место, тк. была бы в зародыше задавлена наличием такого активного и непоколебимо преданного Монархии фактора; он же мог бы сыграть громадную роль в эпоху гражданской войны, сразу же вжившись в белые армии и образовав в ней мощные кадры, при наличии которых не явилась бы необходимость в таких, с чисто военной точки зрения, уродливых феноменах, как офицерские роты и даже батальоны.

В будущей Российской Национальной Армии должен будет высоко культивироваться лозунг войны „малой кровью". И здесь нужно признать, что не только в красной армии с ее гекатомбами трупов лучших сынов России, нагроможденных советскими маршалами в последнюю войну в результате полного презрения к ценности человеческой жизни, но и дореволюционной нашей армии не все в этом отношении обстояло благополучно. Еще живые кадровые пехотные офицеры могут подтвердить тот совершенно недопустимый факт, что при мобилизации 1914 года роты вышли на фронт, имея в своем составе до 40 и даже 50 унтерофицеров, призванных из запаса и поставленных в строй простыми рядовыми, вместо того, чтобы быть оставленными в запасных батальонах для последующих пополнений порою громадных потерь в унтер-офицерском составе этих полков. А сколько было случаев, что несколько пехотных цепей скашивались орудийным и пулеметным огнем противника в результате недостаточной огневой подготовки! Всем памятны ужасные бои на Стоходе в 1916 году, когда наши гвардейские полки бросались в атаку на сильнейшие позиции противника последовательно один за другим, по мере прибытия их на данный участок фронта. А какой ужасной ценой было оплачено взятие Л.-Гв. Московским полком чрезвычайно сильно укрепленной позиции австро-германцев у Тарнавки в августе 1914 года! В этой героической атаке полк овладел этой позицией и несколькими десятками орудий противника, но потерял более 3000 человек из 4000 и потерял только потому, что командир бригады генерал К. с непонятным упорством отклонил горячие просьбы командира приданного полку арт. дивизиона подождать до захода солнца, когда, во-первых, с ближайшей станции жел. дороги должны были прибыть мелинитовые снаряды, способные разрушить позицию противника и заставить замолчать его артиллерию, а во-вторых, зашедшее солнце не било бы прямо в глаза наших наступающих цепей и не давало бы огневым силам врага яркой видимости при стрельбе по этим цепям. И вообще в последних войнах очень часто ценились те командиры частей, у которых были наибольшие потери, — это считалось наилучшим доказательством их лихости и решимости, хотя и свидетельствовало о полном забвением и их высшим начальством лучших заветов наших лучших полководцев о необходимости беречь человеческие жизни. Подобные безчеловечные „традиции" должны навеки исчезнуть из боевой практики будущей Российской Армии.

Наконец, будущее российское национальное правительство должно будет принять самые решительные меры к тому, чтобы и со стороны „штатской" общественности, в результате здорового национального воспитания этой последней еще со школьной семьи, в отношении Армии и Флота проявлялось полнейшее уважение, глубокое понимание их величайшего значения в жизни страны не только как потенциальных защитников ее независимости и благосостояния, но и как школы национального самосознания и гражданского достоин-

ства, через которую ежегодно проходит цвет Нации. Навеки должно умереть то презрительное отношение к „дармоедам", „опричникам", „золотопогонникам", которое культивировалось в нашей дореволюционной „либеральной" интеллигенции в результате духовного воздействия всяких Чернышевских, Бердяевых и Бальмонтов. Наш народ должен гордиться своей Армией и Флотом, отдавая себе отчет в том, что эти люди завтра могут быть его оплотом от посягновений хищного врага на его территорию и его богатства и его защитником от всяких внутренних разлагателей и смутьянов, духовных выродков и Иванов, не помнящих национального родства.

И если все эти условия и требования будут проведены в жизнь новой национальной российской властью, то можно будет с уверенностью констатировать, что Российские Вооруженные Силы будут несокрушимым оплотом нашего национального достояния и высших духовных и материальных ценностей нашего великого народа. И под их охраной и защитой еще небывалым цветом расцветут духовные силы и экономические рессурсы нашей прекрасной Родины, которая, при наличии этого грозного оплота, сможет стать одним из главнейших факторов построения справедливой, спокойной и счастливой жизни народов мира.

П. С. Когда, закончив эту статью, я прочитал ее одному из своих друзей, он сказал мне: „Не чересчур ли идеализируете Вы нашего солдата? Разве забыли Вы кошмарные месяцы весны, лета и осени 1917 года, когда разнузданная солдатня дезертировала с фронта, убивала своих офицеров, а в тылу предавалась грабежам и всякого рода безчинствам, громя помещичьи имения, истребляя племенной скот, разбивая прикладами рояли и прокалывая штыками картины лучших художников? Куда же девалась совесть этого солдата, его дисциплинированность, жертвенность, героизм?"

Я ответил на это вот что: „Да, все это правда. Но, во-первых, вспомним слова Достоевского, сказанные им о *всех* русских людях, когда он написал, что русский человек способен на величайшие подвиги, но и на величайшие низости. Во-вторых, не лежит ли великая доля ответственности за эти позорные явления на нашем дореволюционном правящем классе? Ведь целые столетия российские народные массы находились под его духовным воздействием — почему же он не привил им достаточно развитого чувства человеческого и гражданского достоинства, которые не дали бы им пасть так низко в моральном отношении? Можно ли, положа руку на сердце, сказать, что наши педагоги (и в особенности наши народные учителя) и наша интеллигенция вообще исполнила должным образом свою обязанность в этом отношении к нашим народным низам? Что же касается именно солдата, то, во-первых, *кадровых* солдат в нашей армии к 1917 г. почти не осталось. А во-вторых, что самое главное, революция февраля 1917 года и прежде всего отречение Государя одним ударом разрушили в примитивной солдатской душе ее основной духовный костяк, тот лозунг „За Веру, Царя и Отечество", на котором держалось все его нехитрое, но твердое национальное самосознание, служа которому он и совершал свои безчисленные подвиги на протяжении многих веков. В тот момент, когда этот лозунг оказался разбитым вдребезги, солдатская душа морально опустела и — стала легкой добычей Духа Зла, опустившись до самых презренных и чудовищных преступлений и безсмысленного разрушительства. И можно ли бросить в нее за это камень, когда в ту же позорную эпоху многие „интеллигенты" пали гораздо ниже, затоптав в грязи величайшие духовные ценности, которым на протяжении тех же веков служили их предки, штабс-капитаны Тушины, Мироновы, Максимы Максимовичи, и, во образе торжествующего хама, соблазняя „малых сил", призывали их к осквернению и разрушению храмов, убийству духовных пастырей, „золотопогонников", „лакеев капитализма", „кадетов"... Прежде чем пригвоздить к позорному столбу русского солдата, пусть найдет в себе духовное мужество и покается в гораздо худших смертельных грехах наша „духовная элита", подготовившая и осуществившая великую разруху нашей несчастной земли".

НЕ „САМООБМАН", А РЕВОЛЮЦИЯ

О том, что к началу военных действий между Германией и Сов. Союзом в Июне 1941 г. среди населения Сов. Союза не было почти ни одной семьи так или иначе не пострадавшей от сов. власти, знает сейчас весь мир. Особенно тяжело пострадавшими были главным образом крестьяне, но и остальные слои населения не очень далеко отстали от последних. Партийность или безпартийность не делали большой разницы. В то время и партийность была слабой страховкой. Эти то причины и погнали солдат и офицеров к добровольной и массовой сдаче в немецкий плен. Этот факт — добровольной и массовой сдачи в плен — по характеру и размерам в истории человечества не знает примеров. И большинство исследователей вопросов Второй Мировой Войны этот факт при-

знают и удостоверяют. Автор же статьи „Гудериан под Москвой" госп. Н. Украинцев (Наша Перекличка, Ноябрь 1960 г.) это небывалое явление в истории войн называет „самообманом" российской эмиграции.

Революции не всегда и не всюду происходят по одному и тому же шаблону. Вот эта то добровольная и массовая сдача в плен офицеров и солдат советской армии и была единственно возможной формой революции против коммунистической диктатуры в условиях того времени — в сталинскую эпоху. Освободительное Движение народов России — Власовское Движение — было следующим этапом этой же революции. А дикая по своей жестокости расправа с участниками этого движения, допущенная американским командованием в угоду Сталину, была заключительным аккордом этой революции. Свидетельствую это, как непосредственный участник происходящих событий в прифронтовой полосе, где провел большую часть войны.

Александр Скворцов

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

Дорогой Александр Константинович, поздравляю Вас, весь состав редакции, подписчиков и читателей с наступающим Великим праздником Рождества Христова и Новым Годом. От души желаю полного благополучия и успеха во всех делах и начинаниях и особенно в деле борьбы с мировым злом — интернациональным коммунизмом и в защите от посягательств со всех сторон на судьбу русского народа. Так как на Новый Год полагается произнести тост, то разрешите и мне пожелать Вам успеха в создании единой, многотиражной ежедневной русской газеты с помощью разсеянных по всему миру российских людей, которая была бы доступна и интересна для всех честно борющихся с интернациональным коммунизмом. Это возможно потому, что правдивое слово — есть великое оружие, против которго не может устоять самое усовершенствованное — атомное по массовому уничтожению людей. Пусть Вас не смущает скромные начала — „мал золотник, да дорог". Задача наша, борясь с коммунизмом, разоблачать ложь, выдаваемую за истину и разъяснять это народам мира. Да поможет Вам Бог в этом великом деле! Примите самые искренние и наилучшие пожелания. — *П. Быков.*

Э. Чевдарь

МОИ БЕРЛИНСКИЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ

АПРЕЛЬ 1945 — ИЮЛЬ 1946.

(Продолжение)

Жители нашего района, особенно — уцелевшие русские, облегченно вздохнули. С приходом англичан в нашей части города советских — ни души. Правда, мы очень редко видели и англичан. Их часто можно было видеть лишь на Курфюрстендамм. Англичане пришли, и сразу почувствовалось совсем другое отношение к людям, сразу сказалась другая культура и другие порядки. Ни обысков, ни арестов. Иногда, правда, арестовывали нацистов-преступников. Берлинский полицейпрезидиум находился в советском секторе. В нем, в полицейпрезидиуме, прочно обосновалось НКВД. По приказу НКВД германская полиция разъезжает в англо-американских секторах. Без ведома англо-американских властей она вылавливает угодных НКВД противников советской власти.

Встречаю на улице еще одну русскую знакомую даму. Плачет. Едва говорит. — „Неделю назад — иду вечером с мужем, офицером югославской армии, по Ансбахерштрассе. Мимо нас медленно движется легковой автомобиль. Вдруг из него выскакивают трое субъектов в полицейской немецкой форме, набрасываются на мужа, втаскивают его в автомобиль и уезжают. В ужасе я стою на улице одна. Иду в английскую комендатуру — так как украли мужа в английском секторе, где мы с ним и жили. В комендатуре меня внимательно выслушивают, обещают помочь, но до сих пор никаких известий о муже я не имею" — заканчивает дама свое горестное повествование.

Полицейпрезидиум издает распоряжение: — Все иностранцы должны лично явиться в Полицейпрезидиум. Вместо удостоверений личности, выданных при Гитлере, будут выдаваться новые. Распоряжение касается иностранцев, живущих во всех секторах Берлина. Для русских — это новая ловушка НКВД. Мы, русские, так понявшие это распоряжение, ничуть не ошиблись. Стали повторяться случаи, что люди, доверчиво отправившись в Полицейпрезидиум, больше домой не возвраща-

лись. Один из русских явился по вызову туда. Ему предлагают „сойти вниз". Он сразу-же догадался, что это значит — попасть в цепкие лапы НКВД. Дает взятку сторожу немцу. Тот ведет его на чердак здания. Оттуда он попадает на крышу соседнего дома, а затем дальше, на улицу. Только таким образом этому человеку удалось избежать рокового свидания с НКВД. Несколько месяцев спустя, после настойчивого требования западных сил, НКВД убралось из берлинского Полицейпрезидиума.

***

Иду по Курфюрстендамм. Года полтора тому назад это была одна из самых красивых улиц Берлина. Широкая, солнечная, с рядами больших деревьев вдоль широких тротуаров. Магазины с роскошными витринами, кафэ-рестораны, кино, красивые для Берлина здания. Теперь-же почти сплошные руины. В почерневших стенах зияют отверстия окон и дверей. Уцелело лишь несколько домов, среди них — часть дома, где помещался фешенебельный ресторан — Кемпинский. В этих домах — теперь клубы и рестораны англичан. Местами отстраиваются помещения для лавок, буфетов и проч. Молодые красивые немки висят на английских солдатах гирляндами. Шоколад, а, особенно, папиросы — оказывают свое неотразимое действие. Наиболее модной пьесой является шарж на современные нравы: „Alles für 10 cigaretten".

Присутствую при таком заявлении 8-ми летнего сына одной моей знакомой:

— „Мама! Почему у тебя нет американского дяди? У Фрица всегда бывает американский дядя в гостях. Маме Фрица он дарит конфеты и шоколад. Фриц — давится шоколадом, а ты не хочешь, чтобы и к нам ходил американский дядя".

***

Отель Бостон. Среди черноты развалин он сияет обильным освещением. Из отеля доносится музыка, оживленные голоса. На открытом балконе первого этажа (второго — по русски) под звуки танго медленно движется пара. Танцуют, будто прилепились друг к другу. На лицах их — непробудный индефферентизм. У кавалера — дегенеративный, сильно выдающийся подбородок. Внизу, на тротуаре — толпа молодых немок. Ждут, когда из Бостона выйдут поклонники-англичане. Доступ в Бостон разрешен лишь одним англичанам.

***

Жизнь в Берлине постепенно пробуждается. На Кантштрассе, в здании, где прежде красовалась надпись „Kraft durch Freude" теперь — симфонические концерты под управлением известного маэстро Хегера. Кроме германских, исполняются произведения русских композиторов — Чайковского, Стравинского, Бородина и Римского-Корсакова. В Admiral Palast, в советском секторе, идет на немецком языке „Евгений Онегин". Солисты, хор, кордебалет, оркестр и инсценировка на приличной высоте. Не на своем месте Бургвинкель, исполнявший партию Онегина. Для этой роли Бургвинкель слишком стар. Зато Ленский — в исполнении Отто Витте — совсем хорош.

***

В городе то тут, то там появляются кинематографы. Люди постепенно забывают ужасы войны, приспосабливаются к новым условиям жизни.

По поводу предполагаемой организации Российского Народного Центра получено несколько отзывов, среди которых есть весьма положительные, но есть и критические. Необходимо ко всему сказанному в обращении в предыдущем номере журнала добавить, что Центр не предполагает в какой то степени конкурировать с уже имеющимися организациями. Центр строится по другому признаку и будет счастлив, если будет способен помочь. Центр не предполагает разрушать существующие объединения и организации. Указания же, что за 40 лет своего существования эмиграция много раз пыталась создать что либо подобное, но всегда наталкивалась на инертность массы — справедливы. Но отсюда не значить, что не следует призвать российскую эмиграцию еще раз осознать себя и именно сейчас в связи с очень обострившимся международным положением.

А. В. БАЛАКЛИЦКИЙ

поздравляет всех своих друзей, знакомых и клиентов с праздником *РОЖДЕСТВА ХРИСТОВА* и с наступающим *НОВЫМ ГОДОМ*.

Шлет всем свои наилучшие пожелания.

РОЗЫСК

Ищу брата АЛЕШУ СОКОЛОВА (Алексея Борисовича). Родился на Украине в 1902 г. Поступил в Добровольческую Армию на Кубани при отступлении к Новороссийску в 1919 г. Был на фронте перед взятием красными Екатеринодара. С тех пор судьба его неизвестна. Последние сведения из станицы Белореченской.

Прошу писать по адресу:

Natalie Scott
43 Concord Avenue,
Larchmont, N. Y., U. S. A.

КРАТКИЕ ВЕСТИ ИЗ-ЗА ЖЕЛЕЗНОГО ЗАНАВЕСА

К. П. С. С. и правительство СССР продолжает усиление „борьбы с антиобщественными паразитическими элементами" путем выпуска „особых указов". После известных „указов" за прогулы, опоздание и отказа от работы, издан еще один „указ" для принятия энергичных мер к лицам уклоняющимся от насильственной и принудительной посылки в отдаленные края. „Указ" определяет срок наказания от 2-х до 5-ти лет тюремного заключения. Еще одна „историческая" забота о человеке.

***

Частновладельческие тенденции, охватившие население СССР и сателитов, вынуждают „власть" принимать энергичные меры. „Коммунист" № 14 „требует" закрыть все лазейки для тунеядцев в торговле" и прекращения выдачи ссуд на индивидуальное строительство, основываясь, как всегда, на „предложениях трудящихся".

***

Попытки СССР наладить продажу в Америке 10.000 легковых автомобилей марки „Москвич" с целью пропаганды „новых побед советской индустрии" и с целью получения американских долларов, закончились полным провалом. Взявший на себя миссию по продаже некто Роберт Кастиль не нашел ни одного покупателя и, потеряв на этой затее около 50.000 дол., расторгает договор с СССР.

***

В Москве торжественно отпраздновали запуск в Космос 3-го корабля-спутника, в котором находились животные, насекомые и растения. О том же, что он сгорел в атмосфере, и опыт не удался — сообщений не было.

Производимые опыты с ядерным оружием вблизи местностей с зерновыми посевами заражают местность опасной для жизни людей радиактивностью. Радио-биологическая лаборатория английского института сельск. хоз-ва установила в советском зерне наличие 23-х единиц стронция, вместо 4-х в американском. (Москва — 28-го Ноября).

***

Из-за многолетней и упорной „творческой забастовки" польских писателей и поэтов по приказу КПСС и польских властей в Гданске созван съезд для разноса, накачки, промывки мозгов и запугивания сопротивляющихся властям.

***

В целях невмешательства в дела Лаоса туда из Советского Союза усиленно поставляется нефть, в которой остро нуждается не только население Сов. Союза, но и сателиты.

***

Оканчивающие педагогические институты даже и комсомольцы отказываются выезжать в провинцию из-за тяжелых жизненных условий и отсутствия культурной жизни. Учреждены так наз. „суды чести", по приговорам которых молодежь лишают дипломов и права заниматься педагогической деятельностью, комсомольцев же исключают из организаций.

***

Самопожирание коммунистических скорпионов в московской банке продолжается. Как известно, марш. Жуков помог Хрущеву „скушать" Берию, премьера Маленкова и „восходящую звезду" — Молотова. Маршал Малиновский помог Хрущеву также „скушать" марш. Жукова. А сейчас марш. Гречко помог Хрущеву „скушать" Малиновского, и занял его место. Кто на очереди?

***

После неудачных и провалившихся путешествий по миру, „воинственных" выступлений с башмаком в ООН в Нью Йорке, поражений в афро-азиатских странах, тяжелого внутренняго положения и гибели урожая — вождь Никита Хрущев занемог на столько, что не может принимать и провожать своих „собратьев". Не помогает даже и новый мировой коммунистический манифест.

СЕДЬМАЯ ГАУБИЧНАЯ

(1918—1921)

Д. ПРОНИН, Г. АЛЕКСАНДРОВСКИЙ, Н. РЕБИКОВ.

Прекрасный памятник Белому Движению и его наиболее жертвенным участникам — русскому юношеству.

224 стр., 24 схемы. Цена 3 дол. 50 ц. с пересылкой. Заказы направлять в адрес „Нашей Переклички".

ВЫШЛА ИЗ ПЕЧАТИ И ПОСТУПИЛА В ПРОДАЖУ КНИГА

А. И. ДЕЛИАНИЧ

„ВОЛЬФСБЕРГ 373"

410 стр. — Цена 3.50 дол.

Заказы направлять в адрес „Нашей Переклички"

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1961 ГОД

на ежемесячный карпаторусский журнал

„СВОБОДНОЕ СЛОВО"

Пописная цена на год — $3.00, на полгода $1.50
Отдельный номер $0.25 — Двойной номер — $0.50.
Адрес редакции:
P. O. Box 992, Newark 1, N. J., U. S. A.

„НЕИЗВРАЩЕННАЯ ИСТОРИЯ УКРАИНЫ-РУСИ"
А. ДИКОГО

Том II выходит в феврале 1961 р.

Цена — 5.00 дол.

Открыта предварительная подписка.
При заказе присылать — money order.

Заказы выписывать по адресу Нашей Переклички Второй том „Неизвращенной Истории Украины-Руси" охватывает период от рубежа 18 и 19 столетий до Второй Мировой войны. Национально-культурная и политическая жизнь в Российской и Австрийской частях Украины-Руси. Сепаратизм. Первая Мировая война. Революция в России и в Австрии. Две украинские республики. Попытки их соединения. Центральная Рада, Гетман, Директория, Петлюровщина. Правда о гражданской войне на Украине. За кем пошел народ. Приход немцев и поляков. Бегство вождей сепаратизма от своего народа и переход петлюровцев к большевикам. Переход галичан к Деникину. Национальные меньшинства (великорусское, еврейское, польское), и их участие в событиях. Жизнь Украины-Руси в СССР и под Польшей.

***

Том I — РАЗОШЕЛСЯ

Издательство задержало некоторое количество экземпляров I тома, которое продается ТОЛЬКО ТЕМ, КТО УПЛАЧИВАЕТ ОДНОВРЕМЕННО и за II том, который выходит в феврале.

Цена II тома — 5.00 дол.

Адрес издательства:
"Truth about Russia", P. O. Box 126 Cathedral Sta. New York 25.

ФОТО-СТУДИЯ И. ТЕЛЯТНИКОВ

561 W. 141 St., New York 31, N. Y.

выполняет всевозможные фотограф. заказы.

НОВАЯ КНИГА

ПОЛК. Ф. В. РУСАНОВА
„ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТКА ЛЕЙБ-ГВАРДИИ ГРЕНАДЕРСКОГО ПОЛКА"
(1-ая МИРОВАЯ ВОЙНА)

В книге 12 исторических фотографий.

Цена книги 2 дол. 25 цент. с пересылкой.

Заказы и деньги направлять в редакцию Наша Перекличка.

По примеру прошлых лет редакция рекомендует своим подписчикам и читателям

ИНВАЛИДНЫЕ КАЛЕНДАРИ НА 1961 ГОД

Надо помнить, что это прежде всего ПОМОЩЬ НАШИМ ВОЕННЫМ ИНВАЛИДАМ.

Цена календарей остается прежней — 1 д. 55 ц. — без паспарту и 1 д. 75 ц. — с паспарту.

Просьба к желающим приобрести календарь сделать заказ теперь же, чтобы подготовить своевременную разсылку. Уплата стоимости при заказе не обязательна.

Поспешите с заказом, число ограничено.

Подготовлен к печати второй историч. роман М. Д. Каратеева
„КАРАЧ МУРЗА".

Оба его романы — это то глубоко-национальное и исторически ценное, что эмиграция оставляет будущей России. Мы уходим — наша обязанность всемерно поддержать этот неоценимый труд автора и приложить все усилия к возможно широкому распространению его романов. Пришлите предварительную подписку на книгу или помогите посильным взносом в фонд издания — это будет истинно нужным национальным делом.

Редакция.

РАСПРОСТРАНЯЙТЕ
„НАШУ ПЕРЕКЛИЧКУ"!

Выходит ежемесячно. Подписная плата 3 дол. 60 ц. в год. Можно подписываться и на любое количество номеров, исходя из расчета — 30 ц. за номер.

А. БАЛАКЛИЦКИЙ
РУССКИЙ ГАСТРОНОМИЧЕСКИЙ МАГАЗИН.
3425 BROADWAY между 139 и 140 ул.
Tel.: AU 3-0690.
ВСЕГДА ЛУЧШЕЕ И СВЕЖЕЕ.

Адрес редакции:
A. PAVLOV, 423 W. 118 St., apt. 35.
New York 27, N. Y.
Tel.: MO 6-3886.

Printed in U. S. A.

„Боже, разсуди меня с этим высокомерным народом", — заключительные слова молитвы Александра Невского перед Ледовым Побоищем ... и Бог „разсудил"! „Крепка Русь — все персборит" — Даниил Галицкий. Карпаторусская поговорка.

Цена этого номера в С. А. Ш. 30 центов

Monthly Russian Magazine of the Veterans of the Armies of Gen. Denikin and Gen. Wrangel and of the First World War.

NASHA PEREKLICHKA

НАША ПЕРЕКЛИЧКА

1920 БИЗЕРТА 1921 — 1920 ГАЛЛИПОЛИ 1921 — 1920 ЛЕМНОСЪ 1921

ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
ИНФОРМАЦИИ И СВЯЗИ БЕЛОГО ЛАГЕРЯ РОССИЙСКОЙ ЭМИГРАЦИИ

2-ой год издания. **№ 17 (117)** **Июнь 1961 г.**

Давид Бург

„Антикоммунист" — № 12.

ЕВРЕЙСКИЙ ВОПРОС В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ

Перевод с немецкого

„В СССР не существует еврейский вопрос" — утверждает Большая Советская Энциклопедия. Общественная и даже частная дискуссия по еврейскому вопросу подлежит наказанию согласно § 58, пункту 10 Уголовного Кодекса. Это официальная версия. Однако действительность выглядит иначе. Хотя официальная пресса и замалчивает еврейский вопрос, однако этот вопрос является одним из самых актуальных и самых тяжелых вопросов в Советском Союзе. Бюрократическое примечание в паспорте: „Национальность — еврей" прикрывает сотни тысяч исковерканных судеб людей и непрекращающуюся цепь преследований и унижений.

Два фактора.

Оживление вновь еврейского вопроса в годы после второй войны обуславливается двумя факторами:

1. — Благодаря известному расширению антиеврейских установок в низших слоях населения, каковые установки имеют свое происхождение в историческом развитии России.

2. — Благодаря антисемитской политике Советского Правительства, которое пытается антисемитизмом отвлечь внимание и недовольство населения разными непопулярными мероприятиями и трудностями жизни. А также потому, что **Правительство ощущает „неблагонадежность" евреев.**

Последняя причина может быть рассматриваема, как главнейшая для обоснования антисемитизма. „Неблагонадежность" еврейства с точки зрения режима происходит прежде всего благодаря социальной принадлежности или к интеллигенции или к торгово-промышленникам, т. е. к двум слоям населения, с которыми коммунисты остро боролись. Однако и **сегодня еще процент интеллигенции среди еврейского населения СССР сравнительно выше чем у других народов.** Интеллигенция же и сегодня, как и перед революцией, является носителем сознательного недовольства режимом. Кроме того, **в последнее время может ясно наблюдаться рост еврейского национализма, в особенности со времени основания государства Израиль.** Для советской власти, с ее тенденцией к централизации, каждый национализм, который не служит к укреплению режима, есть государственное преступление. По этой причине признается только русский национализм, с его централистическими тенденциями, да и то пока он может служить режиму. Национализмы же периферийные осуждаются и подавляются. Поэтому Советской власти должен казаться неприемлемым национализм, гравитирующий в „капиталистический мир" — в Израиль.

Двойная лояльность: — стране предков и той стране, в которой живут в данное время — в

глазах тоталитарного государства есть государственная измена, так как для него никакие интересы, кроме интересов собственной тоталитарной системы, не могут считаться лояльными (законными). Не удивительно поэтому, что национальное воодушевление при основании государства Израиль, которое было открыто проявлено во время демонстраций в связи с приездом Гольды Мейер в 1948 году, послужило Советской власти предлогом для решительных мероприятий к дискриминированию евреев. С того времени проводятся антиеврейские мероприятия против еврейской религии и культуры и против евреев — отдельных лиц. **Их дискриминируют во всех областях хозяйственной и общественной жизни.**

Три этапа дискриминации.

Эта дискриминационная политика находит свое выражение прежде всего в ограничении прав на работу и на образование. Что же касается политических свобод (свободы совести), то они имеют для евреев такие же самые ограничения, как и для других народов России. Развитие официального антисемитизма в послевоенное время может быть поделено на три этапа.

1. — От 1948 до октября 1952 года: распространение дискриминационных мероприятий и, связанная с этим, чистка; в дополнение к этому — психологическая обработка не-еврейского населения для того, чтобы популяризировать эти мероприятия; наконец, полное уничтожение еврейской культуры в СССР.

2. — От октября 1952 до апреля 1953 года: массовые аресты среди евреев, а, с января 1953 года, антисемитская кампания в прессе в связи с „заговором врачей"; подготовка массовой депортации евреев в отдаленные области.

3. — От апреля 1953 года до сегодня: по возможности завуалированное проведение мероприятий, решенных в 1948-1952 годах.

Второй этап — время особенно активного антисемитизма, который сопровождался антисемитской кампанией в прессе, именно благодаря его явному характеру, относительно хорошо известен. Первый же и третий этапы были гораздо меньше направлены во вне, а поэтому должны быть ближе исследованы.

Тотчас же после создания государства Израиль сотни евреев обратились в Советское Министерство Иностранных Дел с ходатайством о разрешении выехать в Палестину. Это был предупредительный сигнал для правительства, который ясно указал, что многие евреи предпочитают тяжелую жизнь в, угрожаемом войной, родном Израиле, жизни „под солнцем Сталинской Конституции". Солидарность еврейства с Израилем проявилась особенно ясно в демонстрациях 16 октября во время посещения Гольдой Мейер московской синагоги. Демонстрация истолкована, как недвусмысленное доказательство неблагонадежности советских евреев. Были предприняты решительные мероприятия.

Все, ходатайствовавшие о выезде в Израиль (об эмиграции) были арестованы и сосланы в отдаленные местности СССР. Еврейская газета и еврейское издательство „Дер Эммэс", еврейские театры в Москве, и другие культурные учреждения были закрыты. Среди еврейской культурной элиты свирепствовали массовые аресты. Казнь 26 еврейских писателей в августе 1951 года есть только звено в цепи смертных казней и ссылок. Достаточно указать, что в течение одной ночи почти вся редакция газеты „Дер Эммэс" и большинство артистов еврейских театров Москвы бесследно исчезли. Преподавание в школах на еврейском языке было запрещено. Идеологическая кампания зимой 1949/50 года, которая была направлена против так называемых „критиков — космополитов", носила недвусмысленный антисемитский характер. Хотя слова „еврей" и „еврейский" нигде и не употреблялись, но, обозначаемые „Правдой", как „идеологические агенты американского империализма", лица имели исключительно еврейские имена. Все же нужно прибавить, что, несмотря на всю остроту нападок, „космополиты" все же не были арестованы, только было приостановлено печатание их работ.

Тайный, руководимый агентами МГБ, погром среди еврейской интеллигенции и открытый поход в прессе против русско-еврейской интеллигенции, был только фасадом. За ним скрывалась, далеко идущая система мероприятий по сужению прав евреев, как национальной группы, равно как и сокращение тех, и без того минимальных, прав, которыми теоретически все советские граждане, независимо от национальности, располагали. При этом **евреи рассматривались не как религиозное, а как национальное и рассовое сообщество.** Внутренняя связь с еврейской культурой, принадлежность к религиозной общине вообще не принимались во внимание. Подобные дискриминационные шаги были направлены только против людей, в паспортах которых в рубрике „национальность" стояло слово „еврей". Внесение же в паспорт, опять, зависит исключительно от национальной принадлежности родителей. Если родители евреи — дети тоже обозначаются, как евреи. В случаях же смешанных браков, родители определяют, обозначать ли детей, как евреев или как русских. Изменение национальности не разрешено.

Уволенные работники умственного труда.

Преимущественное (главное) поле деятельности евреев в СССР есть умственная работа. Поэтому правительство пробует лишить их возможностей применять себя в интеллигентных профессиях. В 1949 году началась чистка центральных аппаратов министерств. Все служащие (сотрудники), которые по 20 лет и больше на одних и тех же должностях работали и считались незаменимыми, были уволены или переведены в провинцию, главным образом на дальний Север или Восток. Многие были уволены под предлогом, что в их анкетах имеются, обвиняющие их данные. Если кто нибудь, например, имел тетку в Германии, с которой он переписывался до 1933 года, то это расценивалось, как ясный признак политической неблагонадежности. Свидетельство с примечанием о политической неблагонадежности лишает возможности получить работу в центральных учреждениях; во всяком случае, является непреодолимым препятствием для успешной карьеры. Некоторым было предложено переселиться из Москвы в полярные области. Кто такое предложение отклонял, — того увольняли „за неисполнение служебного распорядка". Часто кто либо за самую малейшую оплошность переводился в другое учреждение с понижением; если же он начинал протестовать, то его увольняли за „склоку" и „интриги в предприятии".

Кроме государственного аппарата была произведена чистка и преподавательского состава высших учебных заведений и научных институций. Здесь также были самые различные предлоги, о правдоподобности которых правительственные круги не особенно заботились. Один доцент филологического факультета Московского Университета был уволен под предлогом „недобросовестного преподавания". Кандидат биологических наук Н. был уволен из одного научного исследовательского института вследствии „недостаточной продуктивности", хотя он там работал 18 лет и в специальных научных изданиях опубликовал статей больше, чем требуется по „норме".

Уволенные попадают в исключительно тяжелое положение. С компромитирующим свидетельством и в нормальных условиях трудно найти работу. А тут еще **отделы кадров получили тайное предписание прием евреев свести к минимуму.**

Тем не менее, как правило, приемлемые специалисты как то и где то находили работу. Положение же обычных служащих и преподавателей было сомнительное. **Многи были вынуждены превратиться в обычных поденщиков.**

Нумерус клаузус для евреев.

Не иначе обстояло дело и в области образования. Хотя в средних школах для евреев никаких ограничений не было, поступление их в высшие учебные заведения затрудняется всеми способами. Инструкции определили резкую остановку приема евреев в особо важные институты. В институты менее важные должны допускаться только исключительно способные. Даже окончившие среднюю школу с отличием и правом поступления в ВУЗ-ы без вступительного экзамена, могли попасть в университет только по большой протекции или при исключительно благоприятных обстоятельствах. **Достаточно указать, что на факультете Московского университета, на котором перед войной было 40% студентов — евреев, в 1951 году из 250 вновь принятых было только три еврея, а в 1955 году — пять или семь.** Из трех новых студентов — евреев, принятых в 1951 году, одному протежировал известный профессор, другой был принят благодаря служебному положению отца, третий принятый — была девушка, дочь известного советского деятеля, который имел хорошие связи в высших правительственных кругах.

В педагогическом институте или в институте дорожного строительства условия приема были в общем легче. Однако и здесь не-еврею было легче поступить чем еврею.

Хотя доступ к высшему образованию для евреев с 1948 года и был сильно затруднен, все же он не был полностью закрыт. **Зато путь к научной карьере для молодого еврея стал совершенно невозможным. В СССР путь этот, как правило, ведет через аспирантуру, то есть дополнительное трехлетнее специализирование, к чему евреи вообще теперь не допускаются.** Даже в случаях особой рекомендации учебного совета высшей школы, прием евреев отклоняется под предлогом ограниченного числа мест для аспирантов. Одной знакомой автора ее профессор откровенно объяснил, что он бы ее охотно взял в качестве аспирантки, но отдел кадров ее все равно не пропустит. Поэтому самое лучшее и не делать попыток.

Положение было тяжелое, но все же давалась возможность существовать. События же 1953-го года поставили под вопрос существование еврейства в СССР вообще. Сообщение о „заговоре врачей" и последовавшая затем антисемитская кампания в прессе, вызвали панику среди еврейского населения. В Москве начали циркулировать слухи, что осуждение врачей послужит предлогом для массовой депортации евреев в отдаленные области. Одновременно было опубликовано письмо за подписью около ста евреев, бывших благодаря их квали-

фикациям для правительства незаменимыми, в котором восхвалялись „мудрые мероприятия Партии и Правительства". Слухи эти никому не казались преувеличенными. Начали паковать чемоданы, дешево распродавать обстановку и ложились спать с мыслями, что, вероятно, ночью будут арестованы. Как после установлено, эти опасения имели основание. Один врач из Биробейджана (область на Дальнем Востоке, которая еще в 30-х годах была объявлена еврейской автономной областью) рассказывал мне в 1956 году о стоящих пустыми многочисленных постройках, воздвигнутых в 1952/53 годах для приема евреев.

С октября 1952 до апреля 1953 года в Советском Союзе господствовал настоящий антиеврейский террор. Тысячи людей были арестованы, десятки тысяч уволены с мест их работы. Несколько примеров из круга моих личных знакомств. В Виннице органы МГБ арестовали шестидесятилетнюю женщину, потерявшую во время войны мужа и дочь и боровшуюся всю войну в рядах партизан. Она была обвинена в антисоветской пропаганде и присуждена к десяти годам лагеря. Ее вина состояла в том, что она в разговоре с одной девушкой, которую она, как квартирантку, приняла в свою комнату, выразила сомнение в виновности врачей. Хотя „заговор врачей" уже в 1953 году был объявлен фальшивкой, старой женщине удалось только весной 1956 года покинуть лагерь.

Одна сотрудница Московского издательства иноязычной литературы была вызвана к начальнику отдела кадров, который ей приказал подать прошение об увольнении. Объяснение было очень просто: „Мы русское издательство и вы должны сами понять, что для евреев здесь нет места". Возмущенный отказ моей знакомой привел два дня спустя к тому, что она была уволена „за невыполнение служебного распоряжения".

Объяснение министерства внутренних дел 4 апреля 1953 года об обмане в деле „заговора врачей" положило конец неприкрытой антисемитской кампании. Установка в еврейском вопросе соответствовала общей линии политики тогда, которая заключалась в том, что делалась видимость известных изменений, не меняя ничего по существу. Положение евреев улучшилось по сравнению с 1953 годом, но не с годом 1951. Летом 1956 года никому не грозило физическое уничтожение. Но и никто не вернулся обратно на свое прежнее место. Изданные в свое время тайные распоряжения до сих пор не отменены. Отделы кадров хотя теперь и не увольняют безпричинно немногих, оставшихся еще на службе евреев, принимают новых, если принимают вообще, с большим нежеланием. Сила же их настолько велика, что даже директора предприятий против них ничего не в состоянии сделать.

Только один пример из собственной практики: весной 1956 года, после окончания ВУЗ-а я должен был получить место в одном Институте. Директор отделения сказал мне, что я должен подождать пока начальник отдела кадров поедет в отпуск. Провести меня через отдел кадров при наличии там старого работника госбезопасности невозможно. Но когда он уедет в отпуск и его должность будет временно исполнять директор Института, то может быть удастся все же меня принять, вопреки существующим распоряжениям. В июне 1956 года одному моему знакомому, который пытался попасть в Институт Физико-Технический, который выпускает инженеров атомной техники, попросту было предложено не терять попусту время и хлопотать в другом месте.

Ростущий национализм.

Успех такой политики весьма сомнителен. В Центре дискриминационные распоряжения правительства проводятся довольно строго. Но в провинции, где существует большой недостаток в специалистах, эти распоряжения обходятся часто. С другой стороны, антисемитские мероприятия вызывают не только понятное недовольство еврейства, но также и подлинное возмущение в широких кругах городского населения. **Дискриминация усиливает еврейский национализм и стремление в Израиль. В то время как поколение тридцатых годов относилось с безразличием к вопросу о своей принадлежности к еврейству, подавляющее большинство нынешних молодых евреев настроены весьма националистичееки. Однако национализм вовсе не обуславливается религией. У большинства, особенно у молодых евреев, этот, возникший в результате враждебной евреям политики правительства, национализм, совмещается с резко антисоветской установкой. Однако это не всегда так. Одним опасность антисемитизма „снизу" кажется большей, чем опасность антисемитизма „сверху". Они рассуждают так: правительство хотя и давит на нас, но все же допускает нас существовать. Если же наступит революционная смена, то во время неизбежной анархии переходного периода мы будем попросту перебиты. Поэтому будем лучше держаться правительства, как бы плохо оно для нас ни было. У людей этих установок антирусские настроения и стремления в Израиль наиболее сильны.**

Для русского еврейства, разумеется, Израиль вовсе не является „благословенной землей" Библии, а только практически (реальным) отечеством. Насколько я могу судить, в России религия, которая в течении двух тыся-

челетий была цементирующим еврейство элементом, отходит назад, уступая место чувству национальной связанности. Этому содействует отсутствие религиозного воспитания и политики правительства: для Советской власти еврейство, как уже сказано, есть сообщество национальное, а не религиозное.

Антисемитские мероприятия правительства вызывают безусловно усиление еврейского национализма и питают антикоммунистические установки у евреев. Благодаря этому еврейский вопрос обостряется изо дня в день. Его решение кажется возможным только вне тоталитарной диктатуры, в демократической России.

Давид Бург

Статья эта была напечатана около трех лет тому назад на немецком языке и, насколько нам известно, до сих пор нигде не появился ее перевод на русский язык, хотя и представляет чрезвычайно ценное свидетельство человека, хорошо знающего вопрос, и написана была еще под свежим впечатлением, вскоре после оставления Бургом СССР.

Особенно интересны высказывания автора о психологическом „двойном подданстве" евреев в СССР (Израиль — СССР), о росте их антирусских настроений и о поддержке Советской Власти из боязни быть уничтоженными благодаря антисемитизму „снизу" при революционном свержении власти.

Высказывания эти полностью совпадают с распространенным в эмиграции мнением по этим вопросам.

Не делая никаких выводов и заключений, мы приводим перевод статьи, считая, что она может представить интерес для широких кругов эмиграции вообще, а для тех, кто участвует в ее политической жизни, в особенности, ибо она выявляет целую группу граждан СССР, активно поддерживающих Советскую Власть и мотивы этой поддержки. Не в этом ли последнем обстоятельстве надо искать причину, что в свободном мире многочисленные единоплеменники этой группы тоже поддерживают — прямо или косвенно — советскую власть?

И. Ланской

ЦАРЬ, ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ, ОСВОБОДИТЕЛЬНАЯ РЕФОРМА И ДВОРЯНЕ

Прошли дни юбилея освободительной реформы 19 февраля 1861 г. Во всех крупных центрах скопления русской эмиграции — в Нью-Йорке, С. Франциско, Париже, Сиднее и других местах были организованы торжественные собрания, посвященные этому светлому событию русской истории.

Во всех русских газетах и журналах было помещено много статей по этому поводу.

В одной такой статье под заголовком: „После празднования столетия освобождения крестьян", автор, подводя итог двум собраниям в Нью-Йорке, посвященным памяти 19 февраля, в конце пишет: „Огромная аудитория Сити Колледжа, человек на 700-800, была почти заполнена, и повидимому, все людьми интеллигентного строя. Как сто лет назад этот строй с энтузиазмом поддерживал Великие Реформы, так и теперь наша интеллигенция своим участием создала празднованию юбилея успех".

Подвести такой итог юбилею и самой реформе — большое заблуждение, если, конечно, в этом случае нет сознательной диффомации.

Участие интеллигенции в проведении реформы — миф, созданный самой интеллигенцией.

И я думаю, что и собравшиеся в аудитории Сити Колледжа были в большинстве просто культурные и образованные русские люди, но не интеллигенты, как это утверждает автор статьи.

Необходимо сказать, что часто смешивают два разных понятия — „образованный" и „интеллигентный", и, что понятие „интеллигент" и „интеллигентный" существуют только на русском языке.

Слово „интеллигент" имеет, если можно так выразиться, литературное происхождение. — Так же как слово „нигилист", созданное Тургеневым, слово „интеллигент" создано писателем Боборыкиным. Как Тургенев словом „нигилист", так и Боборыкин словом „интеллигент" хотел определить своеобразный психологической тип, но не думал определять понятие образованного человека. Для этого создавать новое слово не надо было, так как оно уже существвало.

Поэтому прежде чем доказывать ложность мифа, созданного интеллигенцией, необходимо уточнить само понятие слов: „интеллигент" и „интеллигенция".

В прошлом году на страницах „Нового Русского Слова" (Нью-Йорк) была по этому поводу большая полемика, которую возбудил своей блестящей по форме и содержанию статьей г. Ульянов, на которого нападали г. Вишняк и др. представители интеллигенции.

Прежде всего необходимо установить, что каждого образованного человека назвать интеллигентом нельзя. Например, Ломоносова, Карамзина, Жуковского, Менделеева, Мечникова, Павлова, Гоголя, Пушкина, А. Толстого, Леонтьева, Хомякова, Киреевского, Лескова, да и большинство русских писателей, ученых и вообще образованных русских людей к интеллигенции причислить нельзя, и сами интеллигенты их таковыми не признают.

У интеллигента особая психология и мировоззрение.

В первую очередь надо отметить у него отвлеченность мышления, мечтательность, безрелигиозность и безпочвенность.

Будучи русским по крови, интеллигент является чуждым элементом в русской стихии. — Сохраняя душевные свойства и характер русского человека, он мыслит категориями Запада, и его идеалы далеки от русских духовных устремлений. Интеллигент — русский европеец. Он, выражаясь современным языком, — пятая колонна Запада и активный последователь его политических концепций.

Поэтому он, прежде всего, противник идеи единовластия; — он демократ и сторонник эгалитарного начала и правового государства в принципе, независимо от обстановки и обстоятельств.

Этот главный признак интеллигенции очень коротко определил, слепо ненавидимый ею, К. Победоносцев, который был и высокообразованным, культурным и очень добрым человеком, и служил России тем, что всеми силами и с большим мужеством отстаивал христианские начала в жизни народа. Именно за это его и ненавидит русская интеллигенция и называет „мракобесом".

И вот, Победоносцев говорил: „интеллигент — это человек a priori (априори) находящийся в оппозиции к правительству". Только теперь надо добавить, „к царскому правительству". Т. е. интеллигенция боролась, по существу, не за благо народа, с которым у нея не было ничего общего, и который она считала темным и некультурным (он верил в Бога и был верен царю), а с царской властью, независимо от того, хороша ли она была для народа или нет.

Например, царь-Освободитель для народа сделал больше всех других царей бывших до него, а на него было сделано больше всего покушений; и он был, в конце концов, убит террористической организацией интеллигентов-народовольцев.

Интеллигент сторонник всеобщей уравниловки, он противник духовного авторитета. Вот, например, что мы читаем у проф. В. В. Зеньковского в его книге: „Русские мыслители и Европа", в статье, посвященной К. Леонтьеву на стр. 156-ой: „Духовный аристократизм, эстетический культ силы и красоты отбрасывали Леонтьева в лагерь реакционеров".

Неисторичность такой мысли очевидна. Именно эти свойства и эти начала в истории толкали человеческую мысль и деятельность, во всех областях жизни, вперед, к прогрессу, и способствовали проявлению духа до высшего горения, жертвенности и подвига.

Автор сам об этом пишет на стр. 158: „Леонтьев был, конечно, философом реакции, — но он защищал реакцию, как единственное средство для творческого движения". Спрашивается, как философия реакции может быть средством для творческого движения?

Но самое пикантное, что проявление силы против царской власти, как это практиковали социалисты-революционеры, плоть от плоти русской интеллигенции, кодексом интеллигентской морали допускается; и террористы к реакционерам не причисляются.

К изложенному определению интеллигенции можно добавить, что в большинстве случаев у интеллигентов атрофировано чувство государственного инстинкта, так сильно развитого у народа, и наблюдается отталкивание от национально-исторических традиций. Интеллигентом владеет психология Ивана, непомнящего родства.

Прогрессивная интеллигенция всегда выставляла себя печальником и защитником народа, противопоставляя себя „врагам" народа — дворянству, бюрократии и царю.

Знакомясь, например, с трудами, изданными в России к пятидесятилетию освободительной реформы мы замечаем в них отсутствие исторического и объективного подхода и в них чувствуется определенная тенденция уменьшить заслугу верховной власти и приписать ее прогрессивным кругам интеллигенции.

В большом, пятитомном издании, посвященном освобождению крестьян: „Великая Реформа", под редакцией А. К. Дживелегова, С. П. Мельгунова и В. И. Пачета эта тенденция явно сквозит и доходит даже до искажения действительности. Например, в пятом томе, в статье от редакции, академика К. К. Арсеньева на 10-ой стр. написано: ...„Ясно сознанное „упорство" дворянства не уменьшило благоволения государя к привилегированному сословию... он сказал, в речи к депутатам первого призыва: „дело не может окончиться без пожертвований, но я хочу, чтобы жертвы эти были как можно меньше чувствительны. Буду стараться вам помочь". „Этим желанием, пишет Арсеньев, помочь дворянству уменьшить его жертвы, — желанием, выраженным и в знаменитой речи 28 января 1861 г., — объясняется многое в ходе и исходе крестьянского дела".

„Конечно, золотит пилюлю Арсеньев, велика заслуга монарха, не отдавшегося всецело во власть своих симпатий и сумевшего настоять не только на освобождении крестьян, но и наделении их землей; но, пускает свою стрелу Арсеньев, недостаточность последнего, вместе с высокой оценкой земли, несомненно, была печальной уступкой стороне, наиболее близкой к источнику власти".

Это утверждение неверно. Объективные ученые и специалисты как, например, историк С. Пушкарев („Крестьянская Реформа" 19 февраля 1861 г." в газ. „Новое Русское Слово" 8-I, 26-II, 13-III — 1961 г.), проф. Б. Н. Одинцов („Земельный вопрос", Н. Р. Слово, 4-III — 1961 г.) и землеустроитель Столыпинской реформы, землемер М. З. Никонов-Смородин („Поземельно-хозяйственное устройство крестьянской России", изд. 1939 г.) утверждают иное.

Из этих трудов видно, что русские крестьяне, за малым исключением, в общем, остались при той земле, которую они обрабатывали для себя при помещике. И надел земли в сравнении с европейскими крестьянскими хозяйствами был не меньше и даже больше. Но крестьянское хозяйство в России, как впрочем и среднепомещечье, велось нерационально и потому не давало достаточного урожая.

Также неверно утверждение Арсеньева, что цена за землю была высока — в среднем 27 руб. за десятину (по Пушкареву).

Это можно утверждать принимая во внимание, что в Европе, как пишет Никонов-Смородин, в 1880 годах цена пахатной земли, в среднем, была 600-700 руб. за десятину.

Это искаженне правды, неприязнь, или в лучшем случае, снисходительно-презрительное отношение мы наблюдаем и в статьях авторов и по отношению ближайших помощников царя в этой реформе.

Например, в статье В. Я. Богучарского („Великая Реформа" том V, стр. 64) мы читаем о ген. Ростовцеве: „Тут сыграло свою роль, несомненно, то обстоятельство, что простой, чисто генеральский, ум Ростовцева не был до такой степени окутан бюрократической тиной, как у подавляющего большинства николаевских сановников, и именно это помогло Ростовцеву, — раз он что-нибудь понял. — идти вперед без задержек, без рефлексов. Позднейшую аналогию этому можно усмотреть в таких же точно мало культурных, истинно „генеральских", но не отравленных бюрократическим ядом, умах Лорис-Меликова и Ванновского".

Богучарский великолепен в этой, им занятой позиции превосходства над генералами. В этой его характеристике ярко выявилась психология интеллигента. Воображая себя солью земли, интеллигент не понимает, что говоря в таком тоне о достойных и верных сынах России, он проявляет себя узколобым сектантом, ограниченным и злобным фанатиком. Ослепленный ненавистью к царской власти и к ея представителям он не мог дойти до простой мысли, что человеческий ум определяется не мундиром и даже не образованием, а от Бога даным талантом и духовной культурой.

Но если у Ростовцева был обнаружен „генеральский ум", то у министра Внутренних Дел С. С. Ланского вообще ума обнаружено не было.

С. В. Фарфаровский в том же томе, на стр. 52-56 в статье о Ланском пишет: „Ни большого ума, ни энергии за ним не числилось".

Из министра юстиции графа В. Н. Панина А. К. Дживелегов („Великая Реформа", том 5-ый, стр. 147) и Гр. Джаншиев („Эпоха Великих Реформ") сделали какую то карикатуру на человека и сановника. А этот человек 24 года занимал пост министра юстиции.

Даже Н. А. Милютина, которого, вероятно потому, что он считался красным и потому, что его не любил царь, в исключение от других особенно превозносили, не могли оставить без критики и от него не отгородиться.

А. К. Дживелегов заканчивая статью о Милютине („Великая Реформа" т. 5-ый, стр. 72-78) типичными для интеллигента высокопарными словами пишет: „На всем последнем периоде жизни Милютина лежит поэтому печать какого-то глубокого трагизма, которая делает Милютина таким привлекательным. Но ни этот нестирающийся знак скорби на высоком челе Милютина, ни его безспорный талант, ни большие заслуги не должны заслонять от нас того, что было самым **существенным в его фигуре** (подчеркнуто в подлиннике) — государственника-абсолютиста"...

Эта антигосударственная и даже антинародная позиция интеллигенции становится совершенно явной в объяснении перемены отношения ген. Ростовцева к крестьянской реформе. Как известно, по началу он был против реформы, но после поездки заграницу в 1858 году он переменил свое мнение и стал горячим сторонником реформы.

Гр. Джаншиев в своей книге („Эпоха великих реформ" 8-ое изд., стр. 31) пишет по этому поводу: „В молодости Я. И. Ростовцев был декабристом и способствовал открытию заговора..." „Перемена во взглядах, происшедшая в Ростовцеве была так разительна..." „Есть предание. подтверждаемое и н. материалами (I, 115. II, 160), что летом 1858 г. сын Ростовцева в Дрездене, находясь при смерти, заклинал отца **загладить свое прошлое** (подчеркнуто мною, И. Л.) безкорыстною услугою на пользу рус-

ского народа и что Ростовцев дал в том слово".

Из этой заметки видно, что исполнение долга присяги Ростовцевым интеллигенцией рассматривается как измена. Т. е. интеллигенция была на стороне фактических изменников присяге, революционеров-гвардейцев, игравших с огнем революции, декабристов, которые, вопреки воле народа, оставшегося верным царю, готовились перебить династию, всенародно призванную к власти в 1613 году.

Мы видели оценку реформы интеллигенцией через 50 лет после ея осуществления.

Посмотрим же, какова была позиция интеллигенции во время ея осуществления. В то время интеллигенция только что начала осознавать себя как связанную общими интересами особую общественную группу, как некую внеклассовую прослойку разночинцев.

Посмотрим, содействовала ли она осуществлению реформы или нет?

Надо сказать, что в те годы выразителем мнений и настроений интеллигенции был журнал „Современник", издававшийся Н. А. Некрасовым. Руководящую роль в этом журнале имели тогда Н. Г. Чернышевский и Н. А. Добролюбов.

Соратником „Современника" в 1861-1862 г. был журнал „Русское Слово", главным деятелем которого был Д. И. Писарев.

К журналу „Современник" примыкали и сатирические журналы: „Искра", издаваемый и редактированный поэтом-сатириком Курочкиным, и „Гудок".

В книге Н. М. Сикорского — „Журнал „Современник" и крестьянская реформа 1861 г.", изданной Акад. Наук СССР, из которой и взяты эти сведения, мы читаем что: „Искра" и „Гудок" ...сыграли большую роль в борьбе с крепостническим строем, за общую демократизацию страны".

Какова же была эта роль?

Это мы видим из дальнейшего изложения: „Искра", как и „Современник", „проклятием молчания" встретили царскую реформу 19 февраля, прекрасно понимая ея антинародный характер", пишет Сикорский на 161 странице.

Из всех писаний этих вождей и основоположников идеологии „ордена интеллигентов", этих „властителей дум", мы видим одну главную идею, которую они проводят, и под углом зрения которой и оценивают все реформы. Эта идея проста — „долой царскую власть".

В своих статьях „Письмах без адреса" Чернышевский, по мнению самого Маркса, как пишет Сикорский (Арх. Маркса и Энгельса, т. XI, стр. 7), „призывал крепостничество ликвидировать путем революции".

Издеваясь над царской реформой, Добролюбов видит единственное ее последствие в еще большем усилении в стране реакции, новые репресалии по отношению передовой журналистики.

Герцен писал, обращаясь к русскому народу (Полное собрание сочинений и писем под редакцией М. К. Лемке, т. XI, стр. 315): „Ты ненавидишь помещика, ненавидишь подъячого, боишься их — и совершенно прав; но веришь еще в царя и в архиерея... не верь им! Царь с ними, и они его". (Сикорский, стр. 162).

В этих словах нет никакой разницы от призывов коммунистов к классовой борьбе и их культа классовой ненависти. И в этих словах выявилась душа русской интеллигенции, кумиром и безспорным авторитетом которой был Герцен.

Ею руководила не любовь к народу, от имени которого она выступала, не желание действительно помочь ему, а одно стремление — с помощью возставшего народа свергнуть ненавистную ей царскую власть.

„...Не критика крепостничества в плане экономическом составляла основное идейное содержание „Современника" в 1856-1858 гг. Главной своей задачей уже в то время журнал считал **разоблачение политической сущности крепостнического строя,** показ тесной связи крепостничества с царским самодержавием, пропаганду идей народной революции" пишет И. М. Сикорский (разрядка Сикорского).

Журнал „Современник" во главе с Чернышевским рассматривался как идейный центр революционно-демократических сил в стране" утверждает он на стр. 160.

Что это утверждение Сикорского верно, видно из содержания издававшихся Чернышевским революционных прокламаций: „Великоросс", „К молодому поколению", и „Барским крестьянам".

„В период становления революционной ситуации связи Чернышевского, пишет Н. М. Сикорский (стр. 82), с революционно настроенными кругами ширились и развивались".

К концу 1861 г. относится возникновение тайной революционной организации „Земля и Воля", в которую вошли активные участники „Современника" А. и Н. Серно-Соловьевичи, Н. Н. Обручев и др.

„Безспорно, пишет Сикорский на стр. 192-ой, что Чернышевский был идейным вдохновителем и руководителем „Народной воли".

Именно эта организация произвела несколько покушений на царя, который дал волю крестьянам, правый и милостивый суд и ряд других реформ. Именно эта организация, в конце концов, и убила его.

Вот какой вклад вложила интеллигенция в

дело реформы освобождения крестьян. И надо сказать, что все действительные участники реформы, которых она сейчас хочет как то пристегнуть к своей упряжке, никакого отношения к ней не имели. Большинство из них принадлежало к дворянскому сословию, к той его части, которая духовно и умственно была выше и серой средней массы реакционеров крепостников и патологически революционной группы интеллигентных разночинцев.

Конечно, с исторической точки зрения освободительная реформа не была никаким достижением. Во-первых, она запоздала. Во-вторых, она была неизбежна в исторически сложившейся тогда обстановке, под влиянием социально-экономической и технической эволюции во всем мире. И в связи с этим, естественный и единственный выход из экономического и социально-политического тупика, в котором тогда находилась Россия, был в реформе освобождения крестьян. Отжившие формы жизни должны были быть заменены новыми формами, как молодые поколения сменяют старые.

Патриархальная, социально - экономическая форма жизни народа, каковой по существу, была крепостная зависимость крестьян (уродливые отклонения в императорский период не меняют основной сути этой формы государственного тягла), в силу изменившихся условий жизни, должна была уступить новой форме — самоуправляемой общине. Последняя также была только переходной формой к единоличному владению, с вытекающими отсюда всеми юридическими и политическими правами; что и было впоследствии осуществлено Столыпинской реформой.

(Окончание следует)

„ЖИВ КУРИЛКА"

В № „НРС" от 10 мая с. г., в отделе „хроники" на первом месте, помещена заметка:

„80-летие А. Ф. Керенского.

4 мая исполнилось 80 лет проживающему в Калифорнии Александру Федоровичу Керенскому. Несмотря на свой возраст А. Ф. Керенский продолжает предпринятую им несколько лет тому назад большую историческую работу в библиотеке при Стенфордском университете в Калифорнии. Работа эта — история Февральской революции.

Новое Русское Слово приветствует А. Ф. Керенского по случаю его 80-ти летия и желает ему еще многих лет творческой жизни".

Уже давно стало „общим местом" бесспорное утверждение, что пресловутый февраль является прямым наследком „октября", и приветствовать одну из самых одиозных фигур февральской революции Керенского будут только немногочисленные сторонники его „творческой жизни".

Напомним читателям, что этот провинциальный адвокат только в гнилой атмосфере „февральской революции" мог сделать головокружительную карьеру, закончившуюся для него бегством в женском платье.

„Душка Керенский", как с первых дней революции начали называть Керенского восторженные психопатки, за каких нибудь 7 месяцев ухитрился быть министром юстиции временного правительства, затем военным министром и председателем совета министров и, наконец, главнокомандующим, т. е. проделать то, что может быть было-бы подходящим для какой-нибудь Колумбии, президент которой каким-то непостижимым образом „достукался" до звания генералиссимуса...

Убийственную характеристику Керенскому дает в своих воспоминаниях З. Гиппиус-Мережковская в вышедшей в Париже, в 1951 г. книге „Дмитрий Мережковский".

Эта талантливая дама, близкая к правящим кругам февраля, пишет:

...Керенский вихлялся, как трехколесная телега, трусил, что Савинков его убьет (!), но всего этого я не могу рассказать здесь.

И не один Керенский был в истерике. Что говорил тотже Бунаков (Фундаминский — один из „вождей" партии эсеров). Я отвечаю за верность выписок и опять начинаю не верить, что это могло быть.

Партия эсеров благодаря тому, может быть, что к ней принадлежал премьер Керенский, подняла голову вся целиком, захватила истерически-трусливого Керенского в свои руки и думала только о своем торжестве на проблематическом — „Учредительном Собрании". А что такое была эта партия — послушаем давно известного нам члена Центрального Комитета И. Бунакова:

„Чернов (глава партии), говорил он, — бесчестный негодяй, мы заграницей, ему руки не подавали, но... я сижу с ним теперь рядом в ЦК и партия ультимативно отстаивает его в правительстве. Громадное большинство в ЦК или дрянь, или ничтожество. Все у нас постро-

ено на обмане. Масловский — форменный провокатор, но мы его оправдали. Я знаю, у нас многие просто немецкие агенты, получающие большие деньги. Но я молчу. Я стою за Россию, но я дал свое имя максималистско-интернациональной газете. Меня тянет уйти, но вот Плеханов откололся, ушел из партии (социал-демократов. Наше примечание). Чистка ее невозможна (партии СР) — кому чистить, когда все такие. Чернов — негодяй, но он может 13 речей в один день произнести".

Можно к этому еще добавить, что в своей книге „Роковые годы" начальник разведки Генерального Штаба при Временном Правительстве после февральской революции полковник Никитин пишет следующее (стр. 77): „Как-то в мае я заехал в Английскую военную миссию". Посмотрите, какое интересное сведение, „сказал мне майор Элли, достав из письменного стола небольшую книжечку. В руках его оказался секретный справочник английской разведки, издания 1916 г." Элли и Никитин вместе прочли, а Никитин сейчас-же записал следующее:

„Бывший австрийский консул во Флоренции Пельке фон Нерденшталем, после объявления войны Италией, переехал в Швейцарию. Там он специально вербовал политических деятелей для работы в пользу Центральных держав. Одним из привлеченных им для такого рода деятельности был Чернов".

Общеизвестен факт, что совет министров Временного Правительства в целом составе знал о Чернове много. При обсуждении вопросов военного характера, когда затрагивались в присутствии министра земледелия В. Чернова „щекотливые темы" — министры переглядывались друг с другом и даже толкали под столом ногами один другого".

В партии, как это тоже известно, „вождь" ее Чернов пользовался все-же непререкаемым авторитетом и Керенский находился всецело под его влиянием...

„Всероссийский балаган", как окрестили февральскую революцию описывать в небольшой статье не место, но для характеристики этого балагана можно привести содержание летучки, распространявшейся в Петрограде во время выборов в Учредительное собрание. Вот текст этой летучки:

„Граждане! Если хотите доставить удовольствие Александру Федоровичу — голосуйте за список № 9 — социалистов-революционеров".

Как известно, Учредительное собрание было без труда разогнано пьяным матросом Железняком и кучкой матросов.

Невольно напрашивается аналогия разгона Учредилки с разгоном, по поручению Наполеона, Мюратом Совета пятисот и Совета старейшин французской республики 18 брюмера. Но там, после того, как появившегося в зале Совета Бонапарта едва не разорвали и во всяком случае сильно помяли, в зал ворвались со штыками наперевес гренадеры и быстро очистили помещение, в российском случае, громадное большинство членов Учредительного собрания социалисты-революционеры, почти все вооруженные, услужливым правительство Керенского револьверами, трусливо, во главе с председателем Черновым, как бараны, без сопротивления, поспешно очистили помещение. Если французский случай можно назвать трагическим, то в „русском" случае был просто фарс. И вот, к утешению „февралистов" один из главных героев „всероссийского балагана" пишет в настоящее время, конечно, при поддержке симпатизирующих российской революции кругов, историю этого балагана...

Размеры статьи не позволяют надлежаще осветить роль „героя" февральской революции — но в заключение считаем нелишним отметить, что еще в 1957 г. в Нью-Йорке при ближайшем участии Керенского и его „Объединения российских народников" был выпущен сборник „Судьбы России". В нем приняли участие, кроме Керенского, еще следующие лица: А. М. Карпович, Ф. А. Степун, Н. О. Лосский, Н. С. Тимашев, Н. В. Нароков, В. А. Никитин, И. А. Курганов, В. Ф. Тотомианц, В. А. Левченко, В. К. Завалишин, Н. В. Воронович, О. В. Анисимов. В. А. Левченко, написавший для сборника статью „Перелом в сознании народа" и в 1959 г. благополучно отбыл в СССР, несмотря на все уговоры своих приятелей из окружения Керенского.

В „Новом Журнале", книга 48 за 1957 г. один из видных деятелей партии эсеров, проживающий в настоящее время в Н. Йорке, М. Вишняк, в статье „Сорок лет" пишет: ...не помню точно, когда и в каком органе я упомянул, что „любовь к революции мы давно потеряли", что со стороны бывшего моего лидера В. М. Чернова вызвало отповедь „взаимность в этом деле ему (Вишняку) вполне обеспечена... Революция разлюбила его еще раньше, чем он разлюбил революцию („Революционная Россия" № 65 за 1928 г.). „Но признание в любви или нелюбви не было ответом на вопрос. В статье из тридцатилетнего далека, я точнее и в общем виде утверждал, что, судя по итогам — **революцию делать не стоило...**

Роль эсера и массона Керенского, членов партии эсеров, а также соц.-дем.-меньшевиков и интернационалистов, очутившихся в эмиграции, и усердно работавших для провала борьбы с большевиками Добровольческой Армии, еще ждет свого беспристрастного исследователя.

Вл. Туганов

ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ

Многоуважаемый госп. Редактор,

Ваша статья „Карл Маркс — Эйхман", как отклик на идущий в Израиле процесс, побудила меня обратиться с письмом в редакцию Вашего журнала по причинам изложенным ниже.

Во-первых — накануне начала этого процесса в одной Нью Йоркской газете появилось на целой странице обращение к читателям с рекомендацией: „...обсуждайте этот процесс всюду и со всеми, за утренним завтраком, в автобусах и собвеях, в школах, в поездах, в перерывах на работе...". Во-вторых — об антисемитизме немецком и его преступлениях говорят в прошлом. Но об антисемитизме в СССР пишут и говорят чуть ли не ежедневно на всех языках. Поэтому нам, русским, особенно важно разобраться в этой страшной болезни.

В течении тысячилетий, с библийских времен, почти все народы несут это клеймо „антисемитизма" на том или другом отрезке своей истории, а наш народ чуть ли не появился на свет Божий с этим клеймом. На протяжении тысячилетий еврейский народ — „жертва" и фактически чуть ли не все человечество по сей день пребывает в роли обвиняемого. Не пора ли человечеству, откинув ложное чувство страха, попытаться установить, как могло случится, что с сотворения мира все человечество виновато, а его ничтожная часть всегда права? Нормально ли такое положение? Не противоречит ли оно всем законам логики и даже скромному чувству справедливости? Не настало ли время создать международный форум — судилище, чтобы открыто обсудить причины этого ненормального положения. Не пора ли стряхнуть с себя страх обвинения в антисемитизме даже за дерзкую мысль о постановке вопроса о международном разбирательстве? В наш век материализма и почти полного атеизма говорить только о „религиозных предрассудках" не совсем убедительно, да и нет религии с которой нельзя было бы мирно сосуществовать. Не право ли каждого искать точного объяснения часто туманного слова „антисемитизм", так как это обвинение часто звучит почти шантажем. Приведу маленький пример такого обвинения, совершенно невероятного, забыть которое невозможно. Несколько лет назад в „Социалистическом Вестнике", не помню по какому случаю (да это и не важно), один выдающийся лидер революционной демократии г. Вишняк, без обиняков объявил, что — „антимарксизм — это антисемитизм". Как можно назвать такое затыкание рта антимарксистам таким неуместным обвинением?

В Апреле этого года вновь избранный председатель раввинов в Америке, г. Вайнберг, немедленно решил потребовать, чтобы Объединенные Нации объявили „антисемитизм" международным преступлением. Как можно это сделать без точного определения состава преступления, входящего в туманное понятие „антисемитизм" и причин вызывающих различные его вариации? Я, конечно, не имею в виду айхмановских преступлений, единодушно всеми осужденных, вариации найкрайней, краткой по времени и страшной по результатам. Я говорю о частом и тонком злоупотреблении этим обвинением, вызывающим недоумение.

В Субботу — 6-го Апреля знаменитый английский историк Тойнби выступил в „American Council for Judaism" в Филадельфии и выразил мнение, что уничтожение этнической самоизоляции между евреями и неевреями путем смешанных браков было бы лучшим средством в лечении зла антисемитизма. Тогда совет раввинов в Америке, в лице его председателя — г. Вайнберга, осудил подобное предложение как „антидемократическое", как страшный грех для евреев и как дурной вкус историка в свете происходящего процесса Айхмана. Что предлагать подобные вещи — это значит не понимать миссии еврейского народа и что антисемитизм не есть результат недостатков еврейского народа, а есть результат недостатков структуры всего человечества. Тут мы опять наталкиваемся на непроходимую стену извечного спора „обвиняемых" и „жертв".

Вот и попробуй обсуждать процесс Айхмана „в школах, в автобусах, в собвеях, за завтраком и пр., и пр." Вот и попробуй вдумчиво отнестись к тому, как изжить это вековечное зло антисемитизма. Нет, только международный процесс в стиле Айхмановского с участием лучших умов человечества на равных правах для „обвиняемых" и „жертв" смог бы разрубить этот тысячелетний гордиев узел антисемитизма и причин его вызывающих. Без предельной ясности и отчетливости во взаимоотношениях всего человечества и его маленькой части борьба с антисемитизмом не достигнет цели.

К. А.

***

Мою статью в „Нашей Перекличке" №), озаглавленную „То, о чем не пишут" г. Войцеховский в „Нашей Стране" (№ 576) назвал „мыслями лукавствия", считая ее просоветской и приписывая мне то, чего я, и не думал, и не писал — одобрение политики Кремля вообще

и утверждение, что **внешняя политика большевиков есть продолжение политики Императорской России.**

Полемизировать о том, чего я не писал и не говорил (а это ясно каждому, читавшему мою статью), не имеет смысла. Ибо полемика не о написанном, а о приписываемом — это оправдание перед кем то, кому вздумалось что то мне приписать. По каким соображениям — безразлично.

Но все же считаю нужным сказать несколько слов по поводу, приписываемой мне г. Войцеховским (совершенно произвольно и бездоказательно), мысли, что внешняя политика большевиков — есть продолжение политики Императорской России

Мысль это не моя, а тех 20-ти министров иностранных дел государств Америки, которые осенью 1958 года в г. Антигве вынесли резолюцию, в которой Россия названа „пожирателем народов" и в которой сказано, что большевики продолжают политику русских царей от Ивана Грозного до Ленина и Сталина.

Дальнейшим развитием этой резолюции является, теперь всем известный закон о „Плененных Нациях", предопределяющий расчленительскую по отношению к России политику США. И о резолюции, и о Законе г. Войцеховскому, конечно, было хорошо известно, но он предпочел из каких то соображений о них умолчать. Сделано ли это из высокого русского патриотизма и глубоких антикоммунистических соображений или по тем причинам, по которым когда то было сказано: „могу ли я свое суждение иметь?" — никакого значения не имеет.

Поэтому, полагаю, было бы логично, если бы свое, сильно запоздалое, но безусловно справедливое негодование против утверждения, что политика большевиков есть продолжение политики Русских Царей и Императоров, г. г. Войцеховский направил не по моему адресу, а по адресу тех, кто выносил резолюцию в Антигве и закон о „Плененных Нациях". Однако до сих пор г. Войцеховский этого не сделал.

Оставаясь при своем убеждении и утверждении, что **иногда,** но далеко не всегда внешняя политика Кремля идет по тем же путям, по которым должна бы была итти внешняя политика Национальной России, я четко различал и различаю разницу **конечных целей** коммунистов (захват всего мира) и Национальной России (единство и безопасность государства и предотвращение возможных вторжений иностранцев).

К сожалению, расчленительская по отношению к России политика Свободного Мира дает оправдание политике Хрущева, направленной к расчленению расчленителей. Ведь не считаю же я „хрущевцем" г. Войцеховского, который (в той же статье, в которой критикует меня), высказался одобрительно о, проводимом Хрущевым, уравнении в правах русского народа с инородцами, которые десятилетиями были на привиллегированном положении. (Это уравнение многие называют „антисемитизмом").

Несмотря на то, что это уравнение проводится Хрущевым, г. Войцеховский его правильно понял и одобрил это хрущевское мероприятие.

Одобрение же хрущевской политики в национальном вопросе г. Войцеховским приобретает особенную ценность еще и потому, что сам г. Войцеховский является русским монархистом-легитимистом по высказываемым, убеждениям и вице-председателем Рос. Полит. Комитета, организации, которая, по ее словам, ведет антикоммунистическую работу.

Не разделяя во многом, как политических установок г. Войцеховского, так и методов его ведения политической работы, я радуюсь, что в вопросе полезности для русского народа смещения с руководящих постов инородцев и интернационального сброда — мы с ним единомышленны.

Андрей Дикий

Пост скриптум. Приведенная выше статья была напечатана в журнале „Наша Перекличка" и вызвала со стороны некоторых читателей упрек, что я слишком пессимистически смотрю на эмиграцию.

Но не прошло и двух недель, как мой пессимизм, увы, был подтвержден двумя сообщениями в эмигрантской печати. Они заслуживают, чтобы на них обратить внимание и воспроизвести полностью.

В № 95 „Информационного бюллетеня Российского Национального Объединения" (декабрь 1960 года) имеется следующая заметка:

„В „Новом Мире" № 8 (Москва) помещена статья Льва Любимова, который недавно посетил Париж. Этот господин, бывший сотрудник „Возрождения", работал с немцами, а потом, после освобождения Франции, перекинулся к большевикам и сделался активным советским пропагандистом. В 1946 году французские власти выслали Любимова в СССР за коммунистическую пропаганду. Он устроился в Москве в „Литературной газете" и в своих очерках поливал грязью эмиграцию; выпустил свою книгу об эмиграции, клевеща на нее и хороня ее по третьоему разряду.

„И вот в описании своей поездки в Париж, в советском журнале, Л. Любимов описывает, как его чествовали некоторые русские эмигранты, среди них: потомок знаменитых елизаветинских вельмож, внук всемогучего министра при Александре II, два бывших гвардей-

ских офицера... На чествовании говорилось о том, что он, Любимов, „один среди нас представляет собою подлинную страну"...

А в прошлом № „Знамени России" (№ 205) была заметка, которую, может быть, кто и проглядел, а потому ее повторяю, ибо, полагаю, она этого заслуживает:

„На этих днях, в доме „Свободной России" состоялось чествование некоего полк. Шереметьевского, уезжавшего в титовскую Югославию. В банкете приняло участие до 25 человек, во главе с кап. Б. В. Сергиевским, почитающим себя одним из лидеров эмиграции. Было произнесено много тостов, с пожеланием отъезжающему успешного сосуществования с коммунистическим режимом".

Что это значит? Как это понимать?

Почему нет опровержений, если это все — неправда? Почему эмигрантские антикоммунистические организации не реагируют подобающим образом, если это правда?

Ведь прошел уже целый месяц после процитированных выше сообщений, чтобы на него откликнулись организации, особенно те, в чьих рядах пребывают участники чествования коммунистического журналиста и банкета возвращенцу из свободного мира за „железный занавес".

Полагаю, всякому понятно, что, если молчание продолжится, и „сор не будет вынесен из избы", то этим самым эмигрантские антикоммунистические организации солидаризируются с участниками банкетов и проводов, то-есть распишутся в своей политической смерти.

А. Д.

***

16 мая 1961 г.

Милостивый Государь Господин Редактор!

Прочел статью проф. Н. Полторацкого „Не изменить, а отменить" (Н. Р. С. 16 мая с. г.) по поводу закона 86-90 („о порабощенных нациях") и считаю, что русская общественность должна поблагодарить проф. Полторацкого за исчерпывающие разъяснения, которые им в этой статье были даны.

Из этих разъяснений видно, что нельзя соглашаться на изменение этого закона включением в список порабощенных наций русского народа, на что соглашается Представительство Росс. Эмигрантов, т. к. это изменение не изменит сущности закона, которая заключается в призыве к расчленению России.

Но одновременно необходимо потребовать от Представительства Росс. Эмиграции отчет о позиции, которую оно заняло в этом вопросе и которая, естественно, вызывает безпокойство и подозрения.

Объяснить эту позицию непониманием закона нельзя.

Во-первых, потому, что еще в прошлом году ошибочность занятой позиции Представительством в этом вопросе с предельной ясностью было дважды объяснено в сторонних сообщениях, помещенных в Н. Р. С. Блоком Националов.

Во-вторых, такое непонимание свидетельствовало бы о полной неспособности возглавления Представительства.

Остается, следовательно, предположить, что Представительство Росс. Эмигрантов **согласно** с расчленительной политикой в отношении России.

Персонально каждый эмигрант может занимать любую позицию в этом вопросе, но Представительство Росс. Эмигрантов не может сходить с позиции **защиты интересов** русского народа.

В связи с изменой этим интересам указанной организацией ставится вопрос о праве ее именоваться Представительством Росс. Эмигрантов.

Прошу настоящее письмо в редакцию поместить в Вашем журнале.

Уважающий Вас

И. Ланской

ОБЪЯВЛЕНИЕ

В редакцию поступила просьба Генерального секретаря Союза Императорской Конницы и Конной Артиллерии М. А. Колосовского возможно шире оповестить русскую национальную общественность о нижеследующем.

Год тому назад Союзом была выпущена грамофонная пластинка с 6-ю маршами Императорской Кавелерии. Пластинка эта разошлась в количестве нескольких тысяч экземпляров, но это количество не покрыло всего спроса на эту пластинку, и со всех концов света продолжают поступать требования. Необходимо произвести второй выпуск, при чем по требованию заказчиков в пластинку должен быть включен Императорский Гимн и „Коль славен".

Первый выпуск был сделан фирмой „Полидор" на свой страх и риск и, хотя выпуск с излишком покрыл все расходы, но от второго выпуска фирма отказалась, указав, что для нее

это предприятие не является достаточно „коммерческим". Союз обратился в другую фирму — „Патэ Маркони", и по представленной смете выпуск тысячи дисков обойдется в 5050 фр. франков, таким образом для осуществления этого заказа необходимо, чтобы из сотен тысяч русских эмигрантов откликнулось 505 русских патриотов, которые бы внесли по 10 франков (для Америки — 3 дол., для Германии — 10 марок и для Англии — 1 ф. ст.). Количество взносов не ограничивается. Каждый, внесший указанную сумму, получит без дополнительных расходов диск, при нескольких взносах — получит либо несколько дисков, либо — по реализации дисков получит деньги обратно. Если число взносов превысит основную сумму, заказ соответственно будет увеличен. Сомнений быть не может, что выпущенные 1000 дисков с Гимном и „Коль Славен", спрос на которые превышает все остальное, без сомнения разойдутся в кратчайший срок. Предложение увековечить в звуках наше историческое и родное прошлое, которому мы были свидетелями, несомненно будет приветствуемо и оставит в наследство нашему потомству то, что после нас никто и никогда больше не воспроизведет. Беря на себя инициативу, — „Союз Императорской Конницы и Конной Артиллерии" уверен, что каждый русский сочтет за патриотический долг выпустить свой старый Императорский Гимн, который, к великому стыду до сих пор услышать невозможно. **Будем помнит, что пока к нам не подкрался последний час, надо спешить, ибо времени остается очень и очень мало".**

Акция по сбору заказов ограничена временем — 1-го Июля с. г., после которого либо будет выполнен заказ, либо внесенные взносы будут возвращены.

За всеми справками и взносы надлежит направлять по следующему адресу:

Mr. M. A. Kolossovsky, 238 bis Bd Lean Yaures, Boulogne (Seine) France.

Редакция

Помещается как стороннее сообщение

НЕ МОЖЕТЕ САМИ — НЕ МЕШАЙТЕ ДРУГИМ!

(Открытое письмо)

Вся, способная мыслить политически, эмиграция отлично понимает, что пропаганда расчленения России усиливает Советскую власть, давая ей основание выступать в роли защитника единства Государства.

Поэтому так взволновалась эмиграция, когда узнала содержание резолюции в Антигве и закона о „Плененных Нациях". Только, не понявшее закон „Зарубежное Представительство" его „приветствовало". Но и оно, когда ему на страницах печати было объяснено, в чем дело, от своего первоначального „приветствия" отреклось, заменивши его пожеланием, чтобы и „русский народ был включен в число „плененных", не упомянувши ничего о расчленительской сущности Закона и, повидимому, все же так и не уяснивши себе, что надо добиваться **отмены** Закона, а не ограничиваться пожеланием, чтобы русский народ был включен в список народов, которые, по словам Закона, пленены „русским коммунизмом"...

Только когда за дело борьбы за отмену Закона взялся профессор Чеботарев, эмиграция облегченно вздохнула и старается его всемерно поддержать.

„Присоединилось" к обращению проф. Чеботарева и „Зарубежное Представительство", со всеми своими многочисленными организациями.

Казалось бы, что, „присоединившись", надо было обращение проф. Чеботарева всемерно поддержать и быть ему благодарными за то, что он смог сделать то, чего не смогло сделать „Представительство" — четко выразить мысль и собрать под своим обращением подписи авторитетных профессоров Американских Университетов.

Но непреодолимый зуд быть „пропечатанными" толкнул „Представительство" на путь проявления собственной инициативы, которое выразилось в переписке с отдельными второстепенными персонажами американской политической жизни и даже мелкими чиновниками, и, конечно, „пропечатывания" своих литературно-политических произведений и ответов на них в эмигрантской печати.

С недоумением читает эмигрант эти „письма" и ответы на них. Неужели же авторы „писем" не понимают, что они портят дело проф. Чеботарева, к которому сами „присоединились"? Неужели не понимают, что всеми этими „пропечатываниями" они сами себя делают мишенью вполне заслуженных юмористических оценок их деятельности? Неужели им не

ясно, что их „деятельность по борьбе с коммунизмом", последнему скорее полезна, чем вредна, ибо демонстрирует перед всем миром степень политической грамотности и понимания вопроса теми, которые выступают „от имени эмиграции"?

Не лучше ли бы было „Представительству", выступающему „от имени эмиграции", подумать о том, почему эта самая эмиграция в лице своих **политических** (а не „воспоминательно-бытовых") организаций его бойкотирует?

Ведь ни для кого не секрет, что, возглавляемое кн. Белосельским и кап. Сергиевским „Представительство" бойкотируют и не желают с ним сотрудничать следующие не-социалистические эмигрантские политические организации: Монархисты-Легитимисты, Имперцы, Народные Монархисты, Солидаристы одни (НТС), Солидарист другие (РНТС), „Мельгуновцы", „Народники", Блок Националов (объединяющий федералистов, не-великороссов), Власовские организации СБОНР и СВОД. То есть **все политические** эмигрантские организации, стоящие на общероссийской и антисоциалистической платформе.

В чем дело? Где лежит тому причина? Не следует ли ее поискать и устранить?

Почему среди возглавителей „Представительства" нет или почти нет людей с высшим образованием? — В представительствах других народов сидят люди с университетскими дипломами или даже научными степенями.

Почему в рядах возглавителей Представительства мы не видим ни одного имени русских — профессоров американских университетов, хотя, как известно, таковых в США имеется много десятков?

Почему, наконец, Представительство не сочло нужным хоть один раз опубликовать подробный список тех многочисленных организаций, числом которых оно пытается оправдать свое право выступать „от имени эмиграции"?

Заняться изучением этих вопросов было бы куда полезнее чем „пропечатывать" свои собственные письма и ответы на них и обвинять тех, кто от „деятельности" и выступлений Представительства „отмежевываются", или, потерявши в него веру, пытаются создавать свою организацию, или, наконец, попросту молчаливо бойкотирует то, что им кажется несериозным и, нередко, смешным.

В свободной Америке каждый может сам себе свободно выбирать любую роль — от наименования себя „вождем" или „лидером", до пребывания в рядах челяди, безгласной и безсловесной, этих „вождей, называя это пребывание „сотрудничеством". Право каждого ставить самого себя в смешное и глупое положение...

Захотелось „вождям" и их „сотрудникам" своими выступлениями в связи с „Законом о Плененных Нациях" сделать себя всеобщим посмещищем — это их личное дело и неотъемлемое право, оспаривать которое никто не может.

Но выступать „от имени эмиграции" и делать ее всю посмещищем — этого права никто не имеет.

Проф. Полторацкий, один из профессоров Амер. Ун-тов, подписавших обращение проф. Чеботарева в своей статье в НРС „Отменить, а не изменить" (5. 13. 61) с предельной ясностью и уничтожающим анализом дал свою оценку деятельности „Представительства" в связи со злополучным законом о „Плененных Нациях". Оценку, несомненно разделяемую всей мыслящей эмиграцией.

Неужели же и после этого оба „вождя" и их „сотрудники" не поймут простой истины, что прежде чем что то делать, писать „письма" и их „пропечатывать" равно, как и ответы на них, не мешало бы и подумать?

Не умеете делать сами — не мешайте другим!

Российский Антикоммунист

СООБЩЕНИЕ

Доводится до сведения подписчиков и читателей „НАШЕЙ ПЕРЕКЛИЧКИ", что 25-го Июня с. г. в доме Русского Клуба, 51 Ист 121 стр. в 3 часа дня состоится доклад проф. А. Г. Волгина

АЛЕКСАНДР НЕВСКИЙ

на основании новейших данных. Убедительная просьба довести до сведения друзей и знакомых, а также возможно шире оповестить нашу русскую молодежь. На покрытие расходов — добровольный взнос.

А. БАЛАКЛИЦКИЙ
РУССКИЙ ГАСТРОНОМИЧЕСКИЙ МАГАЗИН.
3425 BROADWAY между 139 и 140 ул.
Tel.: AU 3-0690.
ВСЕГДА ЛУЧШЕЕ И СВЕЖЕЕ.

ФОТО-СТУДИЯ Н. ТЕЛЯТНИКОВ
561 W. 141 St., New York 31, N. Y.
Выполняет всевозм. фотогр. заказы.

РОЗЫСК

Ищу брата АЛЕШУ СОКОЛОВА (Алексея Борисовича). Родился на Украине в 1902 г. Поступил в Добровольческую Армию на Кубани при отступлении к Новороссийску в 1919 г. Был на фронте перед взятием красными Екатеринодара. С тех пор судьба его неизвестна. Последние сведения из станицы Белореченской.

Прошу писать по адресу:

Natalie Scott
43 Concord Avenue,
Larchmont, N. Y., U. S. A.

„ВЕЧНАЯ РОССИЯ"

Сборник статей разных авторов в разных газетах и журналах, посвященных вопросу интересов „Вечной России" и борьбе с коммунизмом. Статьи: А. Дикого, Б. Ганусовского, Г. Месняева, С. Рафальского. Полный текст расчленительной резолюции в Антигве и Закон о плененных Нациях. Издание „Правда о России. Цена 75 ц. с пересылкой. — Заказы направлять в редакцию НАШЕЙ ПЕРЕКЛИЧКИ.

„НЕИЗВРАЩЕННАЯ ИСТОРИЯ УКРАИНЫ-РУСИ"

Том 2-ой.

По независящим от издательства обстоятельствам выйдет только в конце Июня и с 1-го Июля будет приступлено к разсылке всем предварительно подписавшимся. — Цена — 5 дол. Заказы направлять в редакцию НАШЕЙ ПЕРЕКЛИЧКИ.

РАСПРОСТРАНЯЙТЕ „НАШУ ПЕРЕКЛИЧКУ"!

Выходит ежемесячно. Подписная плата 3 дол. 60 ц. в год. Можно подписываться и на любое количество номеров, исходя из расчета — 30 ц. за номер.

НОВАЯ КНИГА

ПОЛК. Ф. В. РУСАНОВА

„ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТКА ЛЕЙБ-ГВАРДИИ ГРЕНАДЕРСКОГО ПОЛКА"

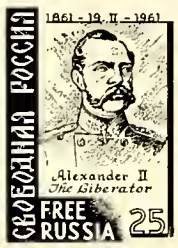
(1-ая МИРОВАЯ ВОЙНА)

В книге 12 исторических фотографий.

Цена книги 2 дол. 25 цент. с пересылкой.

Заказы и деньги направлять в редакцию Наша Перекличка.

Обнародование Императором Александром II, Освободителем. Манифеста 19 Февраля 1861 года об Освобождении Крестьян от Крепостной Зависимости.

1861  1961

Proclamation of the Manifesto of February 19, 1861 issued by the Emperor Alexander II, The Liberator, granting the liberation of the peasants from serfdom.

Эту марку можно заказать в ред. Нашей Переклички.

ПРОДАЮТСЯ РЕДКИЕ КНИГИ:

„Всеобщая древняя и новая история АББАТА МИЛЛОТА содержащая повествования о всех народах мира и доведенная до 1 8 1 5 Г о д а"

Издано в типографии Императорских театров С. Петербург 1820 года.

В кожаном переплете того же времени. Части 2, 6, 11 и 12. Цена за каждую книгу доллара 4.50.

Обращаться в редакцию „Нашей Переклички".

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1961 ГОД

на ежемесячный карпаторусский журнал

„СВОБОДНОЕ СЛОВО"

Пописная цена на год — $3.00. на полгода $1.50
Отдельный номер $0.25 — Двойной номер — $0.50.
Адрес редакции:
P. O. Box 992, Newark 1, N. J., U. S. A.

Адрес редакции:
A. PAVLOV, 423 W. 118 St., apt. 35.
New York 27, N. Y.
Tel.: MO 6-3886.

Printed in U. S. A.

„Боже, разсуди меня с этим высокомерным народом", — заключительные слова молитвы Александра Невского перед Ледовым Побоищем ... и Бог „разсудил"! „Крепка Русь — все переборит" — Даниил Галицкий. Карпаторусская поговорка.

Цена этого номера в С. А. Ш. 30 центов

Monthly Russian Magazine of the Veterans of the Armies of Gen. Denikin and Gen. Wrangel and of the First World War.

ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
ИНФОРМАЦИИ И СВЯЗИ БЕЛОГО ЛАГЕРЯ РОССИЙСКОЙ ЭМИГРАЦИИ

2-ой год издания. **№ 18 (118)** **Июль 1961 г.**

17-го Июля во исполнение интернационального заговора против Российской Монархии, Православной Веры, русской государственности, Россіи — величайшей Имперіи и носителя этой идеи — русского народа, был зверски убит Российский Император НИКОЛАЙ II вместе с Семьей интернациональными Айхманами. Помолимся об упокоении душ Великих Мучеников. Возможно, что мучения Императора и Его Семьи были усугублены сознанием, что Они остались всеми покинутыми: и Гвардией, и Армией, и Собственным Конвоем и Русским Народом — потерявшими разум. Мы здесь и Русский Народ тяжело несем допущенное преступление, и не видно конца страданий нашего народа. Единственной нашей надеждой и верой в милость Божию среди разбушевавшихся темных сил мира остается незыблемая вера в Русский Народ, здоровый государственный инстинкт которого поможет ему сбросить с себя антихристово ярмо. Помоги ему Всевышний!

А. П.

Храм св. Праведного Иова Многострадального в Брюсселе в Память Царя-Мученика НИКОЛАЯ II-го, Царской Семьи и всех в смуте пострадавших.

Этот храм — это свеча от всего Зарубежья за Всероссийского Царя-Мученика, за Царскую Саммью и за всех пострадавших в годы нашего Лихолетия. В нем ежедневно возносится за них молитва. Храм этот духовно об'единяет всех преданных памяти Царя-Мученика и верных нашему страждущему Отечеству и является символическим надгробным памятником Царской Семьи и всех с Нею и за Нее пострадавших. Таким он останется пока по милости Божией не будет от лица всего Русского Народа воздвигнут величественный храм над грозной Екатеринбургской шахтою.

Архиепископ Иоанн.

Храм нуждается в очередном ремонте и в поддержании благолепия, необходимы также средства и для ремонта церковного дома и для оказания помощи нуждающимся от имени храма — просьба к православным и чтущим память Государя, в годовщину убийства, прийти на помощь посильными пожертвованиями, которые можно направлять в адрес редакции.

Список жертвователей будет опубликован на страницах журнала.

Ред. А. Павлов

СУЩЕСТВУЕТ-ЛИ АНТИСЕМИТИЗМ В СССР?

На этот вопрос ответить нетрудно, если точно определить что понимать под словом „антисемитизм". Обычно в него вкладывают весьма разное содержание, а потому и ответы получают разные.

Мы будем различать „семитофобию" и „антисемитизм". Семитофобия — это ненависть ко всякому еврею, ко всему еврейскому, в режиме Гитлера она получила свое классическое воплощение и обоснование.

В России до революции семитофобия процветала только в самых отсталых умственно и низко моральных кругах „черносотенцев".

С приходом советской власти семитофобия сошла на нет. Прежде всего широко практикуются смешанные браки, в еврее уже не видят пария, человека какого-то худшего качества. Общество не делает ни малейшей разницы между евреем и представителями других национальностей, судят каждого человека по его личным качествам, а не по национальности, вероисповеданию итд.

В этом отношении безусловно правы те, которые утверждают, что антисемитизма в СССР нет. Евреям не только открыты все пути для их развития, но и сами евреи по своей воле сломали те искусственные перегородки, которые отделяли еврейство от других народов (в религии, обычаях, пище, одежде, поведении итд. евреи восприняли окружающую их среду).

Ассимиляция пошла такими большими шагами, что еврейство стало сходить на-нет. Нам лично известны случаи, когда внуки-евреи не понимали своих дедушек и бабушек, потому что не знали достаточно „идиш". Старики возмущались этим, но сути дела это не меняло.

Эта ассимиляция быстро выбила из под ног семитофобии все теоретические и практические предпосылки, и она исчезла, как общественное явление (об отдельных, чуть-ли не патологических случаях мы не говорим).

Можно утверждать с полной ответственностью, что советское общество не видит в еврее существо низшего порядка, для него еврей — вполне и во всех смыслах полноправный член общества.

Однако, уничтожение семитофобии не означает и уничтожения „антисемитизма". Антисемитизм — это явление не расового или этнического, а социального порядка.

Евреев в СССР не любят не потому, что они евреи, а только тех, которые, если так можно выразиться, ведут себя слишком по-еврейски: т. е. слишком ценят деньги и не слишком-то считаются с моралью на пути к их достижению.

Народные массы (не евреи) в так называемой „черте оседлости" выработали веками отрицательное отношение к евреям, ибо им приходилось сталкиваться с евреями самых неприятных для них профессий: ростовщиков, арендаторов, корчмарей, торговцев, маклеров итд., выжимавших из них последние соки.

Ненависть к евреям питалась главным образом социальной несправедливостью, ненавидели не общественное положение данного еврея, а и самого еврея, занимавшего эту должность.

Вместе с тем многие понимали, что положение евреев тоже было безвыходное: общество предоставляло им весьма ограниченные возможности, и борьба за существование была у них необыкновенно жестокая. Трудно теперь представить ужасную бедность, буквально нищенство, тогдашних масс евреев в „черте оседлости".

Вполне понятно, что советская власть нашла в евреях самых горячих сторонников и в самые трудные дни она опиралась именно на еврейские массы.

Сейчас в СССР найти снимок исполнительного комитета Рабоч. Крестьянск. и Солдатск. депутатов почти невозможно: он систематически и всюду уничтожался, т. к. на снимке было видно столько евреев, что он становился одним из орудий „семитофобии".

Достаточно вспомнить роль создателя Красной Армии Троцкого, роли Каменева, Зиновьева, Урицкого, Свердлова итд., чтобы понять роль евреев в укреплении власти советов в России.

Насколько было сильно влияние евреев в первые годы советской власти, видно из того, что за слово „жид" давали до 3-х лет тюрьмы, т. е. антисемитизм оффициально признавался преступлением; оскорбление же представителей других национальностей либо вовсе не наказывалось, либо в несравнимо ничтожном размере.

Вскоре, однако, уже в первые годы воцарения Сталина, между властью и еврейством стал вбиваться клин. Сначала удар был нанесен по партийной верхушке, именно по евреям-противникам Сталина. Их погибло множество, ибо они потянули за собой и всех тех, на которых они опирались.

Затем твердая политика правительства по линии социализации показала, что надежд на возврат капитализма нет. Это отбросило основную массу евреев от политики правительства, и еврейство стало в оппозицию, хоть и не явную, но недостаточно тайную.

Попытки решения еврейского вопроса коммунистами в плоскости создания национальной еврейской общности на какой-то территории (сначала на Украйне, а затем в Биробиджане) не дали, да и не могли дать решения, ибо, если за 40 с лишним лет советская власть не сумела создать нормальную жизнь для всех других национальностей, то трудно было ожидать, чтобы в Биробиджане можно было создать нечто лучше, что привлекло-бы евреев.

Идти на худшее не было оснований и, наконец, не был-ли Биробиджан той-же „чертой оседлости", но только в коммунистическом варианте? Почему еврей должен был уезжать за тысячи километров со своей родины, только потому, что он еврей?

Оставался еще один выход: разрешения свободной эмиграции евреев в Израиль и другие страны, но именно этого советская власть не сделал, хотя и следовало бы сделать.

Возможно, что в решении сыграло роль то обстоятельство, что в этом случае евреи оказались-бы в привилегированном положении по отношении к другим национальностям, а то вызвало-бы и крайний антисемитизм и вообще недовольство.

Таким образом еврейство политикой правительства вынуждено было стать на линию приспособления, на этот раз уже к данному строю. Нравился-ли коммунистический порядок евреям или нет, их об этом не спрашивали, как и всех других. Надо было делать вид, что нравится.

И еврейство ринулось в партийный, профсоюзный, административный, торговый и вообще снабженческий аппарат. Среди рабочих тяжелого физического труда их почти не было, не было их и в колхозах.

В вину этого им поставить нельзя: каждый выбирает себе работу по своим силам, способностям, а чаще всего возможностям. Трудно было ожидать, что мелкий торговец еврей или ремесленник вдруг приобретет навыки и любовь к обработке земли.

Поэтому некоторые профессии оказались переполненными евреями, другие-же блистали почти полным их отсутствием. Естественно, что это давало повод к недовольству, но недовольство это вовсе не было „антисемитизмом", это было недовольство „монополизмом". Будь в положении таких „монополистов" китайцы, французы или негры, — ими были-бы недовольны ровно в такой-же степени.

Такое-же недовольство существует у западно-европейского рабочего по отношению к „белым воротничкам", т. е. служащим за конторкой или письменным столом.

Такой „антисемитизм" в сущности беззубый,

Читайте, подписывайтесь, распространяйте

„НАШУ ПЕРЕКЛИЧКУ!

Жертвуйте в фонд издания!

самое большее над евреем посмеются, подтрунят и на этом дело и кончится, недаром 3/4 антисоветских анекдотов „антисемитские". Когда-же беда пришла на евреев, настоящее отношение к евреям было показано самой жизнью с достаточной ясностью.

Напрасно автор статьи в „Социалистическом Вестнике" пишет: „Общественная атмосфера на Украине была насыщена антисемитизмом, пышно расцветшим в период гитлеровской оккупации".

Можно с уверенностью сказать, что автор упомянутой статьи наверное во время оккупации на Украине не был. Нам, пережившим эти страшные дни, неизвестно в Киеве ни одного случая выдачи евреев гитлеровцам. Наоборот, доподлинно известно, что во время еврейской трагедии в Бабьем Яру во время расстрела более, чем 200 евреям удалось израненным бежать через колючую проволоку, но ни один из них не был выдан окрестными крестьянами, хотя это были совершенно неизвестные им евреи, а за укрывательство они отвечали своей головой.

Были случаи и с „известными" евреями: на наших глазах жена одного из служащих Украинской Академии Наук, еврейка с 4-мя детьми, использовала свою по-немецки звучащую фамилию и об'явила себя „фольксдойч". Хотя люди умирали буквально с голоду, напр. известный искусствовед Моргилевский, никто не позавидовал двойным пайкам этой „фольксдойч". Низший технический персонал (слышали собственными ушами) рассуждал так: „хоч и жыдивка, а всетаки своя". Вот каково было истинное лицо „антисемитизма" на Украине.

Некоторых евреев там не любят, но в правах и привилегиях им не отказывают, для них находится и сострадание, и справедливость.

Защищать Хрущева, палача украинского народа, у нас нет оснований, но, думается, что „антисемитизм", ему приписываемый, недостаточно понят и обоснован.

Существует, мол, „секретная инструкция, запрещающая по всей Украине принятие евреев на ответственные должности". Общеизвестно, что основная масса евреев коммунистическую власть сердцем не принимает, известно также, что они представляют собой сплоченную и волевую массу, которая может принести ог-

ромный вред коммунистическому строю, поэтому он принимает меры предосторожности. Эта инструкция, если она существует, имеет своей подоплекой не этническое, а политическое основание: коммунизм борется с меньшевизмом.

Не знаем известно-ли автору статьи в „Соц. Вестн.", что существует и другая секретная инструкция: не принимать ни под каким видом в институты, лаборатории, заводы итд., имеющие хотя-бы отдаленную связь с ядерной техникой, лиц, у которых есть родственники заграницей. У какого-нибудь комсомольца может быть заграницей двоюродная племянница покойного мужа папашиной тети, которую он никогда и в глаза не видал, но его не примут ни в одно из указанных учреждений. Как назвать этот „анти" и „изм"?

Подводя итоги, можно сказать, что упрекать народы СССР в антисемитизме нет никаких оснований, он выдуман излишне нервными людьми, делающими из мухи слона, что-же касается отношений между еврейством и коммунизмом, то на это дает ответ украинская поговорка: „бачылы очи що купувалы". Нужно было думать раньше.

Сергей Лесной.

НЕ МНОГО, НО ЗНАЧИТЕЛЬНО

„...Был свидетель из Люксембурга... но не прибыл никто, чтобы разсказать о Бабьем Яре (Киев), о Витебске и Смоленске, о Днепропетровске и Одессе. Это отсутствие свидетелей красноречиво, — оно само по себе является свидетельством. Для тех, кто помнит и знает, для нас по эту сторону границы и для тех, кто в Сов. Союзе хранит память мученического конца своих родных, так непохожего на то, что постигло других советских граждан, — этот „ход" советских властей имеет свое значение, не будет забыт и не будет прощен никогда. Отсутствие свидетелей, как и отсутствие советских журналистов на процессе, как и отсутствие права знать советским людям в полной мере, как и почему погибла половина советского еврейства, — все это слагается в один узор, хорошо нам знакомый уже сорок лет".

Это выписка из статьи Ю. Марголина „Процесс Адольфа Айхмана" — Нов. Русское Слово от 15-го Июня с. г. Автор крайне возмущен, что на этом показательном монстр-процессе отсутствуют свидетели из Сов. Союза, которые могли бы разсказать о Бабьем Яре, Витебске и т. д., возмущен г. Марголин и тем, что Сов. Правит. не прислало своих кореспондентов, фотографов и пр., которые информировали бы русский народ о преступлениях Айхмана. Для нас, русских, антикоммунистов этот упрек и даже какая то угроза высказанная г. Марголиным Сов. Правит. — „не будет забыт и не будет прощен никогда"—звучит несколько странно и даже смешно. Даже трудно определить, с позиции какой силы могут быть произнесены такие слова? Сов. Правит., конечно, поступает совершенно логично, игнорируя этот процесс, — ведь за спиной этого преступника — зверя Айхмана так ясно проглядывает тень его прародителя Карла Маркса. Зачем на это закрывать глаза? Ведь для всех ясно, что не будь этой, человеконенавистнической теории Карла Маркса и всех его последователей всех наций железом и обильной кровью насаждавших коммунизм и главным образом в России, то не было бы ни Гитлера, ни его помощников — больших и малых Айхманов. Ведь это он, Карл Маркс, и его последователи всех национальностей, среди которых еврейство занимало не последнее место, и так наз. „представители великих демократий" узаконили эту практику массового уничтожения людей, и даже не за преступления, а просто в виде превентивной меры — в какие то критические моменты могут быть опасными — проще их уничтожить. И уничтожали во имя великой идеи — марксизма. Уничтожили много миллионов русского народа, и так наз. мировая совесть даже в лице передовых людей культурных и высоко-цивилизованных государств наблюдала и хранила полное молчание. Уничтожался всяческими способами русский народ: уничтожали крестьян, военных, ученных, представителей интеллигентного труда и даже малолетних кадет — бросали в каналы и в Неву — все возможные контр-революционеры. И земля русская во славу Маркса густо насыщена кровью, которая, конечно, вопиет об отмщении, и никто из всех миллиардов людей не прокричал на весь мир о преступлении против человечества — называли это уничтожение людей „издержками революции", а кто то даже цинично определил, что это „статистика". Эта „статистика" русскому народу обошлась более чем в сто миллионов недостающего населения.

Это уничтожение русского народа, именно уничтожение народа, твердо хранящего право-

славную веру, идею государственности, идею божеской справедливости и правды Божьей началось с убийства Царской Семьи. В этом убийстве не последнюю роль сиграло и еврейство, как и в последовавшем уничтожении русского народа под руководством троцких, каменевых, бела-кунов, имре надей, кагановичей и им же несть числа. Почему же массовое убиство русского народа не было преступлением против человечества, а такое же безразсудное уничтожение еврейского народа выросло в преступление против человечества? Ведь это же одна и та же палка, палка Карла Маркса, которая при каких-то обстоятельствах больно ударила и по еврейскому народу. Это факты одного и того-же порядка. Мы, русские, к преступлениям Айхмана, уничтожавшего еврейский народ, относимся также, как и к тем преступникам, уничтожавшим в течении сорока лет русский народ, при полном попустительстве всего цивилизованного мира. Трудно понять и объяснить эту ненависть немцев к еврейскому народу и решение его уничтожить, но может быть корни этой звериной ненависти, этого превентивного уничтожения целого народа проросли в почве русской, густо насыщенной кровью русского народа, также безразсудно и превентивно уничтожаемого. Евреев уничтожено 6 мил., русского народа молее ста мил., — как одни, так и другие за эти преступления могут благодарить Карла Маркса и всех его последователей и верных слуг интернационала.

Г. Марголин сожалеет также и о том, что русский народ не будет информирован об этом процессе, не будет знать, как и почему погибла половина советского еврейства, не знаю, какие чувства возбудят в русском народе все подробности этого процесса и личность Айхмана, но мне кажется, что русский народ слишком много изведал горя от своих айхманов и что среди русского народа едва ли возможно найти семью, которая не оплакивала бы отца, сына, брата, мужа и др. умученных голодом, непосильным трудом в концлагерях или просто убиенных. Нет, г. Марголин, не ищите сострадания в русском народе, там вы его не найдете и просто потому, что он, русский народ, весь великая и неслыханная жертва безликого и бездушного интернационального Айхмана. Ваша же заключительная фраза: „все это слагается в один узор, хорошо нам знакомый уже сорок лет" — в этом мы не сомневаемся, Вы, конечно, знаете больше нас, Вы там были, говорят, занимали ответственный пост и даже носили на груди три ордена — ордена даром не даются —состояли в союзе писателей и сочиняли подобный же пафос как и ныне, только в совершенно другой адрес. С Вами поступили несправедливо, за службу отплатили концентраком, но это судьба многих слуг. Русский же народ оставьте в покое — он ищет, найдет и пойдет своей дорогой, за ним тысячелетняя история государственности, и во всех бедах он себя отстоял, выберется, твердо верю, и из этой!

***

„...Коммунистическая пропаганда пользуется особенным успехом среди отсталых жителей земного шара, в том числе среди американских профессоров" — **Аргус (Нов. Русское Слово).** Э. Хувер снова публично выступил с предостережением против коммунистической инфильтрации во всех возможных направлениях: „группы молодежи, радио, телевизия, фильмы, церковь, школа, воспитательные и культурные группы, пресса, меньшинственные группы и гражданские и политические объединения" (Православная Русь). К великому прискорбию как в юморе Аргуса, так и в серьезном предупреждении Э. Хувера заложены неопровержимые и чреватые своими последствиями факты. Если же к этому прибавить сообщения газет о том, что при многих университетах существуют коммунистические ячейки, скандальная высадка дессанта на Кубу, о чем Кастро скрытыми доброжелателями был предупрежден, отсутствие разследования этого предприятия и отсутствие виновных в его крахе, возмутительный факт обмена крови на тракторы, в котором деятельное участие принимала г-жа Э. Рузвельт, при чем в этом „обмене", мне кажется было больше желания помочь Кастро, чем спасти попавших в плен антикастровцев, циничное заявление лидера коммунистической партии, что он не подчинится требованию Верх. Суда о представлении списков членов партии, безнадежные дела в Лаосе, встреча Президента с Хрущевым, требования Хрущева и пр. — все эти факты достаточно красноречиво говорят о том, что Америка, кем то влекомая, твердо стала на путь к тому, что теряет свое значение как мирового оплота против коммунизма. Все эти печальные факты говорят о том, что американскому народу исподволь готовится кабала, в которой вот уже 43 года томится русский народ. Миру надоела свобода, он ищет самого ужасного рабства.

А. Павлов

„Ладонка" ждет
Вашей подписки!

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО

Председателю Совета министров коммунистической империи под кличкой СССР.

Милосивый сударь, скажите пожалуйста, а если не хотите сказать, то подумайте сами наедине со своей совестью, когда Вы, наконец, прекратите вот уже 43 года продолжающуюся кровавую трагедию под названием СССР, в которой вы из русского народа, к которому и сами принадлежите, сделали опытного кролика? Из того, что мы наблюдаем и слышим, явствует, что Вы очень не глупый человек и не такой уж молодой, чтобы не помнить в каком благоденствии жила Великая Россия до ваших экспериментов. Не знаю, говорят, что Вы были то ли пастухом, то ли чернорабочим, неужели Вы не помните, что в то время и пастух и рабочий жили куда легче и сытнее, чем теперь „в стране так наз. осуществленного социализма" инженер или человек иной интеллигентной профессии? Во что и во имя каких благ цветущую и богатую Россию вы превратили в страну вечного голода, страха и до последней степени обнищания? Кто то из вырвавшихся из вашего „рая" разсказывал мне, что где то видел крестьянскую семью, где несколько человек детей всю зиму вынуждены были сидеть на печи из-за отсутствия обуви и необходимых верхних вещей в невероятных гигиеничных условиях, не говоря уже о трудно мыслимых квартирных условиях даже в столице. А ведь Россия до вашего эксперимента была житницей Европы, плодов земных было в изобилии и население жило сытно и свободно. Ведь вы с вашей системой за 43 года этого дьявольского эксперимента не сумели даже накормить народ и дать ему самое насущное — хлеба, сапог и человеческих жилищных условий, превратив его в скота. Ведь для подавления мысли и воли народа придумали и осуществили такую античеловеческую меру как искусственный голод, когда человек превращается в животное с одной только мыслью — чем то наполнить истощенный желудок, о несчастном куске хлеба. Вы, уморивши голодом миллионы людей, построили сотни тысяч тракторов, в предположении индустриализировать сельское хозяйство, но ведь на каждый трактор необходим живой человек с какой то творческой энергией. У вас много тракторов, но хлеба нет, и население голодает. Неужели Вы не понимаете, что в этом секторе народного хозяйства, в земледелии, нужна частная инициатива, нужна личная заинтересованность? Для себя человек работать будет и будет из малого творить великое, но для всемирной революции и для какого то фантастического коммунистического „рая" на земле в каком то неопределенном и очень проблематичном будущем он работать не хочет, к тому же при вечно пустом желудке. На шею этого народа — раба, который должен работать и создавать в этих ваших зерновых фабриках — совхозах и колхозах — вы насадили сотни тысяч дармоедов на ролях председателей, бухгалтеров, бригадиров и пр., это так наз. ваша элита — члены коммунистич. партии, исполняющая роль погонщиков над рабами. Все таки насколько надо быть тупоуголовым, чтобы за 43 года не понять этот жизненный примитив — человек хочет и может работать и творить, но для себя, он не хочет быть рабом этой бездушной и никому не нужной коммунистической идеи, которая, как неопровержимый факт, внутри страны уже себя изжила и показала свою полную несостоятельность. Ведь Вы это и сами видете очень хорошо г. Хрущев. Вы в пропагандных целях в отчаянии, в каких то предсмертных конвульсиях кричите „догнать и перегнать Америку", при этом сделали совершенно потрясающее открытие, что „конина очень вкусна и жирна", в этом беге за Америкой Вы скоро начнете утверждать, что и ворона „очень вкусна и жирна". Оставьте Америку в покое, а вот попытайтесь, давши народу землю и свободу труда, догнать, перегонять нет надобности, Россию 1913 года. Я думаю, что при всей вашей роскошной жизни, как первого коммуниста и как председателя совета министров, г. Хрущев, того добротного деревенского хлеба, в котором не имел нужды русский крестьянин и рабочий и того добротного куска сала Вы сейчас не имеете, но имели его в достаточном количестве, когда были пастухом. Нет, эту чисто пропагандную конвульсию — „догнать и перегнать Америку" Вы оставьте — никто им не поверит, да и рекомендация конины уж очень показательна. Какая уж там Америка с кониной! Не доводите народ до последнего градуса терпения, народ это живое тело, и когда он дойдет до полного отчаяния, то гнев его и месть за 43 года испытаний, Вы ничем не сдержите, и он выльется на ваши головы, которые будет вырывать с корешком — это вы заслужили и по делом вам, страшней другое - за кусок хлеба отдастся интернациональной интервенции. Такое положение было очень близко к осуществлению при нашествии Гитлера, и никакие гении Сталина ни Ваши не спасли бы Россию от порабощения, не прийди на помощь глупость и жадность самого Гитлера.

Дело в том, что первая часть программы интернационального заговора против России и русского народа при вашем содействии осуществлена — России нет и русский народ превращен в раба, теперь на очереди выполнение второй и самой существенной части этой программы — полная ликвидация бывшей территории России путем раздела ее на множество отдельных республик со всеми вытекающими из этого обстоятельствами. Негласные пункты этой программы — резолюция в Антигве, Неделя плененных наций, высказывания отдельных государственных деятелей и пр.

Свободный мир коммунизма не боится, он знает и видит, что эта идея показала свою полную несостоятельность и уже на пороге полной ликвидации в главном бастионе — СССР. Но существует страх перед русским народом, который по ликвидации коммунизма неизвестно, какими путями пойдет и что скажет остальному миру. А сказать ему будет что, 43 года страданий чему то научили и он что то видит. А все остальные коммунистические мыльные пузыри, по ликвидации коммунизма в России, автоматически полопаются. Весь мир это знает и поэтому может быть чуть ли не открыто помогают Вам, г. Хрущев, — эти успехи кружат Вам голову, а внутренние вопросы Вы пока разрешили кониной. Надвигаются какие то решительные сроки — и Вы либо станете спасителем и благодетелем русского народа, который простит Вам грехи Ваши, либо заслужите проклятия на веки вечные. Выбор в Ваших руках! А Россия выберется и из этого тяжелого испытания.

А. Павлов

И. Ланской

ЦАРЬ, ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ, ОСВОБОДИТЕЛЬНАЯ РЕФОРМА И ДВОРЯНЕ

(Продолжение)

Но с политической и психологической точки зрения эта реформа по справедливости может быть названа великой реформой и главная заслуга в этом принадлежит царской власти, которую так не любит наша интеллигенция и с которой она вела такую ожесточенную войну, окончившуюся, в конце концов, к несчастию России, русского народа и ее самой, ее победой. — Почти вся она погибла при крушении империи, которую она с таким ожесточенным усердием подтачивала.

Царская власть, как только освободилась от дворянской опеки, которая существовала со смерти Петра I до Павла I-го, своей главной задачей во внутренней политике считала освобождение крестьян.

И начал это дело, охаянный русской интеллигенцией, император Павел I, который сократил барщину до 3-х дней и запретил заставлять работать крестьян по праздникам.

Но Павел вскоре был зверски убит агентами английской политики и провозглашен безумным.

При Александре I-ом, 12-XII-1801 г. был издан закон, предоставлявший право всем свободным сословиям, и в том числе и государственным крестьянам, личной поземельной собственности, которая раньше принадлежала только дворянству. 20-го февраля 1803 г. был издан закон о свободных хлебопашцах, по которому помещик мог отпускать крестьян на волю целыми семьями и даже селениями по обоюдному соглашению. Кроме того, было запрещено продавать людей по ярмаркам и в одиночку без земли.

Очень сильно подвинул это дело Николай I, который отчетливо сознавал и понимал долг царского служения перед Богом и Россией и за это был ненавидим интеллигенцией, прославленный ею как жандарм Европы. Он, помимо многочисленных мелких законов, ограничивающих права помещиков над крестьянами, в порядке высочайших указов, с помощью министра государственных имуществ, графа П. Д. Киселева освободил 11 миллионов государственных крестьян, т. е. около 1/3 всех крестьян, дав им самоуправление и наделив их хорошими земельными наделами (от 8 до 15 десятин).

Но продолжить дело освобождения он не имел возможности. В значительной степени виной этому был тот же „орден интеллигентов", который в лице декабристов, отнял у него много сил и внимания для обезпечения стране мира и покоя.

Однако необходимость этой реформы, и с мо-

ральной и с государственной точки зрения, ему была совершенно ясна; и он во многом подготовил ее, хотя ни одна из назначенных им комиссий не вынесла никаких решений. Слишком сильна была еще в обществе психология крепостников, и требовалось длительное воздействие, чтобы ее поколебать.

Царю приходилось с этим считаться. С другой стороны, — миллионые массы крестьянства молчаливо ждали решения своей судьбы.

Все это понимал Александр II, который еще наследником был введен в курс государственных дел своим отцом, завещавшим ему решить крестьянскую проблему.

Вступив на престол (18-II-1855 г.), он взял твердый, но осторожный курс „политики внушения" и привлечения к этому делу самих дворян-помещиков. 22-го августа того же года он назначает министром внутренних дел С. С. Ланского, которого при этом предупреждает о своем намерении освободить помещичьих крестьян. Это видно из грамоты, данной С. С. Ланскому при его отставке, в которой сказано по этому поводу: „...Я, при первых своих работах с вами, изъявил вам мое намерение приступить к освобождению помещичьих крестьян в России. Я встретил в вас полную готовность содействовать мне в этом деле"... На основании этого документа можно утверждать, что Александр II в первый же год своего царствования решил приступить к осуществлению реформы.

И если официальные заявления власти и того же Ланского (Циркуляр, изданный им при вступлении в должность, в котором он писал, что Государь „повелел ему ненарушимо охранять права, венценосными предками его дарованными дворянству".) не согласуются с этим, то это надо объяснить исключительно тактическими соображениями.

Задача правительства при проведении реформы заключалась в том, чтобы сохранить мир в миллионных массах крестьянства, взрывом волнений, которого пугали противники реформы, и парализовать активность и правой и левой оппозиции.

Министру Ланскому ставилась трудная задача — где надо ставить плотины, а где надо открывать шлюзы, чтобы воды народной стихии и человеческого эгоизма одинаково направлять на мельницу освободительной реформы.

Фактически царь с этого времени неуклонно проводит намеченную им цель. И совершенно неверно утверждение некоторых авторов (в пятитомном труде „Великая Реформа" и Гр. Джаншиева „Эпоха Великих Реформ", что Александр II колебался и в этом деле не был постоянным.

Неверно, например, утверждение, что Ланской и Милютин были отставлены неожиданно и без прошений с их стороны, вследствии наступившей, якобы, реакции „в высших сферах".

В упомянутой выше грамоте Ланскому, написанной в очень теплых тонах, по поводу отставки сказано: „...Усиленные труды ваши расстроили здоровье ваше, и я, единственно по уважению сего обстоятельства, согласно прошения вашему с искренним сожалением уволил вас от управления Министерством Внутренних Дел".

Как видно из этого текста. Ланской подал прошение об отставке по растроенному здоровью; что не удивительно, принимая во внимание напряжение, какое потребовала от него работа в последние годы его службы в связи с реформой, и его возраст. Ему было тогда 73 года. Единственно верно, что вследствии отставки Ланского, пришлось уйти без прошения Н. А. Милютину, который держался только пока был Ланской.

Вообще все обвинения Александра II в реакции, которой, якобы, он поддавался, как например, при назначении Панина на место умершого Ростовцева и Валуева на место Ланского, не верны.

Они основаны на непонимании нашими интеллигентами природы верховной власти русских царей.

Они мерили своим аршином, меркой которого были политические свободы правового государства западного образца, который они почитали идеалом и высшим достижением политической мысли, универсального характера и необходимого для всех цивилизованных народов.

Эти русские европейцы, утерявшие духовную связь с русской православной культурой, не понимали, что западные образцы нам не указ и что мы имеем свою, самобытную культуру и свою государственную идею, основанную на морали, а не на праве. Поэтому они и не могли понять и принять власть царя-арбитра и вообще царской власти, как диктатуры совести, безоговорочно признанной и добровольно принятой народом.

Ключ к пониманию этих кажущихся отступлений по пути реформы очень прост. Тактику власти в этом случае можно сравнить с управлением тройкой. Кучер — верховная власть, в зависимости от дороги, погоды, самочувствия и норова коней, то натягивает вожжи, то попускает. Но тройка без остановки движется вперед. Продолжая это сравнение можно сказать, что реакционеров, тормозящих движение, можно сравнить с большим богажом, притороченным позади экипажа, а революционеров — с разбойниками, которые устраивают препят-

ствия на дороге, чтобы остановить тройку и сбросить кучера.

Это сравнение объясняет и всю политику Александра III, который заменил на козлах государственного экипажа убитого разбойниками своего отца и должен был натянуть вожжи, и политику Николая II, которого обвиняли в фальши и обмане, когда он манифестом 17 октября призвал русских людей к участию в законодательстве, сохраняя за собой прерогативы верховной власти, т. е. верховного арбитража и право окончательного решения.

Что это сравнение тактики Александра II с кучером, крепко держащим вожжи в руках,*) верно, свидетельствуют письма, которыми обменялись царь и его министр. В день опубликования манифеста, 5 марта 1861 г., прадед поздравляет Императора с осуществлением дела освобождения крестьян. Он пишет царю: „Повергаю к стопам Вашего Императорского Величества выражение сердечной и глубокоощущаемой радости моей о благополучно совершившемся здесь и в Москве обнародовании бессмертного подвига Вашего. Столь же глубоко убежденным остаюсь, что благая весть везде принята будет с благоговейным восторгом и возбудит теплые молитвы о постоянном благоденствии августейшего виновника счастия двадцати миллионов с потомством. Господь да вознаградит Вас, Всемилостивейший Государь, а нам следует только удивляться твердости и терпению Вашего Величества. С умилением не перестаю вспоминать слова Ваши: „Patience et Perseverance". 5 марта 1861 г. Сергей Ланской

На это письмо царь ответил собственноручной запиской: „Искренно благодарю Вас, любезный Сергий Степанович, и Вам принадлежит немалая часть в чести и славы сего важного дела. Да будет благословение Божие и впредь с нами. „Vous-voyez maintenant notre patience et perseverance recompense Dieu merci!"

Чтобы был понятен смысл этой переписи, необходимо сказать, что прадед безпокоился и спешил с окончанием освободительной реформы. Это он высказывал царю, который в этих случаях ему говорил: „patience et perseverance" (терпение и настойчивость).**)

Эта тактика царя, который, как из этой переписки видно, лично руководил всем делом реформы, и объясняет многое, что иными разсматривалось, как отклонение и отступление.

Державный кормчий твердо держал руль государственного корабля и лавируя между подводными камнями и встречными ветрами, держал курс к намеченной цели и достиг ее.

Но сам он погиб от руки слепых сил революции, не ведающих что творят, русских интеллигентов.

Заканчивая этот короткий обзор эпохи шестидесятых годов, необходимо сказать еще, что все огульные обвинения дворян-помещиков в помехе делу освобождения крестьян не соответствуют действительности.

Прав историк С. Пушкарев, когда в своей статье в Н. Р. Слове от 8 января с. г. писал: „Да и имеем ли мы право осуждать русских дворян за то, что они без всякого удовольствия соглашались на потерю своих прав, привилегий и значительной доли своего земельного имущества?"

Но отбрасывая этот критерий, необходимо сказать, что обвинители забывают, что вся хозяйственная, социально-политическая структура была основана на институте крепостной зависимости.

Все это должно было быть перестроено на новых гражданских и экономических началах. Кроме того, все рычаги управления государственной машины находились в руках дворян и провести реформу без участья, не только морального, но и технического, дворянского класса помещиков было невозможно.

Никаких других общественных группировок, на которые могла бы опереться власть в этом деле, в то время в России не было.

И мы должны установить тот исторический факт, что реформа освобождения крестьян была осуществлена верховной властью с помощью класса дворян-помещиков.

Вопрос другой, насколько эта помощь была добровольной. Но, как верноподданные, дворяне исполнили волю царя и выполнили его предначертания. И во всяком случае, какая то часть дворянства, и очень значительная, участвовала в этом деле совершенно искренно и работала с большой жертвенностью и одушевлением.

Огромную, хотя и пассивную роль сыграл в этом деле народ, тем, что веря Царю, ожидал

---

*) Эта точка зрения полностью подтверждается донесениями в Берлин Бисмарка, бывшего тогда посланником в России. Бисмарк доносил о том, что имел личный прием у Александра II, и что царь ему говорил: „Бог знает, к чему нас приведет дело между помещиками и крестьянами, если власть императора не будет достаточно полна, чтобы осуществлять безусловное верховенство".

К этому заявлению Бисмарк прибавляет свое пояснение: „Таково правосознание Императора Александра Николаевича. Он хочет остаться верховным судьей в русских социальных отношениях. (Воспоминания Б. Э. Нольде).

**) Эти слова С. С. Ланской поставил девизом в свой герб.

с такой выдержкой и терпением давно чаянной свободы.

Царь, народ, дворянство: чиновное и не чиновное: лица свободных профессий, землевладельцы-помещики, купечество и все другие, по мере своих возможностей, содействовали этому великому делу, но... за исключением интеллигенции.

Орден интеллигенции же, поскольку исповедывал принципы политических свобод, а не служения, чего требовала царская власть, и поскольку вследствии этого, был в принципе противлен царской власти, не может быть причислен к верноподданым.

И его участье в этой реформе выявилось лишь только в критике всех мероприятий власти, в умалении заслуг царской власти и в приписывании себе заслуги печальника и защитника народа.

Фактическое же участье „ордена" выявилось в терроре против Царя-Освободителя и в его убийстве.

И. Ланской

АРМИЯ И РЕЛИГИЯ

В связи с большой статьей Потоцкого по вопросу о значении религии в воспитании армии и рядом других статей и писем в редакцию, затрагивающих этот вопрос, небезинтересно будет ознакомить читателей, как к этому вопросу относились те люди, которые боролись или пытались бороться с коммунизмом под знаменами ген. Власова. Люди, прожившие 25 лет под советской властью, и настроения молодежи знающие несомненно много лучше, чем старые эмигранты.

Когда ген. Головин прислал ген. Власову проэкт устава для будущей российской армии и проэкт этот, пункт за пунктом, обсуждался генералами и высшими офицерами РОА, то упоминание в нем о молитве вызвало резкие возражения всех участников обсуждения и, как известно, в уставе РОА о молитве ничего не упоминается.

Этот факт несомненно очень интересен и заслуживает всестороннего обсуждения.

Что же? Отнять право Власову и тому миллиону его последователей быть русскими патриотами только потому, что они не есть и церковники?

И возможно ли из советской молодежи так легко и просто путем воспитания в армии сделать глубоко религиозных людей?

И непременно ли солдат должен быть глубоко религиозным?

Все это большие и сложные вопросы, которые еще далеко не решены.

Не решен и вопрос, непременно ли нужно быть православным для водительства русской армией. Миних, Барклай де Толли, тысячи генералов и офицеров Императорской Армии не были православными, но были безупречными российскими патриотами и победоносными командирами.

Общеизвестна фраза ген. Драгомирова: „они нас шимозами, а мы их иконками"... А ведь он был и истинно православный и выдающийся генерал.

Активным безбожником, как известно, был ген. Людендорф, что не мешало ему быть и не менее активным немецким патриотом.

Вряд ли отличались особым благочестием и солдаты Российской Армии до 1874 года. Ведь тогда помещики сдавали в солдаты наиболее буйных и непокорных своих крепостных. Однако Суворов с такими солдатами прославил русское оружие.

Вообще вопрос и сложный и спорный. Многое можно привести за, но и много против. А потому думаю, было бы не безинтересно, если бы по этому вопросу высказалось на страницах „Нашей Переклички" побольше людей, этим вопросом интересующихся. Разумеется, кратко и сжато, ибо размеры журнала не допускают возможности „растекаться мыслью по древу". Скажем, не больше одной страницы журнала. На одной странице, постаравшись, можно сказать очень много.

Власовец

Читайте, подписывайтесь, распространяйте „НАШУ ПЕРЕКЛИЧКУ!

Жертвуйте в фонд издания!

ФОТО-СТУДИЯ Н. ТЕЛЯТНИКОВ

561 W. 141 St., New York 31, N. Y.

Выполняет всевозм. фотогр. заказы.

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

Милостивый Государь Господин Редактор!

В связи с моим „Откликом" на статью г-на Потоцкого о „Русском Солдате будущего" я получил письмо, полное негодования, от полковника НЕКРАСОВА 2-го, бывшего в 1914 г. в бою под Тарнавкой подпоручиком Лейб-Гвардии Московского Полка и взявшего приступом немецкие действующие орудия, будучи командиром 8-й роты этого полка, между тем, я в моей статье отрицал участие Лейб-Гвардии Московского полка.

Прошло почти пол столетия со дня этой победы и торжества русского оружия и, переживая в своих воспоминаниях три с половиной года войны и безконечное количество боев, мне казалось, что тяжесть и честь этого боя принадлежала Гренадерскому Корпусу и в частности 2-ой Грен. дивизии в составе: 5-го Киевского, 6-го Таврического, 7-го Самогитского и 8-го Московского Гренадерского полков.

Оказывается я глубоко ошибался, как об этом свидетельствует один из героев этой победы полковник Некрасов 2-ой и эту честь победы мы, гренадеры, должны разделить по всей справедливости с Гвардией.

Поэтому я прошу г-на Полковника Некрасова великодушно простить невольную ошибку моей памяти, а Г-на Редактора Н. Переклички настоящим письмом исправить ее.

В. Салатко

Н. Украинцев

СТАЛИНГРАД — НЕМЕЦКАЯ ТРАГЕДИЯ

(Продолжение)

Едва замкнулось кольцо вокруг 6-й армии Паулюса, как Гитлер вызвал генерала-фельдмаршала Манштейна спасать положение.

Ему дается задача: „Остановить неприятельское наступление и возстановить положение до начала неприятельского наступления". Почему Гитлер остановил свой выбор именно на Манштейне, про которого он однажды сказал: „умная голова, но я ему не доверяю". Манштейн считался одним из самых выдающихся генералов немецкой армии. Он был духовным отцом того плана наступления на Францию в мае 40 г. через, считавшиеся непроходимыми для танков Ардены, к каналу, который в 10 дней предрешил полное поражение Франции.

В кампанию 41-42 года Манштейн с большим успехом командовал сначала танковым корпусом на Ленинградском направлении, а затем, командуя 11 армией, завоевал весь Крым и взял Севастополь. В августе 42 года Манштейн с армией был направлен на усиление войск предназначенных для взятия Ленинграда. Тем временем русские повели там крупное наступление на 18-ю немецкую армию и им удался на фронте этой армии широкий и глубокий прорыв. 4-го сентября Гитлер по телефону приказал М-ну вмешаться в операции Волховского фронта „чтобы избежать катастрофы" и подчинил ему и 18-ю армию.

Так из наступления на Ленинград возникло сражение известное в немецкой военной истории под именем „Битвы южнее Ладожского озера". Эта битва закончилась разгромом окруженных между Мгой и Гайтолово русских сил в количестве 7-и стрелковых дивизий, 6-ти стрелковых бригад и 4-х танковых бригад. Не в этих ли боях попал в плен Ген. Власов? Очевидно эти блестящие успехи М-на побороли в Гитлере его недоверие к умному генералу и заставили доверить ему операцию по освобождению попавшей в катастрофическое положение на этот раз 6-й армии ген. Паулюса. По ликвидации кризиса южнее Ладожского озера 11 армия М-на была переведена в Витебск в группу Центра. Здесь 20 ноября 42 года М-н и получил назначение Главнокомандующим „группы Дон", а из-за двукратного крушения поезда на поврежденном русскими партизанами жел. пути он добрался до группы В только 24 ноября, а вступил в командование группой 27 ноября, разбив свою ставку в Новочеркасске. Первое распоряжение данное М-ом 6-й армии еще из Витебска через группу В, было: „не считаясь ни с чем, снять с оборонных участков фронта части, чтобы держать свободным свой тыл у переправы через Дон у Калача".

Было ли это распоряжение передано 6-й армии М-н не мог впоследствии установить. Прежде чем приступить к изложению усилий, которые были приняты для деблокады 6-й армии, М-н останавливается на тех оперативных ошибках, которые были сделаны раньше, т. е.

при планировании и осуществлении наступления 42-го года, а больше всего тогда, когда оно стало выдыхаться. Непосредственной же причиной гибели 6-й армии является, само собой разумеется, несогласие Гитлера — главным образом по соображениям престижа — добровольно сдать Сталинград. Немецкое наступление 42-го года было планировано по директивам Гитлера исходя из соображений преимущественно военно-экономического характера (пространство и богатства страны) расколось по двум расходящимся направлениям: Кавказ и Волга. В результате, когда наступательный порыв выдохся, возник фронт такой протяженности, для удержания которого, находившися в распоряжении немцев сил не могло хватить, а оперативного резерва на этом крыле восточного фронта у немецкого командования не было. Кавказская армия на северном Кавказе стояла фронтом на Юг, а группа В имела фронт на восток и отчасти на северовосток, начинаясь на Волге южнее Сталинграда, далее севернее города, он изгибался к среднему Дону, шел вдоль течения его и кончался севернее Воронежа. Недостаток сил для удержания такого фронта имел особенно неблагоприятный характер благодаря тому, что советское южное крыло хотя и было в предшествовавших боях побито и понесло значительные потери, но сумело отступить, избежав уничтожения, и советские армии располагали крупными оперативными резервами как на других участках фронта, так и в тылу. Между армиями Кавказа и Дона-Волги был широкий разрыв в 300 клм., совершенно недостаточно обеспеченный одной моторизованной дивизией (16 у Элисты). Намерение удержать на долгое время этот сильно растянувшийся фронт было, по мнению М-на, первой ошибкой, не считая ошибок при планировании и проведении летнего наступления, из-за которого 6-ая армия должна была попасть в ее отчаянное положение. 2-ая, еще более тяжелая, ошибка заключалась в том, что Гитлер существенную ударную силу группы В (6-ая армия и 4-ая танковая) прочно связал боями в и под Сталинградом, а обеспечение ее глубокого северного крыла на Дону доверил трем союзным армиям (3-й румынской, итальянской и венгерской) и в районе Воронежа слабой немецкой армии. Гитлер должен был знать, что союзные армии даже за Доном неспособны устоять против сильного советского наступления. Тоже относится и к 4-й румынской армии, которой было доверено прикрывать правый, открытый, фланг 4-й танковой армии. После того, как захват Сталинграда в первом натиске удался только отчасти, могло быть допущено планомерное продолжение наступления, однако только в течение ограниченного времени, оставлять же главные силы группы В под Сталинградом в течение недели при необеспеченности флангов было решающей ошибкой. При таком положении командование как бы открыто приглашало противника воспользоваться слабостью флангов и окружить армию. 3-й ошибкой была положительно нелепая организация командования на немецком южном фронте. Гитлер был Главнокомандующим всех вооруженных сил. После увольнения в декабре 41-го года ген. Браухича, Гитлер принял на себя фактическое главное командование армией. С сентября 42-го года, уволив ген. Листа, командовавшего кавказской группой (группа А), а одновременно и по одному и тому же поводу и своего начальника ген. штаба армии Ген. Хальдера (замененного ген. Зайцлером), Гитлер принял на себя и командование группой А — так сказать, между прочим. Нужно знать, что эти две отставки последовали „ввиду диаметрально противоположенных взглядов на операции на Кавказе" между Гитлером и названными генералами. Что касается ген. Хальдера, то он был уволен еще и потому, что „его корни не питаются из источника национал-социалистического мировоззрения... и вследствие этого он не следует моим взглядам с необходимой безоговорочностью", — как объяснил сам главковерх Гитлер. Группа В командовала 7-ю армиями, из них 4-мя союзными, тогда как, по мнению М-на, „толково командовать можно не более чем 3-5-ю армиями", к этому нужно добавить, что Гитлер своим прямым вмешательством в дела командующего группой В в значительной степени лишал его возможности командовать именно 6-й армией.

Выдохшиеся поздней осенью летнее наступление 42-го года на южном фронте требовало принятия особых, связанных с риском, мер. Каждый полководец бывает вынужден в известных случаях прибегать к рискованным операциям. Риск этот в данном случае должен был состоять не в том, чтобы связать ударные части группы В на долгое время со Сталинградом и все это время довольствоваться на Донецком фронте легко разрываемой завесой.

Риск, на который немецкому командованию следовало пойти после того, как наступление принесло новые территории, но не привело к решительному поражению неприятельского крыла, должен был состоять в том, чтобы между Кавказом и средним Доном перейти к подвижному ведению операций, используя оперативные возможности большой Донецкой Дуги и не упустить инициативу из рук. В деле оперативного ведения войны приимущество было,

по мнению М-на, явно на стороне немцев. Но как раз к такому виду войны Гитлер относился резко отрицательно. М-н объясняет это — в другом месте — тем, что Гитлер, не пройдя военной школы, инстинктивно чувствовал свою слабость в тактике ведения оперативной войны и потому во всех случаях признавал только одну тактику: держаться за занятое пространство всеми силами и во что бы то ни стало. Оправданием тому риску, на который фактически пошло немецкое командование может служить только то, что такого полного банкротства союзных армий, как это потом наступило, не ожидалось. Помимо указанных ошибок немецкого командования, которые привели 6-ую армию в советский котел, М-н обращает внимание на чрезвычайно неблагоприятное состояние путей сообщения в тылу у немцев, оказавшее важное влияние на положение 6-й армии. Вся группа А и армии группы В на север почти до Воронежа базировались на единственную переправу через Днепр — на жел. дор. мост Днепропетровска. Восстановление жел. дор. моста у Запорожья также как и сообщение через Украину — Николаев и Херсон — в Крым, а оттуда через Керченский пролив — или не было готово или вообще отсутствовало. Жел. дор. связь в северо-южном направлении позади немецкого фронта была также недостаточна и таким образом немецкое высшее командование в вопросе быстроты переброски и перемещения войск в тылу фронта все время было в худшем положении по сравнению с противником. Прибыв 24 ноября к группе В, М-н, ближе познакомившись с обстановкой, так оценивает свои возможности выполнить поставленную ему задачу „остановить неприятельское наступление и возстановить положение до начала неприятельского наступления". Силы „группы Дон" составляли: окруженная 6-ая армия, остатки разбитой 4-й танковой армии и остатки 2-х румынских армий. Единственная целая часть была 16 моторизованная дивизия в Калмыцкой степи, тронуть которую нельзя было". Узнал М-н также о том, что 22-23 ноября Паулюс обратился к Гитлеру за разрешением прорваться из окружения на юго-запад и что Гитлер ему в этом отказал. Для прорыва из кольца Паулюсу было нужно перегруппировать свои войска в котле, что требовало ослабления его фронта на севере. Гитлер, отказав в разрешении на прорыв, чтобы прочнее прикрепить армию к Сталинграду, назначил командиром северного фронта в котле известного ему своей твердостью командира 51 корпуса ген. Зейдлица, того самого, который в это время требовал от Паулюса выхода из котла, вопреки приказу Гитлера. Этим приказом Гитлер во первых

Читайте, подписывайтесь, распространяйте

„НАШУ ПЕРЕКЛИЧКУ!

Жертвуйте в фонд издания!

фактически выключил 6-ую армию из и без того слабых сил, с которыми М-н должен был „восстановить бывшее до неприятельского наступления положение", а во вторых — с первых дней назначения М-на, предложившего еще из Витебска 6-й армии снять с оборонных участков — каким был северный фронт, — части, чтобы усилить ими западный участок у Калача, являвшийся естественными воротами для выхода из окружения, занял диаметрально противоположное отношение к вопросу о судьбе 6-й армии. Кроме того, и после окружения Гитлер не устранился от непосредственного вмешательства командования 6-й армией и, чтобы иметь с ней непосредственный контакт, он послал в котел в качестве своего личного представителя офицера ген. штаба с собственной радио связью с ним. Обстоятельство это создало для Паулюса психологически роковую проблему: кому он должен в критический момент подчинится, прямому ли начальнику, т. е. М-ну, или приказавшему через голову М-на Гитлеру.

В тот же день 24 ноября, т. е. еще не приняв командования „группой Дон", М-н так ориентировал Паулюса о том, как рисуется общее положение с внешней стороны кольца: „прорыв 6-й армии на юго-запад считается и теперь еще возможным. Оставление армии под Сталинградом, принимая во внимание положение со снабжением, представляется крайне рискованым. Тем не менее в настоящее время, когда по нашему мнению благоприятные шансы для прорыва армии уже пропущены, с оперативной точки зрения надо предпочесть выжидание пока предусмотр. для деблокады войска смогут вмешатся. Однако только в том случае, если достаточное снабжение по воздуху может быть обезпечено. Этот вопрос является решающим. Операции к восстановлению положения могут быть начаты в начале декабря. Для решающего успеха однако необходимо непрерывное предоставление дальнейших сил, т. к. и противник будет дополнительно посылать новые силы". В качестве предварительного условия для того, чтобы пойти на риск отказа от немедленного прорыва 6-й армии, была потребована доставка воздушным путем ежедневно 400-х тонн снабженія. Во все планы М-на была положена идея спасти не осколки армии, а

армию способную к дальнейшим оперативным действиям. Таким образом для деблокады 6-й армии М-н предъявил к верховному командованию два требования: достаточное снабжение по воздуху окруженной армии и непрерывное пополнение живой силой деблокирующей группы. Требования эти были ясно поставлены в докладе ОКН, т. е. Гитлеру от того же 24 ноября. При разговоре с Паулюсом — пишет М-н — „я не оставлял не малейшего сомнения, что если такое пополнение (снабжением и живой силой) не обеспечено, то нельзя рисковать оставлением 6-й армии в кольце".

„Только Гитлер, как верховный командующий, распоряжавшийся всеми силами армии и воздушного флота на всех театрах войны, имел возможность судить и решать. Был он в состоянии положительно удовлетворить оба требования, тогда могла быть оправдана решимость оставить 6-ю армию в Сталинграде. Если же Гитлер не был готов своевременно отдать последнего человека для освобождения 6-й армии или предавался, вопреки ясному знанию, иллюзии относительно возможностей воздушного флота, тогда он поступал безответственно. Что Геринг с величайшим легкомыслием обещал достаточное снабжение армии по воздуху и после этого не все сделал, что можно было сделать, этого солдат не мог предвидеть. Столь же мало могли бы предвидеть, в какой степени Гитлер ради своей теории „держаться во что бы то ни стало" не захочет считаться ни с какими реальными соображениями. Кто мог думать, что он ради имени Сталинграда, готов будет пожертвовать целой армией". Что касается снабжения по воздуху, гарантированного Гитлером 23 ноября Герингом, то уже через два дня воздушных сил ген. полковник фон Ридгофен, на которого Герингом было возложено снабжение 6-й армии, заявил в ставке Гитлера, что „при настоящей погоде необходимое количество полетов, а значит удовлетворительное снабжение, невозможно". Далее: „он считает, что и при улучшении погоды снабжение в течение долгого срока тоже невозможно, о чем он доносит Герингу". О том, в какой катастрофической степени это оказалось невозможным, было уже сказано и что несмотря на то, что летчики при этом приносили большие жертвы: 488 самолетов и около 1000 человек летнего персонала. „При возвращении из Сталинграда они вывезли 30.000 тысяч раненных". Относительно дополнительных сил, обещанных группе Дон для деблокады Сталинграда, М-н сообщает следующие данные: в район 4-й танковой армии (на юго западе) должны были прибыть 57 танковый корпус из группы А (Кавказ) и две танковые дивизии (6-ая и 23-я), а также 15 дивизия летчиков.

В районе армии Hollidt'a (северо-запад) должны были прибыть к 3-му декабря в Котельниково и к 5-му декабря к верховьям Чира 4 танковых дивизии, 4 пехотных или горных дивизии (из них 3 вновь сформированные) и 3 дивизии летчиков. Если бы все эти части во время прибыли, то можно было бы к 6-й армии пробится и дать ей свободу движений, но этих сил никаким образом не могло хватить, чтобы разбить все неприятельские войска (немецкое командование насчитывало на этом участке фронта 143 крупные советские части) и „восстановить положение до начала вражеского наступления". Фактически пополнение прибыло и неполностью и с запозданием. Так 57-й танковый корпус из за грязи на Кавказе пришлось везти по жел. дороге и прибыл он позже, чем ожидался по плану. Артиллерия из группы А вообще не прибыла. 15 дивизия летчиков не была еще сформирована. Прибыла она только тогда, когда вопрос о деблокаде отпал и будучи отправлена в бой в другом месте в первый же день развалилась. До армейской группы Hollidt'a (на Чире) не дошли: две пехотные дивизии, которые по дороге пришлось отдать в подкрепление 3-й румынской армии и одна горная — половину ее ОКН направило к группе А (Кавказ) для ликвидации кризиса, другую половину дивизии задержала по той же причине группа Центр. Ввиду этого для наступления на Сталинград с двух сторон уже не хватало сил и командование остановилось на плане наступления с одной стороны, а именно на юго-западе от Котельниково силами 4-й танковой армии, которая получила пополнение вместо 3-го только 12 декабря. 26 ноября Паулюс в письме к М-ну просил предоставить ему свободу действий на крайний случай. Прилетевший из Сталинграда ген. летчик о положении в кольце сообщил между прочим, что боевых припасов там имеется на 1 день боя, горючего только для коротких передвижений, а для концентрации танков для прорыва не хватит; продовольствия по сокращенным нормам имеется на 12 дней. М-н, чтобы выяснить на месте положение, послал в Сталинград своего начальника штаба ген. Шульца, а затем начальника оперативного отдела. Они доложили: „положение армии, при условии достаточного снабжения по воздуху, не неблагоприятно". На доклад М-на от 24 .XI. ответ Гитлера последовал 27. XI. Из него видно, что Гитлер продолжает настаивать „держаться в Сталинграде". Его мотив: „сдав теперь Сталинград, в следующем (43 году) придется во второй раз с еще большими усилиями завоевывать то, что в 42 г.

уже раз было завоевано с большими жертвами". 28. XI. М-н предложил Гитлеру пробить в кольце коридор к 6-й армии и вывести ее из котла. М-н считал недопустимым „связать наши силы на таком маленьком участке в то время, как противник имеет для маневра на выбор 100 километров". Ответ Гитлер дал только 3-го декабря. Он соглашался на план М-на, однако с той существенной оговоркой, что северный фронт 6-й армии не должен быть ослаблен, т. е., чтобы силы с него не оттягивались. Оговоркой Гитлера еще лишный раз подтверждается намерение его удержать Сталинград, а цель коридора сводится лишь к облегчению снабжения армии как материалами, так и людьми. Наступление М-на началось 12 декабря, как уже сказано, с опозданием против первоначального плана. Это опоздание хорошо использовали русские. Пополнив свои силы, они начали через 3 дня свое большое наступление, при чем сразу по двум направлениям: против итальянской армии и против группы Hollidt'a (Чир). Итальянская армия была сразу же опрокинута и левый фланг группы Дон оказался обнаженным. М-н требует от ОКН приказа 6-й армии пробиваться на встречу 4-й танковой армии. Гитлер отказывает.

(Продолжение следует)

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ВОЗРОЖДЕНИЕ"

является журналом литературно-политическим. В этом журнале помещаются статьи касающиеся вопросов военно-исторических и статьи технические в популярной форме. Каждый месячный выпуск посвящается лицу или событию представляющему интерес для людей не потерявших свою „Русскость".

Стоимость „Возрождения" на год 10 долларов, на пол года 5 долларов и 50 центов, отдельные номера один доллар.

Выписывать журнал можно через П. Е. Стогова. Адрес для заказов:

P. Stogoff. 89-30 164 St. Jamaica 32.
Long Island. N. Y.

А. БАЛАКЛИЦКИЙ

РУССКИЙ ГАСТРОНОМИЧЕСКИЙ МАГАЗИН.

3425 BROADWAY между 139 и 140 ул.

Tel.: AU 3-0690.

ВСЕГДА ЛУЧШЕЕ И СВЕЖЕЕ.

ОБРАЩЕНИЕ

По инициативе г. Буткова организуется русская радио-программа под названием „Голос Свободной России". Это начинание, конечно, надо приветствовать и всемерно поддержать. До сих пор мы, русские, к нашему стыду, не имели своей радио передачи. Все национальности таковые имеют. Госп. Бутков начал пока с получасовой передачей по субботам. Успех этого начинания зависит, насколько русские организации поддержат его своими ежемесячными взносами, должны его поддержать и русские коммерческие предприятия, но таковых, к сожалению мало, должны поддержать его и мы. Настоящим я обращаюсь к читателям и подписчикам НАШЕЙ ПЕРЕКЛИЧКИ с просьбой поддержать это наше национальное дело. Пусть каждый ассигнует на это какую либо сумму ежемесячно, размерами взноса не надо стесняться — из копеек составляется рубль.

А. Павлов

В редакцию для отзыва поступила книга С. В. Корсунец — „СКВОЗЬ БУРИ" — это сборник коротких и правдивых зарисовок со времен революции, Второй войны и лагерей. Недостаток места лишает возможности сказать о книге более подробно, книга хорошая и название ее несколько определяет содержание — сквозь бурн многне сумели пронести и любовь к человеку и сострадание и то лучшее, что заложено в душе каждого. Книгу искренне рекомендуем. В книге 180 стр., цена — 2 дол., заказы направлять в редакцию.

СЕДЬМАЯ ГАУБИЧНАЯ
(1918—1921)
Д. ПРОНИН, Г. АЛЕКСАНДРОВСКИЙ, Н. РЕБИКОВ.

Прекрасный памятник Белому Движению и его наиболее жертвенным участникам — русскому юношеству.

224 стр., 24 схемы. Цена 3 дол. 50 ц. с пересылкой. Заказы направлять в адрес „Нашей Переклички".

ЛАДОНКА

сборник стихов юного поэта—добровольца Ивана САВИНА. Для распространения этого сборника и чтобы дать возможность приобрести эту книгу возможно большему числу национально-мыслящих русских людей — цена ее снижена до 1-го доллара (с пересылкой). Разсчитываю, что подписчики и читатели НАШЕЙ ПЕРЕКЛИЧКИ воспользуются этим предложением и выпишут ЛАДОНКУ.

Заказы направлять в редакцию.

А. Павлов.

РОЗЫСК

Ищу брата АЛЕШУ СОКОЛОВА (Алексея Борисовича). Родился на Украине в 1902 г. Поступил в Добровольческую Армию на Кубани при отступлении к Новороссийску в 1919 г. Был на фронте перед взятием красными Екатеринодара. С тех пор судьба его неизвестна. Последние сведения из станицы Белореченской.

Прошу писать по адресу:

Natalie Scott
43 Concord Avenue,
Larchmont, N. Y., U. S. A.

„ВЕЧНАЯ РОССИЯ"

Сборник статей разных авторов в разных газетах и журналах, посвященных вопросу интересов „Вечной России" и борьбе с коммунизмом. Статьи: А. Дикого, Б. Ганусовского, Г. Месняева, С. Рафальского. Полный текст расчленительной резолюции в Антигве и Закон о плененных Нациях. Издание „Правда о России. Цена 75 ц. с пересылкой. — Заказы направлять в редакцию НАШЕЙ ПЕРЕКЛИЧКИ.

„НЕИЗВРАЩЕННАЯ ИСТОРИЯ УКРАИНЫ-РУСИ"

Том 2-ой.

По независящим от издательства обстоятельствам выйдет только в конце Июня и с 1-го Июля будет приступлено к разсылке всем предварительно подписавшимся. — Цена — 5 дол. Заказы направлять в редакцию НАШЕЙ ПЕРЕКЛИЧКИ.

РАСПРОСТРАНЯЙТЕ
„НАШУ ПЕРЕКЛИЧКУ"!

Выходит ежемесячно. Подписная плата 3 дол. 60 ц. в год. Можно подписываться и на любое количество номеров, исходя из расчета — 30 ц. за номер.

НОВАЯ КНИГА

ПОЛК. Ф. В. РУСАНОВА

„ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТКА ЛЕЙБ-ГВАРДИИ ГРЕНАДЕРСКОГО ПОЛКА"

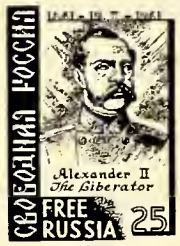
(1-ая МИРОВАЯ ВОЙНА)

В книге 12 исторических фотографий.

Цена книги 2 дол. 25 цент. с пересылкой.

Заказы и деньги направлять в редакцию Наша Перекличка.

Обнародование Императором Александром II, Освободителем, Манифеста 19 Февраля 1861 года об Освобождении Крестьян от Крепостной Зависимости.

1861  1961

Proclamation of the Manifesto of February 19. 1861 issued by the Emperor Alexander II. The Liberator, granting the liberation of the peasants from serfdom.

Эту марку можно заказать в ред. Нашей Переклички.

ПРОДАЮТСЯ РЕДКИЕ КНИГИ:

„Всеобщая древняя и новая история АББАТА МИЛЛОТА содержащая повествования о всех народах мира и доведенная до 1815 Года"

Издано в типографии Императорских театров С. Петербург 1820 года.

В кожаном переплете того же времени. Части 2, 6, 11 и 12. Цена за каждую книгу доллара 4.50.

Обращаться в редакцию „Нашей Переклички".

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1961 ГОД

на ежемесячный карпаторусский журнал

„СВОБОДНОЕ СЛОВО"

Пописная цена на год — $3.00. на полгода $1.50
Отдельный номер $0.25 — Двойной номер — $0.50.
Адрес редакции:
P. O. Box 992, Newark 1, N. J., U. S. A.

Адрес редакции:
A. PAVLOV, 423 W. 118 St., apt. 35.
New York 27. N. Y.
Tel.: MO 6-3886.

Printed in U. S. A.